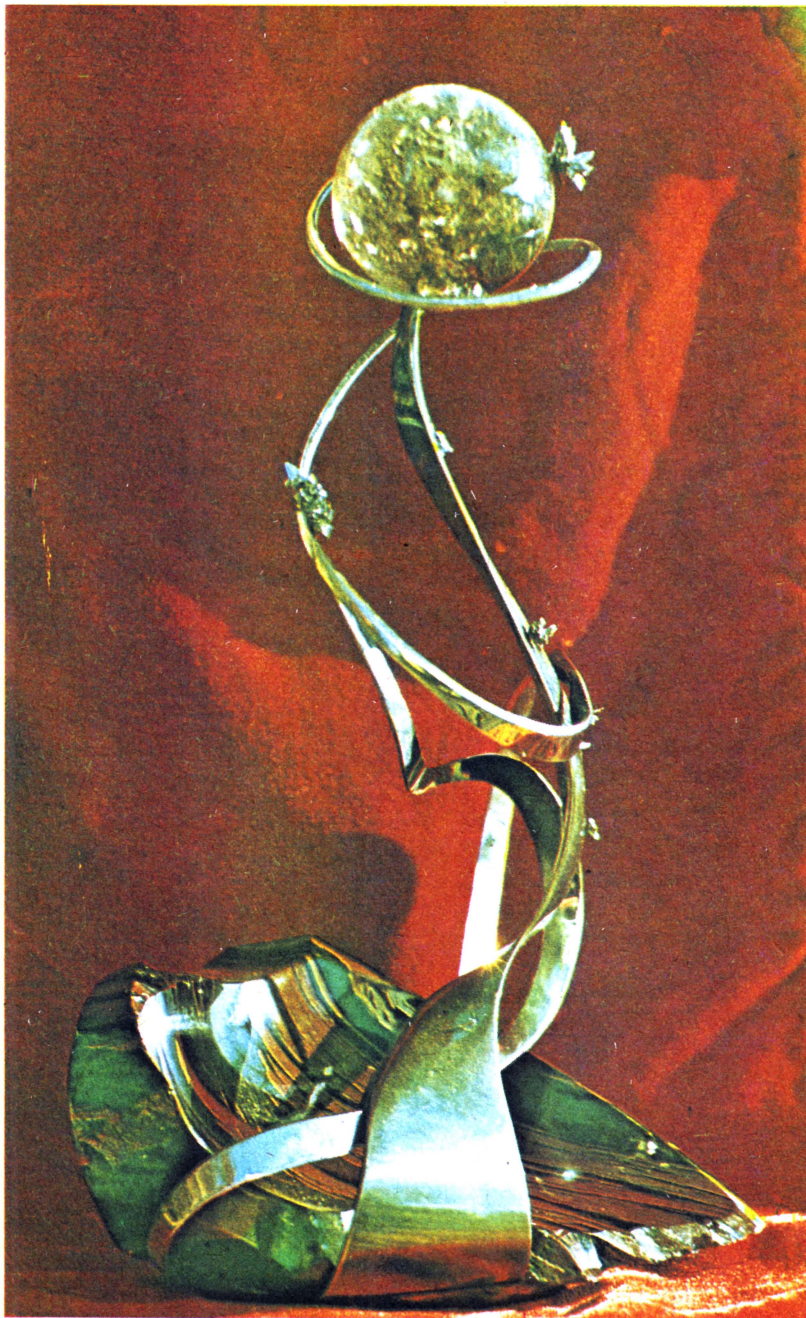

уральский

следопыт

№4 *** 1981

ПРИЗ «АЭЛИТА». Горный хрусталь (волосатик), обсидиан, металл
Выполнен свердловскими камнерезами
Михаилом НАДЕЕНКО и Виктором САРГИНЫМ

Фото А. Нагибина

«УВАЖАЕМАЯ РЕДАКЦИЯ!»

Хочу предложить свое название для приза. По-моему, долго тут думать не над чем. *Аэли*та. Удачнее названия не подберешь... «*Аэли*та» — один из первых советских научно-фантастических романов, а как он популярен и в наше время! С тех пор, как он был написан, полет на Марс многократно обыгрывался советскими фантастами, но все равно самым лучшим, самым известным, самым запоминающимся остался роман Толстого. И, разумеется, его героиня! В самом деле, *Аэли*та — самый яркий, романтический, живой образ в галерее марсианских и просто инопланетных красавиц, с которыми нас познакомили советские фантасты. Само это имя — *Аэли*та — приобрело огромную популярность как символ романтики, мечты. Имя героини Толстого звучало в стихах и песнях, употреблялось как метафора другими писателями, журналистами. А студенческие отряды «*Аэли*та»? А молодежные клубы или клубы любителей фантастики? Никто еще не подсчитал, сколько раз это имя употреблялось в этих или в других случаях, и вряд ли кто-нибудь когда-нибудь сможет это сделать. Титанические усилия потребовались бы... Нет, лучше название подобрать невозможно!..»

Читайте стр. 64.

В номере:

Н. Калугин АКАДЕМИКИ СОЛОВЬИНОГО ДОЛА	2
В. Краснов В ОГНЕ НЕ ГОРИТ, В ВОДЕ НЕ ТОНЕТ	4
В. Лобов ВПЕРЕД, НА СЕВЕР!	5
Н. Бердников ДОМ НА УЛИЦЕ МАТРЕНИНСКОЙ	8
Б. Вайсберг АЛГОРИТМ ТВОРЧЕСТВА	9
А. Любарская ПО ТУ СТОРОНУ ПРИЛАВКА	14
М. Петров ПЕРЕКАТЫ	18
ВЫ СПРАШИВАЛИ...	21
СЛЕДОПЫТСКИЙ ТЕЛЕГРАФ	22
А. Демченко ПЕСЧАНАЯ БУРЯ. Рассказ	24
НАШ ПЕРВЫЙ МОСТ. Стихи	30
И. Пешкова КАСЛИНСКИЕ МАСТЕРА	33
В. Пономарев С ВЯТСКИМ КЛЕЙМОМ	40
И. Деськов, В. Деськов ВИДЕТЬ ЗВЕЗДЫ	41
Л. СУРИН БЫЛО ТАКОЕ ОБЩЕСТВО...	45
В. Юрин РЫЖОВЫ	46
Ю. Липатников «ИСКРУ ВОВСЕ ИСТРЕБИТЬ...»	48
В. Головачев МЕРА ВЕЩЕЙ. Рассказ	51
КАЛЕЙДОСКОП. МОЙ ДРУГ ФАНТАСТИКА	62
Б. Семенов ШТУКАТУРЫ	65
Л. Федоров БЕЛОЛОБЫЙ	66
Е. Пинаев ГОШКА И ЯШКА	69
С. Мешавкин РАЗЯЩЕЙ САТИРЫ БОЕЦ...	74
И. Тарабукин СОБАКИЗМЫ	75
М. Столин ДЕНЬ СМЕХА	76
МИР НА ЛАДОНИ	78

Редакционная коллегия:
Станислав МЕШАВКИН
(главный редактор),
Муса ГАЛИ,
Алексей ДОМНИН,
Спартак КИПРИН,
Владислав КРАПИВИН,
Юрий КУРОЧКИН,
Давид ЛИВШИЦ
(заместитель главного
редактора),
Геннадий МАШКИН,
Николай НИКОНОВ,
Анатолий ПОЛЯКОВ,
Лев РУМЯНЦЕВ,
Константин СКВОРЦОВ

Художественный редактор
Маргарита ГОРШКОВА

Технический редактор
Людмила БУДРИНА

Корректор
Маяя БУРАНГУЛОВА

Адрес редакции:
620219,
Свердловск, ГСП-353,
ул. 8 Марта, 8
Телефоны 51-09-71, 51-22-40

Рукописи не возвращаются
Сдано в набор 29.12.80.
НС 11017.
Подписано к печати 17.02.81.
Бумага 84×108^{1/8}.
Бумажных листов 2,62
Печатных листов 8,8
Учетно-издательских листов 10,9
Тираж 254 000.
Заказ 501.
Цена 35 коп.
Типография издательства
«Уральский рабочий»,
Свердловск, пр. Ленина, 49.

На 1-й стр. обложки рису-
нок В. МЕРИНОВА.

© «Уральский следопыт», 1981 г.

ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
для ДЕТЕЙ
и ЮНОШЕСТВА

ОРГАН
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ
РСФСР
СВЕРДЛОВСКОЙ
ПИСАТЕЛЬСКОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ
и СВЕРДЛОВСКОГО
ОБКОМА ВЛКСМ

ИЗДАЕТСЯ
С АПРЕЛЯ 1958 ГОДА

СВЕРДЛОВСК
СРЕДНЕ-УРАЛЬСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

№4 * 1981

УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ

АКАДЕМИКИ СОЛОВЬИНОГО ДОЛА

**Николай
КАЛУГИН**

**директор Дедуровской
средней школы,
заслуженный работник
школы РСФСР**

*Кремлевский Дворец съездов.
XVI комсомольский съезд.*

*Школьникам далеко
оренбургского села Дедуровка
горячо аплодируют делегаты
и гости съезда.*

*Дедуровская средняя школа
и колхоз имени Кирова
стали лауреатами
премии Ленинского комсомола.*

*Впервые в стране
колхоз и школа
удостаивались такой награды.
Это была победа.*

*К ней шли несколько лет
педагогический коллектив
и колхозные руководители.
Недавно в школе побывала
наш внештатный корреспондент
Наталья Варгащенко.*

*Она и записала рассказ
Николая Климентьевича Калугина,
директора школы.*

Соловьиный дол — наш лагерь труда и отдыха... Его в колхозе так и зовут — Академия...

Я смотрю — сейчас уже дети детей первых тех «академиков» азы деревенского труда постигают. Ведь, в сущности, почти все нынешние колхозники — выпускники школы. Я намеренно не называю фамилий... Разговор пойдет о коллективе. Мы готовили ребят к труду коллективному... Но поиск продолжается. Сейчас он идет по двум направлениям: совершенствование общеобразовательной подготовки учащихся и научно обоснованная, соответствующая не только сегодняшним, но и прогнозируемым потребностям колхоза профессиональная ориентация школьников.

Собственно, проблема состоит не столько в том, чтобы оставить выпускника школы в родном селе. Важно закрепить его и после службы в армии, дать возможность в полной мере раскрыть свои способности. Как этого достичь?

По моему глубокому убеждению, подросток усомнится в верности избранного пути только в том случае, если с первых же шагов встретится с плохой организацией труда. Или — просто с плохим коллективом...

Важно воспитать ученика так, чтобы еще за школьной партией он понял, что сам что-то умеет. Скажем, может управлять трактором, комбайном, дойльным аппаратом. Пусть здесь один: от живого слова учителя к «живому» звуку работающего агрегата. Это вторая половина дела. Коротко говоря, школа и колхоз работают не рядом, а вместе. Это своего рода стиль дедуровской жизни. Но существовал он не всегда. И возник не сразу. Он складывался на протяжении многих лет...

Первые шаги в педагогику я сделал в апреле 1946 года, когда после демобилизации меня направили директором Дедуровской семилетней школы. Об этом свидетельствует первая и пока последняя запись

в трудовой книжке. Мой сельский жизненный опыт, память трудного детства стали хорошими помощниками. Однако уже на первых порах обнаружилось, что единомышленников у меня немного. Большинство недоразумений было, конечно, из-за экономической слабости колхозов (в нашем селе до пятидесятого года их было четыре). Считалось, раз пришел директор школы в правление, значит, что-то будет выпрашивать. А у хозяйств свои прорехи, не знают, какую и латать.

Обижаться-то я обижался, но старался понять, откуда такое отношение к школе. И понял вот что: равнодушие к ней вызвано отчужденностью самой школы от хозяйств. Размышляя об этом, я не мог не заметить того, что учителя очень далеки от проблем сельской жизни.

Каким должен быть первый шаг для сближения школы с колхозом? Вопрос вынесли на обсуждение учителей. Решение было таким: школе активно включиться в жизнь села, стать первым помощником коммунистов в воспитании людей. Решение стало точкой отсчета новых отношений между школой и селом. Учителя пришли к колхозникам в новом качестве — как пропагандисты общества «Знание», как участники художественной самодеятельности. Так школа дала знать о себе. Но были и другие дела, которые колхозники оценили по крупному счету. По почину учителей в 1948 году школа была освещена электричеством. Этим было положено начало электрификации Дедуровки. Важным событием в жизни села стало создание колхозного радиузла, что произошло опять-таки благодаря школе.

Ответная реакция была более чем благодарной: новое здание школы, бесплатные завтраки для учащихся, новенький трактор С-80 в канун посевной для озеленения территории школы. Потеплению в наших отношениях в огромной степени мы

были обязаны кавалеру трех орденов Ленина, ордена Октябрьской Революции, Герою Социалистического Труда, отличнику народного просвещения Василию Степановичу Шинкареву, более тридцати лет назад возглавившему колхоз имени Кирова.

Итак, контакт был установлен. Но проблема соединения села и школы в одну семью еще не была решена. И подтверждением тому было стремление выпускников уехать в город. Стало быть, проблема требовала разработки вглубь. А именно: необходимо было максимально сблизить деятельность школы с производственной жизнью хозяйства. Работая на полях, фермах, в ремонтных мастерских, школьники получали бы практические навыки, а заодно и опробовали бы свои силы, возможности.

И вот так материализовалась мысль о необходимости приближения учебно-воспитательного процесса к колхозному производству. Первый урок в первом классе — первые шаги по родному селу, экскурсия по Дедуровке, рассказ о том, как изменилась она за годы Советской власти. С первых же уроков начинается приобщение детей к практическому труду. Вначале этот труд заключается в уходе за комнатными цветами и уголком природы, в котором находятся гербарий здешних растений, материал «Живой мир нашей местности», карта Оренбуржья, где выделен Оренбургский район и село Дедуровка, календарь природы. Ребята ведут дневник, в котором записывают наблюдения за растениями. Начинают понимать: знать природу должен каждый человек, а будущий хлебороб — особенно.

Дальше ребята получают задание помочь родителям вырастить овощи и цветы. В сентябре второклассники приносят урожай на школьную выставку.

В третьем классе на уроках труда школьники уже мастерят пособия, игрушки для яслей. Не скупились и на экскурсии, на животноводческую ферму например.

Материалы экскурсий используем на уроках русского языка, математики. Не новинка, к примеру, составление задач на местном материале. Скажем, зная количество проданного государству зерна и его закупочную цену, школьники могут подсчитать, сколько денег выручило хозяйство. Уже в начале жизненного пути ребенок учится считать колхозную копейку, постигает азы сельской экономики.

Мы не были пионерами в создании ученических бригад, но многое нам пришлось додумывать, нередко экспериментировать.

Первые четыре года нашей бригады были исключительно юннатски-

ми. Во время учебного года ребята изучали методику, технику постановки опыта, изучали агробиологические особенности возделывания культур, над которыми предстояло работать. Летом закладывались опыты. Школьный опытный участок превратился в небольшой научный центр, а нашу бригаду стали называть «Малой Тимирязевкой». Юные натуралисты работали над заданиями Оренбургского сельскохозяйственного института и правления колхоза имени Кирова по сортоиспытанию твердых пшениц и ячменя.

С созданием производственного лагеря бригада стала неузнаваемо меняться, набирать силу. Забот у юных опытников заметно прибавилось. Ученическая бригада стала производственной единицей. Работа на севе, жатве, уход за телятами, выращивание цыплят, возделывание овощных полей — все это стало делом школьной бригады.

В начале шестидесятых годов о делах ученической бригады заговорили не только в районе, но и в области. По решению областного слета наша бригада была награждена трактором «Беларусь», многие ребята получили грамоты правления колхоза имени Кирова и ценные подарки. Это была важная веха общественного признания ребятских дел.

Потом был Дворец съездов. Вручение золотых медалей лауреатов премии Ленинского комсомола и лауреатских дипломов. Эта веха обозначала то, что школа и колхоз достигли полного взаимопонимания. За школой был закреплен земельный участок площадью 25 гектаров с введением на нем десятипольного севооборота для проведения опытнической работы. Были выделены животноводческие фермы, где школа организовала производственное обучение учащихся, опытническую работу над животными. Распахнулись для нас и двери колхозных мастерских.

Но надо сказать, что, как бы ни была велика отдача школьного поля, оно одно не могло решить всех вопросов подготовки механизаторов. Ребятам необходимо и трудовое общение с колхозниками. Так в Оренбуржье возникли первые ученические агрегаты, работающие под руководством опытных наставников. На севе, например, учащиеся девятых классов работают в поле шесть часов. Между школьниками и профессиональными механизаторами ведется соревнование. Нередко первое место доставалось учащимся.

Итак, переходя из класса в класс, школьник все выше и выше поднимается и по ступеням профессиональной подготовки.

Нам, конечно, небезынтересно, какого специалиста мы вырастили. Но не безразлично и то, какими

приходят к нам будущие школьники. Почему бы не начинать с детского сада?

Педсовет решает включить в школьную систему группу «подготовишек». Так появился «Зеленый колосок». Его поручили воспитательнице школы продленного дня Любови Ильиничне Дегтевой — мастерице на все руки. Она оказалась очень подходящим директором «Колоска». И агроном, и сказочник, и режиссер, и исполнитель, и художник. Заниматься с детьми было решено по два часа три раза в неделю. Но первые три занятия провели не с детьми, а с их родителями. Объяснили суть эксперимента, попросили помощи, содействия.

Кстати сказать, мы заметили, что питомцы «Зеленого колоска» более подготовлены, более организованы, чем их сверстники, которые прошли мимо «Колоска». «Зеленый колосок» дорог нам как долго искомое первоначальное звено в системе профессиональной ориентации учащихся. Отсюда — прямой путь в Соловьиный дол, от «Зеленого колоска» — к золотому колосу.

...В минувшем году, готовясь к достойной встрече XXVI съезда КПСС, ученическая бригада Дедуровской средней школы приняла повышенные обязательства. На посевной 12 ученических экипажей засеяли более трех тысяч гектаров ранних зерновых. На жатве-80 пятнадцать старшеклассников работали помощниками комбайнеров, двое учителей встали за штурвалы комбайнов. Ученическими экипажами скошено 4704 гектара зерновых, намолочено 31466 центнеров зерна. Десять девятиклассниц летом работали операторами машинного доения. Ими надоено 53820 килограммов молока. Шесть девчат работали летом поварами в тракторно-полеводческих бригадах. А для души в Соловьином долу было посажено 1500 тополей. Стало быть, стиль дедуровской жизни приобрел, наконец, законченный вид. Так мы живем...

В ОГНЕ НЕ ГОРИТ, В ВОДЕ НЕ ТОНЕТ

Валерий
КРАСНОВ

— Сейчас вы убедитесь, на что способна наша вата... Только пойдете вон туда, к газосварщикам, а то технолог увидит.

Заинтригованный, я шел за парнем, рассматривая на ходу клочок обыкновенной ваты, которую много раз видел в аптеке. Парень положил себе на руку белый пушистый клочок и направил на него голубоватое пламя сварки. И ничего не произошло. Тоненький слой ваты надежно охранял ладонь от пламени. Поняв, что эксперимент угрожает моему новому знакомому только нагоняем за нарушение техники безопасности, я заявил, что убедился в чудесном свойстве нежного ватного клочка...

Уже который раз я прихожу в этот цех и всякий раз меня чем-нибудь удивляют.

...В декабре 1973 года на Сухоложском производстве Богдановичского огнеупорного завода торжественно сдавали в эксплуатацию новый маленький цех. На Урале нередки цехи и с тысячным коллективом, а этот — меньше ста человек. Но на его пуск приехали корреспонденты почти всех центральных газет. И повод действительно был. Здесь, в этом небольшом цехе, впервые в нашей стране начался выпуск каолиновой ваты — высокоглиноземистого волокна. Сравнительно тонкая и легкая прослойка из этой ваты успешно заменяет толстый и многотонный теплоизоляционный пояс в печах, выплавляющих металл. Только в этом видели применение ваты вначале. А вообще, о каолиновой вате, к выпуску которой готовились тогда на Богдановичском огнеупорном заводе, знали очень немногие. Да и как об этом можно было знать, если в нашей стране такая продукция не выпускалась? Правда, в одном московском институте вату делали лабораторным способом, но то был эксперимент. А потребность в уникальном теплоизоляционном материале росла. Как-то инженер завода Г. А. Калугин прочитал в журнале «Наука и жизнь» маленькую заметку о каолиновой вате. И подумалось ему тогда, что можно наладить ее выпуск на заводе — сырье есть.

Многие специалисты загорелись желанием начать выпуск новой продукции. Переговоры с министерством были недолгими, и вскоре началось строительство цеха.

Построить здание цеха — это еще не задача. Сложность в том, что в нашей стране не было ни одного специалиста, знакомого с промышленным производством каолиновой ваты, ни одной машины по выпуску такой продукции. Сконструировать, изготовить и смонтировать машину взялись сотрудники того же научно-исследовательского института, а во-

прос о специалистах предоставили решать самому заводу. Вот тогда-то и пришли к руководителям комсомольцы Н. Ситников, М. Рашкин, молодые рабочие А. Алимпиев, В. Окатьев, А. Пономарев. Они просили направить их в институт на стажировку, и вскоре вместе с инженером-технологом Г. П. Калугиной уехали в Москву. Там-то они и увидели впервые эту необычную вату, которая и в воде не тонет, и в огне не горит. Сейчас они вспоминают, как по наивности пытались подпалить ее горячей спичкой или сжечь клочок над газовой горелкой, и все удивлялись: странная вата!.. Еще бы: для нее температура и в полторы тысячи градусов не смертельна...

Продукция завода давно «работает» на Карагандинском и Нижнетагильском металлургических комбинатах, на Новолипецком металлургическом заводе. Растет количество заказов.

В следующий мой приезд на завод меня просто оборвали на полуслове:

— Что вы все — вата да вата!.. Смотрите: картон, войлок, бумага, ткань... Это все из нее сделано!

А напоследок показали отрезок трубы большого диаметра — ну, как, мол? И труба сделана из ваты... По ней может течь расплавленный металл.

Высокоглиноземистому волокну, которое в обиходе зовется ватой, присвоен государственный Знак качества.

...Комсомольцы завода первыми встали к печам, первыми зажгли факелы, и сейчас они тоже первые. На праздничные демонстрации они вывозят большой рулон из ваты. И когда их спрашивают — что это, что из нее делают, для чего применяют, они без основания говорят:

— Если у вас есть лишний час, то можем перечислить. В краткое время разговор о вате не уложится...

Вперёд, на Север!

**Владимир
ЛОБОВ**

*Рисунки
Т. Анпиловой*

— Куда вы набиваетесь? Не трамвай же — вертолет... — ворчит летчик МИ-6. Нас больше пятнадцати человек получилось, а столько нельзя. Но все же летим.

Внизу — тундра болотная, ягельная, пестротканая. Где красная, где зеленая, где сизая. Кажется, можно ее резать кусками и стелить вместо ковра. Хорошо сверху смотреть — далеко видно. Дорога песчаная стелется — отсыпкой называется. Еще недостроена, вернее, недосыпана до конца. Но машины-трубовозы ползут, а кое-где видны и вездеходы. На место прилетели через полчаса, а вездеходу бы три дня понадобилось... Ягнетская компрессорная — вот мы куда попали. Посверкивает она на солнце серебряными алюминиевыми боками и нужна здесь, чтобы давление поднимать по газопроводу на Урал. А газа на Уренгое столько, что запасы сосчитать трудно. Уникальное месторождение. Уникальность же в том, что оно газоконденсатное, то есть с ценными примесями. Газ как бы в два яруса уложен. Сверху сухой — сеноман, а пониже валанжин — почти готовое топливо.

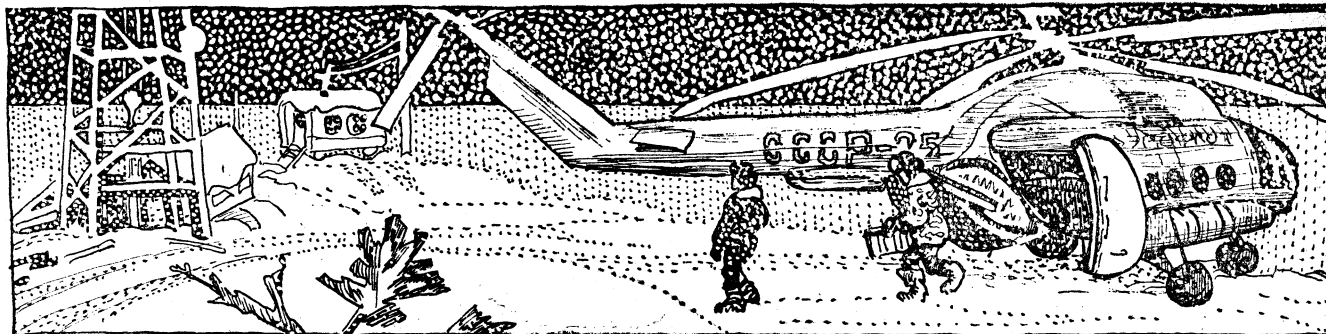
По правилам газ всегда снизу вверх добывать начинают, то есть первым пласт валанжина разрабатывается. Ну а куда тогда конденсат девать? Не выбрасывать же. Вот и решили газовики вначале сеноманский сухой газ у природы взять, благо его ярус большой мощностью обладает и отличными коллекторскими свойствами. Но и о втором ярусе не забыли. Сразу же смонтировали опытную установку для получения дизельного топлива. И за год на ней получили сто тонн солярового масла — топлива для дизельных двигателей.

В 1978 году страна получила из Уренгоя первые 13 миллиардов кубометров газа. И добывали его всего 98 человек. А через год добытчиков газа стало уже более шестисот человек, треть из них молодые рабочие. Со всех уголков страны едут на комсомольскую ударную стройку. Нынче предстоит добыть уже 31 миллиард кубических метров топлива. Технический проект «Уренгой-30» воплощен в жизнь. Затраты на него — более миллиарда рублей — окупаются сторицей. Сейчас начата работа над проектом «Уренгой-60», рассчитанного на добычу шестидесяти миллиардов кубических метров газа в год. Следующий этап — еще масштабней — 185 миллиардов кубометров газа в год.

...После этих цифр я на болота с уважением смотрел. Это надо же, какие там богатства скрываются!

А на совещании, куда мы прилетели, о многом говорили. Но прежде всего интересовал всех график производства работ — все ли в срок сделано. Работают тут не считаясь со временем. Пока холода и дожди не наступили, каждую минуту берегут. То, что в хорошую погоду за день сделаешь, потом за неделю не успеешь. И вся беда здесь в том, что строить не из чего, и дорог нет. Леса в тундре нет, металла тем более. Все стройматериалы приходится везти издалека, из Тюмени. А сюда они изо всех уголков страны поступают. Но ведь если каждую деталь по отдельности отправлять, да перегружать сколько, — слишком дорого получается. Вот и решили строить все, что можно, прямо на месте и целиком на Север посылать. Создали для этого специальное объединение Сибкомплемонтаж. Там все сразу и собирается, а потом на вертолетах или на баржах доставляется куда нужно. Продук-

ция завода блок-боксами называется. Где только на Севере ее не увидишь! И дома жилые стоят, и производственные помещения — все серебром на солнце переливается, все одного завода детища. Даже кино-театр на Уренгое блок-блочный, и обе столовые тоже.

А люди тут живут не только в домиках, вагончиках, но еще и... в бочках. И дома-бочки здесь даже больше ценятся — теплее в них, удобнее как-то.

Диоген тоже в бочке жил, поэтому и в историю попал. Тут, на Севере, живут в бочках пока не для истории, просто удобнее такие дома по рекам доставлять — не тонут и не застревают нигде. Но потом-то эти строители все равно в историю попадут, ибо мужество, героизм, трудовой подвиг не забываются никогда. А еще есть на Уренгое баумовские домики. Так они и называются — «баумовские». И чудится мне в этом названии та невидимая нить, которая прочно связывает воедино все ударные комсомольские стройки века. И если на Уренгое баумовские дома, в Челябинске — уренгойский газ, в Нечерноземье — челябинские трактора. И всюду комсомольский задор.

Когда-то Иван Власович Ратиев был секретарем комсомольской организации. И неплохим секретарем. Сейчас Ратиев коммунист, заместитель секретаря партийной организации передвижной механизированной монтажной колонны № 9 объединения Сибкомплемонтаж.

Тундра красива сверху. Из везде-

хода же она похожа на море: то круто вздымаешь вверх, то ухаешь куда-то вниз. Только все с замедленной скоростью. На четвертую установку комплексной подготовки газа, где работает Ратиев, мы подъехали уже к вечеру.

Меньше всего я ожидал его встретить в маленькой фотолаборатории, оборудованной тут же в его жилой бочке. Иван Власович печатал фотографии. На всех кадрах было почти одно и то же — заводской брак. Ратиев — член комитета народного контроля.

Мне не повезло. Во-первых, про Ратиева уже писали многие. А повышенный интерес корреспондентов кого хочешь выведет из себя. Во-вторых, Ратиев ушел в пассив. Просто случилось так, что Ягнетская компрессорная станция требовала приложения всех сил ПММК-9 объединения Сибкомплемонтаж. Сюда отправили материалы, перебазировали людей. В бригаде же Ратиева почти никого не осталось. И он, привыкший к постоянной работе, к кипучей жизни, оказался не у дел. Механически выбывал он и из соревнования, ибо шло уже соревнование неравных. Такое положение будет недолгим, сдадут компрессорную, и все силы бросят сюда, на УКПГ-4. Но пока Ратиев в пассиве. И это выбивает его из колеи, не дает покоя. Уходят люди, к которым привык, сработался. Материалы поступают нерегулярно, нет того напряжения, когда каждый день на счету, когда торопишься сделать больше. В такой обстановке трудно сохранить коллектив. Ратиев держится. За тот десяток лет, что провел на Севере, он уже привык ко всему. Только вот без

работы сидеть не может привыкнуть.

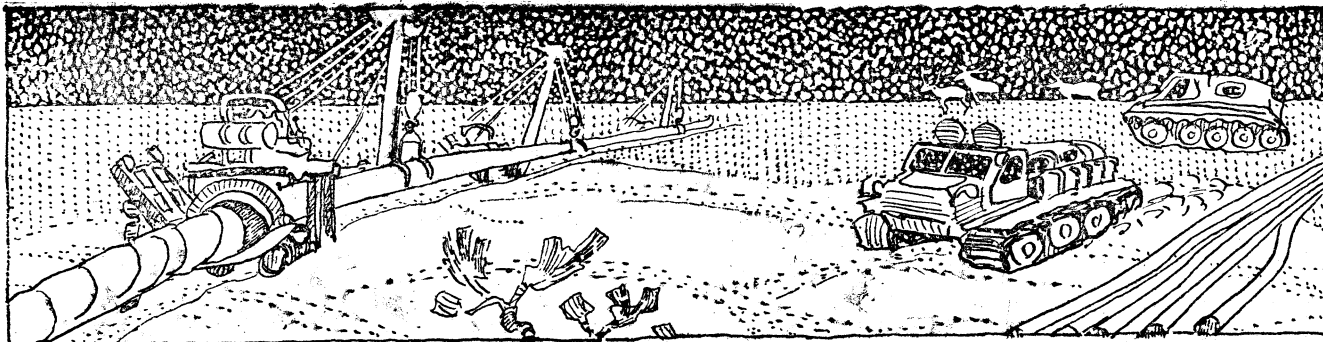
Когда Ратиев ехал сюда, он ждал только работы, только трудностей, мечтал сразу попасть в Тюмень. Но встретил его сначала мост у монгольской границы. Лишь после этого, наконец, оказались они с женой на Тюменском Севере.

Искал трудностей, о которых вычитал в книгах, в газетах, а пришла некая будничность. Привычка заменила романтику. То, что поначалу выглядело героическим, стало обычной работой. Мне показалось даже, что Иван Власович, дабы не обижать любопытных журналистов, специально подбирает для них разные эпизоды.

Рассказал мне, как в прошлом году не работала у них артезианская скважина. Умыться было негде. Но у каждого из парней была своя... лужа и своя тропинка к ней. Так вот соблюдали и гигиену, и законы товарищества не были нарушены, потому что, когда вода пересыхала, то уж чем-чем, а лужами делились.

Смешная история, из тех, на которые не обратишь и внимания. А если вдуматься: не из этих ли вот лишений, умения отказаться от благ цивилизации, преодоления трудностей и складывается северный характер. Не из этого ли и состоит подвиг — все то, что делается в этом суровом крае, и все это — и индивидуальные лужи, и минус 50 градусов неделями. Перед тем, как я поехал к Ратиеву, начальник ПММК-9 Е. Г. Малышевский перелистал свой старый блокнот. В одну колонку выстроились там цифры погоды в феврале:

1 февраля — минус 45, с ветром.

2 февраля — минус 47.

И дальше: минус 52, минус 53, 48, 47, 50, и, наконец, 10 февраля — оттепель — минус 38 градусов.

...Когда Ивану Ратиеву еще не было восемнадцати, открыли в южном городе, где прошло его детство, школу парашютистов при ДОСААФ. Иван Власович был одним из первых, кто записался туда.

Белый купол парашюта над головой, голубое небо, ощущение полета, одно слово — высота! И, видимо, всю жизнь манила она Ратиева.

Никогда не думал Иван, что станет монтажником, что найдет свою высоту здесь, на рабочих площадках. В ФЗУ, так тогда назывались теперешние ПТУ, изучали понемногу все строительные профессии. И в училище, и в школе привлекали Ратиева — машины, краны.

Бригадиром Ратиев стал вроде бы случайно.

— Работал монтажником, — улыбается он, — да случай... Бригадир наш стал часто в командировки ездить, приходилось мне подменять его. И вот потерял он контакт с ребятами. И даже при нем уже со всеми вопросами ко мне обращались.

Но возглавил Ратиев не эту бригаду, а соседнюю, отстающую. Не сразу решился принять такой коллектив, где работал каждый сам по себе, куда собраны были самые нерадивые.

Взял он их экономикой, правильно используя материальную заинтересованность. Начал спланировать вокруг себя кольцо более или менее трудолюбивых, не считающих за грех задержаться после работы. Остальные уходили по гудку. Иван не держал. Сам работал в две сме-

ны, везде поспеть старался. Первая же полчка стала переломной. В следующем месяце никто уже не спешил домой, не выполнив намеченного на день. А через полгода монтажники завоевали первое место по Салехарду, чуть позже и по Ямало-Ненецкому национальному округу. Очень много было у Ратиева потом призовых мест, успехов в соцсоревновании.

В чем секрет, как вычленить закономерность этих побед? Чем объяснить такое завидное постоянство? Характером?

— На охоту за утками, не хочешь? — спросил меня Иван Власович. — А то вон ружье у нас бригадное. Вернее, мое, — поправился чуть позже.

Может, истина в этой неотделимости своего и общего? После отпуска в его чемодане непременно какие-нибудь запчасти, привезенные с Большой земли, хотя вроде и неуютно железкам лежать рядом с рубашками.

Ратиев, например, считает, что жесткими командами ничего не добьешься. Пусть больше времени потратишь на объяснения — зачем и почему надо делать сейчас именно эту работу, когда есть более выгодная, — зато люди потом с душой отнесутся к делу, все как надо сделают.

На Медвеьем Ратиев участвовал в строительстве девяти установок комплексной подготовки газа. А дело это поначалу новое было для страны. И первые установки монтировали с помощью специалистов Франции. Рассказывает Иван Власович, что посмеивались иностранцы над нашими сроками. Слишком уж фантастическими они казались. По их представлениям, пока все до од-

ного винтика не будет закручено, пока вся территория вокруг не будет обихожена, — работать нельзя. А у нас получилось так: еще и крыши над головой не было, а газ уже шел. Оборудование работало — и сроки соблюдены были. Тут, конечно, палка о двух концах. Естественно, плохо без красоты, плохо, когда не все, что положено, сделано сразу. Но зато сколько за эти месяцы газа получила Родина, сколько стали выплавлено.

Сейчас Ратиев трудится на Уренгое.

— А потом на Север пойдём, все дальше и дальше. Видишь, вон здания виднеются, — махнул рукой Ратиев. — Там пятое ГП, а прямо за ним Полярный круг проходит.

Искушение дойти до Полярного круга было велико. Расстояние казалось ничтожным. Вот когда я познал, что такое тундра. С вертолета она красива, с вездехода — к красоте добавляется лягз мотора, забытые грязью траки. Когда идешь пешком и почва уходит у тебя из-под ног, а в сапогах уже противно чавкает вода и конца-краю не видно всем этим кочкам, болотцам, тогда только поймешь, что такое тундра. И я не дошел до Полярного круга.

А у парней здесь работа. И водитель, бывает, многие километры шагает пешком, не выдерживает нагрузку машина, сварщикам приходится осторожно варить на морозе, потому что металл не выдерживает и начинает крошиться... Да, дюжит здесь только человек. И все потому, что у него есть цель! И цель эта — вперед, на Север!

Дом на улице Матренинской

**Николай
БЕРДНИКОВ**

Осенью 1907 года подпольная большевистская организация в Екатеринбурге переживала тяжелые дни. В тюрьме оказался весь городской комитет и его актив. Власти торжествовали: наконец-то с революцией в главном городе Урала покончено.

Но не прошло и двух месяцев, как во многих уральских городах и на заводах снова появились дерзкие листовки за подписью Екатеринбургского комитета РСДРП. Да что листовки! По рукам вновь пошли свежие номера большевистской газеты «Уральский рабочий». Это была продукция нелегальной типографии уральских большевиков.

Типография эта была создана в Екатеринбурге еще в начале 1907 года при непосредственном участии посланцев партийного центра — М. Н. Лядова, И. И. Шварца, Ф. А. Сергеева (Артема), И. И. Кириевского. Она переименовала несколько адресов и в последний раз находилась в доме на улице Верх-Вознесенской, 2 (ныне улица Тургенева), где сейчас стоит главное здание Уральского университета.

Когда осенью появились первые тревожные вести об арестах, комитет, не мешкая, решил типографию на время свернуть. Ночью ее оборудо-

вание тайно увезли в расположенный поблизости от города Верх-Исетский завод и укрыли у верного товарища.

А в декабре в Екатеринбурге появился член Центрального Комитета Иван Адольфович Теодорович, или по партийной кличке товарищ Платон. Первым делом он постарался возобновить работу нелегальной типографии.

К этому времени в Екатеринбург съехалась группа опытных «техников», как называли тогда в подполье специалистов по печатному делу. Из Москвы прибыли Василий Майоров и Нина Чистякова, из Челябинска через Уфу и Пермь, спасаясь от ареста, приехала Елизавета Белопашенцева. Они, как одна семья, сняли квартиру на Верх-Исетском заводе на улице Матренинской, 7. И нелегальная типография начала выдавать свою продукцию.

В феврале 1908 года Теодорович был арестован. Типография между тем продолжала действовать. 7 марта 1908 года она снова выпустила номер газеты тиражом в полторы тысячи экземпляров. Только на этот раз газета вышла под названием «Рабочий» и как орган Екатеринбургского комитета РСДРП, тогда как предыдущие три ее номера были органом Уральского областного комитета.

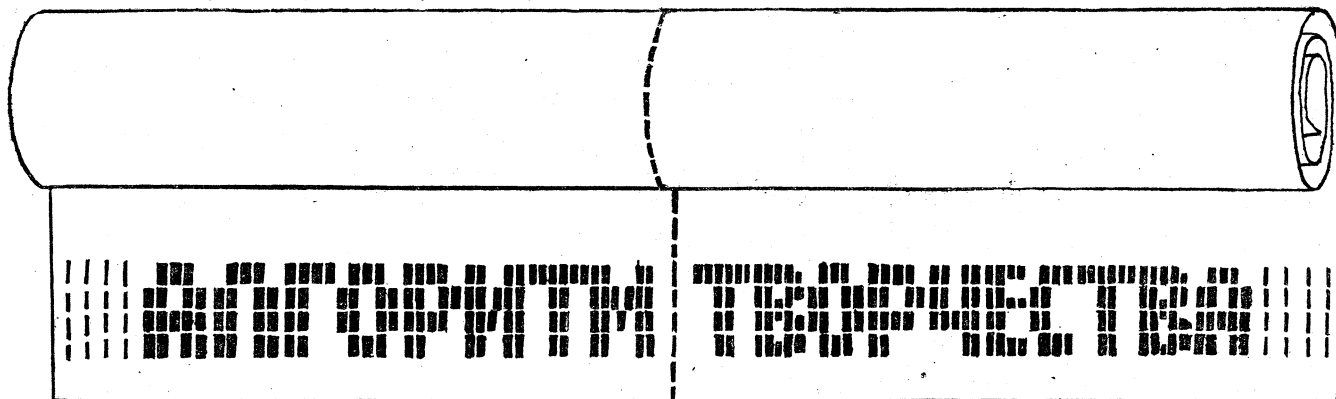
Этот номер газеты оказался последним. В ночь на 9 марта, когда техника была на полном ходу, в дверь домика на Матренинской, 7 раздался стук: за окном в свете луны маячили фигуры вооруженных всадников, дом окружила полусотня ингушей.

С товарищем Платоном арестованные «техники» встретились лишь через полтора года на суде. Теодорович и Майоров получили по четыре года каторги. Чистякову и Белопашенцеву приговорили к году заключения в крепости.

Но когда проходил суд, в Екатеринбурге уже снова активно действовал Уральский комитет большевиков.

На снимке: дом в Свердловске на улице Синяева, 60, где в 1907—1908 годах находилась нелегальная типография большевиков.

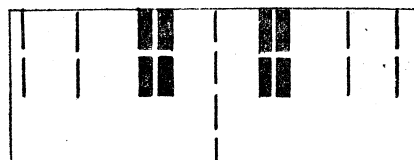

Из записок инженера

**Борис
ВАЙСБЕРГ**
Оформление
В. Ганзина

Пропавшая книга

Всякий раз, поднимаясь к себе в отдел на четвертый этаж, минуя дверь на лестничной площадке. Висит на двери табличка: «Отдел АСУ», то есть автоматизированных систем управления. За нею, я знаю, бывал там, таинственный мир электронно-вычислительных машин и математических символов, программирующих языков и хитроумных электронных устройств.

Отдел этот на нашем заводе еще очень молод, ему несколько лет от роду. Впрочем, и на других заводах такая же картина. Где-то чуть больше, где-то — меньше, но повсюду АСУ только начинают проникать в производственную жизнь.

Не привыкли еще мы, машиностроители, к ним, «асушникам», как прозвали на предприятиях работающих в этих отделах. Плохо, смутно представляем себе, чем там занимаются люди, как составляют програм-

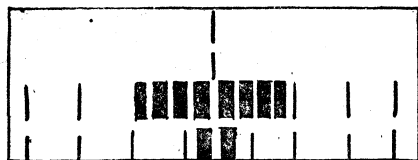
мы, как работает у них техника и что это за машины. Машиностроители привыкли понимать под этим словом некие движущиеся механизмы, производящие работу, энергию, выдающие какую-то продукцию. А здесь вроде ничего не производится, ничего не движется, если не считать время от времени вращающихся бобин с магнитной лентой да стука пишущей машинки, наподобие обычной секретарской.

Когда находится повод, люблю бывать здесь, в отделе АСУ, в этом непонятном, таинственном мире. Если повод очень нужен, он скоро появляется. Знакомый молодой инженер-электроник Гера за обедом с восторгом объявил, что читает интереснейшую книгу по изобретательству. Ни названия, ни автора не помнит. Как часто бывает с потрепанными книгами — без начала и конца. Говорится в ней о разных изобретениях, по всем отраслям техники, и не только техники — медицина, сельское хозяйство, физкультура и спорт.

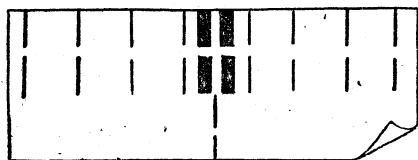
Любопытно, что это за книга, подумал я. Все, что выходит в свет по изобретательству, не минует наш отдел технической информации. Быть может, «Алгоритм изобретения» Г. Альтшулера? Или «Тайны изобретательства» Г. Буша? «Как рождаются изобретения» В. Мухачева? Или «Вдохновение по заказу» двух авторов?

Выбрав время, я спустился на этаж ниже. Инженер Гера долго искал таинственную книгу в своем столе. Спрашивал товарищей, умоляя отдать или признаться, кто взял. Никто не признавался.

Телепатическая ЭДС

Пока разыскивали пропавшую книгу, другой инженер-электроник Юрий Козырев, возрастом постарше и опытом побольше, подвел меня к двери, за которой, судя по надписи, находилась электронно-вычислительная машина третьего поколения. Гостеприимным жестом хозяин приглашает войти. Толкая дверь, не открыва-ется. Вопросительно смотрю на Козырева. С серьезным выражением лица он слегка отстраняет меня, за-катывает рукава и начинает делать над дверной ручкой некие движения.

В тот момент он был и вправду похож на восточного факира: худоба, халат, борода. Он долго приговаривал что-то вроде «Шулды-булды, карам-сезам, дверь открылся!». Вдруг замок щелкнул. Вновь захлопнув дверь, Козырев жестом фокусника опять предложил мне попробовать. Что за чертовщина, у меня дверь не открывается!

Вокруг уже собралась толпа любопытных, благо прозвучал звонок на физпаузу. По выражению лиц понимаю, что меня разыгрывают и, по всему видно, не меня первого. Уже и реплики веселые пошли: а еще в патентно-информационном отделе работает, а еще новшествами занимается.

Спасла положение таинственная книга. Наконец-то она отыскалась. Издали я узнал: это был не что иное, как «Бюллетень изобретений, промышленных образцов и товарных знаков». Сдерживая смех, рассказал, что издание выходит трижды в месяц, а этот экземпляр старый, судя по номерам авторских свидетельств, пяти-шестилетней давности. Между прочим, наш, библиотечный экземпляр, вот и пометки наши, а мы его потеряли. По всем правилам, инженеры должны в обязательном порядке под расписку изучать в «Бюллетене» свои разделы и отбирать изобретения для проработки и применения.

Пришел черед смущаться окружившим меня ребятами. Какие же они молоденькие! Самые что ни на

есть молодые специалисты, в точном, юридическом значении этого понятия. То есть со стажем работы в более трех лет, а эти вообще в большинстве — первогодки.

Впрочем, «успокоил» я ребят, слабо следя за последними новинками и изобретениями не только молодые. Юмор был ребятами понят быстро; в чем другом, а в юморе они прекрасно разбираются.

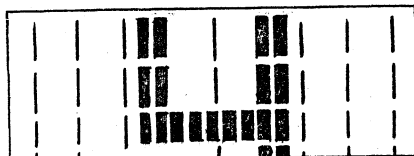
— А вот, пожалуйста, мы изобрели телепатический замок, — сказал, указывая на дверь, Юрий Козырев.

Как ни мизерны мои познания в электронике, их хватило, чтобы не поверить в телепатическую ЭДС. И все-таки не мог я понять, что же делает Козырев с дверью. Уж не создал ли он устройство, которое реагирует на голос хозяина?

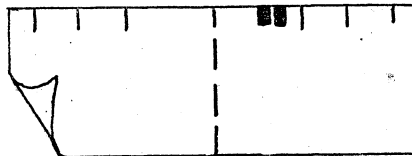
— Сдаюсь, — сказал я, подняв руки. — Если есть здесь нечто новое и оригинальное, советую поговорить с патентоведом.

— Вряд ли, — сказал Козырев, становясь серьезным, — это известное электронное устройство, работающее от мельчайшей разности потенциалов. На теле любого человека есть заряды, которые создают емкость. Ее хватает, чтобы замкнулась цепь и пошел сигнал на открытие замка. Следи за моими пальцами.

Едва коснулся он рукой кольца за дверной ручкой, щелкнул замок. Вот этого-то кольца я и не заметил. Попробовал — электроника сработала четко. Смешно, но почему-то жаль мне было расставаться с «электронно-телепатией», когда сменилась она прозаической электростатикой.

Что за дверь?

Телепатия кончилась, ребята разошлись по рабочим местам. Мы остались с Козыревым вдвоем. Я знал, что это один из грамотнейших специалистов-электроников в отделе АСУ. Знал и то, что изобретений у него не было, точнее — авторских свидетельств. Козырев с грустью говорил:

— Понимаешь, мы ведь безгра-

мотные в патентных делах. Может, и делаем что-то новое, но понятия не имеем, изобретение там или не изобретение. Говорят, формалистики много в оформлении бумаг.

Вот-вот: свяжешься с патентоведом, рад не будешь, мутное дело, в бумагах погрязнешь, время угробишь и так далее. Почему-то именно об этой теневой стороне изобретательства, которая, конечно же, там есть, первым делом узнают из разговоров молодые, придя на завод.

Просвещение на сей счет происходит очень скоро. И кажется, я понимаю причину: природа не терпит пустоты. В институтах почти ничего не говорят на эту тему. А когда и рассказывают, то белло, без выработки навыков, без практики. Как изобретать, как правильно оформить техническую документацию на изобретение, как провести патентный поиск. Вообще, понятие о принципах творческого труда — все это для начинающих специалистов словно и впрямь пустота. А раз так, ее заполняют до-сужие разговоры, слухи, из которых выделить правду первогодки еще не могут.

— Знаешь, — говорит Козырев, — в обмен на раскрытие тайны электронного замка сможешь подарить мне десяток минут? Тогда открывая дверь.

Коснувшись мизинчиком волшебного кольца, я открыл замок, и мы вошли в комнату, где стояла электронно-вычислительная машина. Она тихо гудела, временами пощелкивая и повсвистывая. Нужно было сделать усилие, чтобы представить себе: вот сейчас она работает, что-то высчитывает, там внутри происходят миллионы операций за те секунды, что мы проходили мимо нее. Интересно, что она считает?

Козырев провел меня за шкафы, туго набитые электронной начинкой. На ходу объяснил: шкафы называются МОЗУ — магнитное оперативно-запоминающее устройство. Если не ошибаюсь, это и есть память машины? Не ошибаешься, подтвердил Козырев. Не останавливаясь, он погладил один из шкафов. Мне очень понравился этот чисто человеческий жест среди мудреной электроники.

За шкафами, за машинной памятью было что-то вроде маленькой мастерской. Козырев подозвал знакомого парня — электромеханика Виктора Слудковского.

— Вот он сделал одну вещичку, может ли она быть изобретением? Витек, покажи съёмник для подшипников.

Я боялся, что ничего не пойму, но здесь была чистая механика — моя специальность, правда, несколько подзабытая. Слудковский показал приспособленьице, объяснив, что раньше подшипники с валиков элект-

родвигателей снимали вручную, бывало, портили детали — и валки, и подшипники. А теперь сделали этот съемник: винт, траверса, две лапки, шарниры. Зацепил лапками подшипник, крутишь винт, он упирается в торец валика, и подшипничек легко снимается.

Изобретением тут не пахло: подобные съемники, только больших размеров, давно применяются в машиностроении при ремонте станков. А пропорциональные размеры, как известно, не патентуются. Рацпредложение можно подать.

Оказалось, «рацию» Виктор Слудковский уже подал, и даже удостоверение получил. Ну что ж, по крайней мере, разницу между изобретением и рацпредложением постиг на практике: первое — это новое в мире, второе — новое для предприятия. Кстати, написали ли об этом на предприятие, выпускающее ЭВМ? Нет...

Взяв меня за руку, Козырев повел дальше, словно эстафету, передавая следующему электромеханику — Смолину. Тот орудовал пылесосом, и это показалось мне совсем несоместимым. ЭВМ и пылесос. Оказалось, что главнейший инструмент механика по ЭВМ — именно пылесос, причем обычный «Урал», какой и у меня дома стоит.

— Прервись на минуту, покажи, как перенесли мотор, — сказал Козырев, выключая «Урал».

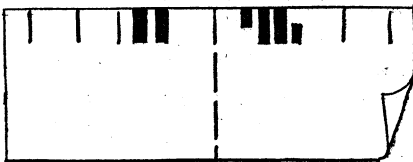
И здесь почти все было понятно. Вообще, многое стало казаться мне не столь таинственным и сказочным, как перед входом в отдел. В АЦПУ — алфавитно-цифровом печатающем устройстве — электромоторчик быстро перегревается. Надо часто осматривать, а доступ к нему сложный. Смолин долго мучился, нервничая на профилактике АЦПУ. Наконец, предложил вынести моторчик наружу. Пусть не так компактно и красиво выглядит печатающее устройство, зато удобно стало работать. Кстати, на открытом воздухе моторчик и греться стал меньше.

Ребята с волнением ждали моего приговора. К сожалению, и это не могло быть изобретением. Боюсь, даже рацпредложение подавать нельзя, потому что здесь не шаг вперед, а выход из положения. Во всяком случае, завод-изготовитель не пойдет на такое изменение. Вот написать туда следовало бы, это их грех. Пусть выяснят, почему перегревается мотор. Быть может, так же мучаются на других заводах. Написали?

— Нам проще исправить грехи своими силами, чем заводить переписку, — сказал Смолин и добавил, обращаясь к Козыреву: — Можешь показать, как ты магнитные головки восстанавливаешь?

Как уважать себя заставить

С этими магнитными головками для меня дело осложняется: не могу раскрыть техническую суть. И не только оттого, что там замешана электроника — с помощью ребят я в принципе кое-что понял. Возможно, Козырев решится подавать заявку на изобретение. В таком случае можно писать в открытой печати все, что угодно, кроме главного, любую беллетристику, кроме предмета изобретения, сути его. Что я и делаю.

Но прежде маленькое лирико-техническое отступление. Давно думаю вот о чем. Рассказывать популярно, увлекательно и желательно художественно на изобретательскую тему — не только о новшествах, но и о сложном пути мыслей и чувств изобретающего человека, все это делать мы не очень умеем.

Кроется здесь, на мой взгляд, одна из причин слабого вовлечения людей, в особенности юных, в мир технического творчества. Рассказываем либо слишком специально, с массой ненужных подробностей, раскрывая при этом иной раз преждевременно секрет новшества. Такое многих отталкивает. Либо пишем слишком просто, «шапкозакладательски», розовым цветом: раз-два, и готово, изобрел. Такое не привлекает, а изобретатели посмеиваются, читая после подобную лирику.

Нелегко, разумеется, найти золотую середину. Чтоб было, так сказать, «физикам» полезно, «лирикам» понятно и обоим интересно.

Любой, связанный с электронно-вычислительными машинами, хорошо знает, что блоки магнитных головок накопителей со временем истираются лентой. Точно такое же происходит в обычном магнитофоне, отчего и падает качество воспроизведения. Изношенные головки восстановлению не подлежат, так написано в паспорте. Считается невозможным восстановить их до нормального состояния в условиях эксплуатации. Положено ставить на ЭВМ новые блоки головок, а изношенные списывать. Но блоки — ост-

родефицитная вещь, запасных нет, а работать надо. Сама жизнь заставила Козырева попытаться восстановить эти узлы, не нарушив их качества.

— Понимаешь, я сначала не знал, что технически считается невозможным восстанавливать блоки, поэтому слишком смело взялся и...

— ...И получилось? — не выдержал я.

— Как видишь, работают не хуже новых.

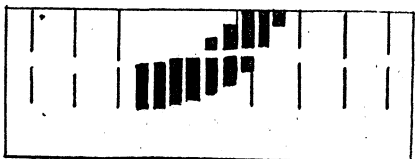
Видеть, разумеется, я не мог, просто верил человеку. Да и сама картина действующей машины, легкий свист накопителей в момент включения подтверждали — работа идет.

— Как же тебе удалось, в двух словах?

— По-вашему это называется, кажется, метод проб и ошибок, а по-нашему проще — «метод тыка». Тыкался туда-сюда, как слепой котенок. Все дело в тончайшей шлифовке: дьявольское терпение надо иметь, чтобы микроны снимать. Свои братья-электронники вообще смеялись, говорили — зря время теряешь, умнее других хочешь быть. Тут меня уже заело. Бросал, начинал, долго это тянулось, года полтора или больше. Замаялся совсем, наконец, получилось. Сам себя уважать стал. И ребята уже не смеются; когда за что-нибудь новое берусь.

ЭВМ и сберкасса

Два момента заметил я у Козырева. Не знал, что невозможно. И очень хорошо, что не знал. Так и нужно — постараться убрать этот психологический барьер, через который очень трудно перейти. Дьявольское терпение. В творчестве, как ни странно, терпение играет роль большую, чем в обычной работе. И, наконец, — полтора года. Если бы был Козырев научен тому, как правильно изобретать, потратил бы времени во много раз меньше.

Словом, передо мною был начинающий изобретатель. Я еще более настоятельно посоветовал поговорить с патентоведом. Дело, по-моему,

стоит свеч. В конце концов, если окажется, что такой способ восстановления магнитных блоков уже известен, то появится опыт в патентных делах.

И не надо никого слушать: мол, оформление заявки и защита изобретения — дело сложное, запуталось, время потеряешь.

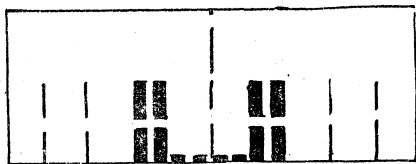
Разумеется, одного патентного фонда придется перекопать на глубину в двадцать лет. Потом еще, поиски аналогов и прототипа, затем составление формулы изобретения, спор с экспертизой и многое другое. Но тут ты будешь не один — вместе с патентоведом. И будут здесь совсем иные трудности, рабочие, деловые, а психологические останутся позади.

Примерно так говорил я Козыреву, слушал он, по-моему, с интересом. Прежде чем уйти из отдела АСУ, спросил у бывшего факира, что происходит на ЭВМ в данную минуту, что она вычисляет. Пройдя к оператору, Козырев заглянул в программу, сказал, что ничего интересного, идет задача «АСУ — сберкасса».

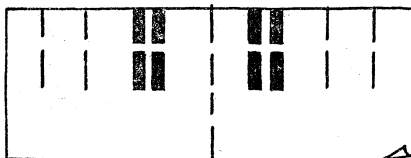
— О, как же неинтересно! Деньги считает, что ли?

— В общем, да, деньги, но не всякие.

И он объяснил. На заводе появилось большое число людей, которые переводят часть заработной платы на сберкнижку. Сравнительно новое дело, быстро завоевавшее популярность. Считать на малых настольных электронных машинках бухгалтерам стало трудно. Вот и перевели все расчеты на большую ЭВМ. Составили специальную программу, и года два уже не знают забот.

Новый барьер?

Нет, все-таки уходишь отсюда с ощущением, будто побывал в сказочном мире. На каждом шагу чудеса, и только что леший не бродит и русалка не сидит на шкафу.

На сей раз, однако, к лирическому чувству присоединилось еще

одно, хотя тоже удивительное, но вполне прозаическое и к тому же огорчительное. Как это совмещается в одном месте: высокограмотные современные молодые люди — и такая малограмотность в не менее современных патентно-изобретательских делах. Сверхновой техника, алгоритмические программы — и ни одного изобретения!

Как-то подсчитали мы с нашим патентоведом: из двухсот человек, регулярно занимающихся на заводе изобретательством по основной своей работе, молодых специалистов набралось не более двух десятков. Это на таком-то крупном заводе!

Не стоило бы писать об этом в журнале, если б это касалось одного завода. Приняли бы меры — и принимали, наказали бы руководство отдела АСУ — и наказывали; ну, сменили бы руководство — и сменили, наконец! А проблема осталась, и картина такая повсюду.

Один начальник информационно-вычислительного центра (ИВЦ) высказался при мне с убеждением, что, поскольку вычислительная техника и системы управления нынче невероятно усложнились, обслуживающие их низовые специалисты, какими бы грамотными они ни были, ничего не могут здесь улучшить или изменить. Как запроектировано наверху, в НИИ, так тому и быть. Возможно, доля истины и присутствует в подобных утверждениях, но сдается мне, что разглядеть ее, эту долю, можно в очень уж сильный микроскоп. Не могут, и все тут, и никаких проблем! У такого руководителя и люди, в основном, считают так же.

Подобная ситуация создалась — хорошо помню, при мне уже это было — в первые годы создания на нашем заводе отдела газовых турбин. Точно так же трудилась там сплошная молодежь, и какое же поначалу наблюдалось излишнее преклонение перед научными институтами.

Не сразу, но все же сменились робкие настроения азартным соперничеством, вызвавшим волну интереснейших изобретений. А там и зарубежные патенты появились. Не такими уж непогрешимыми оказались НИИ и ПКБ, как считали вначале молодые турбостроители. Соперничество пошло на пользу общему делу — газовые агрегаты нашего завода хорошо известны не только в стране, но и за рубежом.

Когда рассказываешь «касушникам» об этом прецеденте, они снисходительно улыбаются, полагая, что ЭВМ не сравнить с газовыми машинами по степени сложности. Не знаю, не уверен, думаю, что это некая иллюзия.

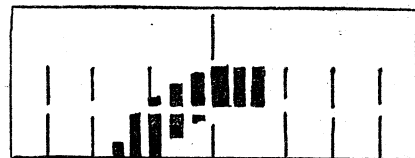
Возможно, теперь электронная техника стала действительно много

сложнее газотурбинной. Но поначалу для турбостроителей их дело было не менее трудным. А главное, думаю я, творческая смелость в создании новых агрегатов без оглядки на авторитеты возникла по той простой причине, что во главе молодого газового отдела стал страстный изобретатель М. М. Ковалевский. Он и поныне трудится на заводе, выйдя на пенсию в преклонном возрасте, остался в родном отделе консультантом.

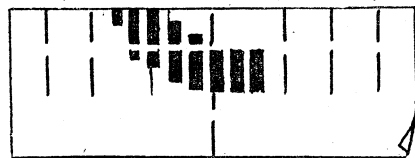
На фоне того ИВЦ, где требовался микроскоп для рассмотрения доли истины, наши заводские «асушники» выглядят немножко даже новаторами. Хотя как-то да улучшают свою технику. Хотя не густо, да подают рацпредложения.

Забегая вперед, с удовольствием сообщу, что мой молодой приятель Гера, потерявший и нашедший увлекательный «Бюллетень изобретений», усовершенствовал некий механизм, входящий в ЭВМ. Перевел этот механизм, как мне рассказывал Козырев, с четного кода на нечетный, тем самым расширив его возможности.

Правда, сделал Гера это новшество под влиянием «Бюллетеня», то есть использовал чье-то изобретение. Вот и хорошо, для того они и издаются, «Бюллетени», чтобы ими пользовались. В другой раз человек, возможно, и сам привнесет в чужую новинку свою мысль. Так начинается творчество — не на пустом месте. И не только техническое, насколько мне известно. Поэты, живописцы, артисты — все начинают, как правило, с подражания, затем выходят на свою дорогу.

Страх высоты

Волнует меня молодежный дебют еще и вот с каких позиций. Техническое оснащение современного производства усложняется повсеместно. Рывок сделан не только в АСУ, ИВЦ, ЭВМ. Станки с ЧПУ — числовым программным управлением, электронные приставки в новых автоматах, принципиально отличные технологические процессы.

Все это начинается как бы давить на рядовых специалистов и в особенности на начинающих. Создает некий страх высоты, боязнь проявить творчество. С ростом новейшей техники не проявился ли новый психологический барьер в сознании людей, ее обслуживающих? И чем она сложнее, тем выше поднимается и барьер?

Размышляя об этом, я вспомнил крошечный эпизод с инженером Герой. Еще до истории с потерянной книгой пожаловался я ему на «ЭЛКУ». Это электронный калькулятор, проще говоря, настольная счетная машинка. Умножать и делить на ней удобно, а чтобы сложить или вычесть, необходимо отбивать дополнительные знаки. Путает это нас, особенно тех, кто не часто на «ЭЛКАХ» считает. Делаешь сложение, а она знай себе умножает; и глупость получается — после электроникам приходится пересчитывать на простых счетах.

Согласившись со мною, Гера сказал, что просто надо привыкнуть, набить руку. А коли верно, предложил я, нельзя ли как-нибудь переделать «ЭЛКУ», чтобы нормально считала.

— Да вы что! — изумился Гера. — Там же электроника! Так, значит, задумано, иначе невозможно.

Ну, так уж и невозможно. Конечно, не мне, дилетанту, судить, специалистам виднее. Кстати, другие типы электронных настольных машинок считают как раз «нормально». Значит, возможно? Меня поразила тогда не мнимая невозможность, а сама мгновенная реакция молодого человека: совершенная уверенность, что нельзя изменить, улучшить.

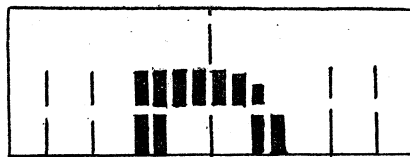
Если это действительно так — явление параллельно со сложными машинами нового барьера в психологии инженеров, а лично я склоняюсь к этому, — то прямое обучение основным правилам изобретательства, и шире — элементам творческого подхода к работе, приобретает в наши дни особое значение.

Прямое, то есть по совершенно конкретным и подробным методикам, программам, алгоритмам. Все это уже имеется, апробировано, дало безусловные результаты. Дело лишь за массовым распространением. Там, в этих правилах и алгоритмах, как раз и говорится, как преодолеть в самом себе психологические стереотипы, шаблоны, как брать барьеры высоты.

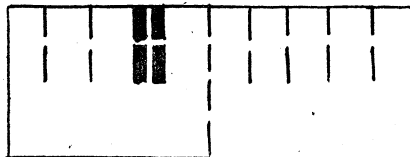
Кстати говоря, прыгуны в высоту сумели за последнее время сделать потрясающий рывок вверх именно потому, что научились не бояться невероятно высокой планки, намного выше своего роста. Освободились, как они сами говорят, от «эффекта Брумеля»; от того психологического давления, какое произвел много лет выдающийся спортсмен на своих младших коллег.

Новейшая электронно-вычислительная техника сделала резкий рывок, вместе с ней ушли вперед и автоматизированные системы управления. Работают уже машины третьего поколения и создаются четвертого. Системы автоматизированного управления проникают все глубже в нашу жизнь и нашу работу — до сберкасс дошли. А наше умение трудиться творчески, изобретательно осталось где-то на уровне первого поколения.

Конечно, кое-какие сдвиги есть, но могут не быть. В свое время в институтах мы даже слов таких не слышали: патентная чистота, предмет изобретения, метод проб и ошибок. Нынешние выпускники знают не только эти слова, но и самоновейшие: алгоритм изобретения, мозговой штурм.

Разведка прошла успешно

А вскоре отворилась дверь в наш патентно-информационный отдел. Открывается она без всяких электронных секретов. Но не так часто, как хотелось бы, — особенно молодыми руками. Показалась очкастая голова с вислыми, модными нынче усами. Юрий Козырев, запомнив наш разговор у «телепатической» двери, явился собственной персоной, чтобы познакомиться с патентоведом.

С любопытством и некоторой даже робостью оглядывал он стеллажи с описаниями изобретений, патентными бюллетенями, информационными картотеками. Мир этот казался ему, вероятно, не менее таинственным, чем для меня — мир электронно-вычислительных машин. И еще визитер показался мне в этот момент словно разведчиком, посланным в стан, — нет, не противника, какие же мы противники! — посланным к непонятным, но и притягательным соседям.

Познакомив «разведчика» с патентоведом, попросил первого не бояться трудностей, а второго — не пугать новичка сложностями. Стол мой стоит неподалеку от патентоведа, и, работая, я невольно слышал, о чем они говорили, хотя и не очень подробно. О блоке магнитных головок,

о тестере, потом о формулах возможных изобретений.

Это был, по сути говоря, «кликпат-без», где-то слышал я это корявое и странное словечко. Расшифровывается оно без труда, по ассоциации со старым ликбезом, уже полузабытым, только с патентной вставкой. Впрочем, разве это настоящая ликвидация безграмотности? Сколько времени патентовед сможет уделить одному человеку? Минут сорок, ну час, у него других забот множество. Чтобы глубоко просветить сотню «асушников» и сотни других молодых инженеров, надо затратить далеко не час. А если помножить все предприятия и организации, что есть у нас в крае, на тысячи людей?

Минимальная программа обучения алгоритму изобретательства и основам патентоведения — сорок часов. По сути это полный пятидневный семинар с практикумом: отработка навыков преодоления психологической инерции и тренировка применения приемов изобретательства.

Приходилось мне бывать на подобных, к сожалению, редких пока, семинарах. Должен признаться, что с непривычки устаешь так, будто всю смену разгружал вагоны. Сейчас я мысленно посадил рядом с собой на учебное занятие Юрия Козырева.

...Тем временем разведка прошла успешно. Своим ребятам Козырев теперь расскажет, что ничего страшного нет, можно смелее и чаще приходиться к патентоведу.

Как показал патентный поиск, ни способ восстановления магнитных головок, ни устройство тестера изобретениями быть не могут. Опоздал Козырев — уже все заявлено и защищено другими. Но он, по всему видно, не был удручен; в другой раз будет умнее, расторопнее — раньше приходиться к нам.

В руках Козырев держал книгу советского инженера Г. Альтшулера «Алгоритм изобретения». Давно пора было Козыреву взять в руки этот учебник по техническому творчеству. Тем более, что первое слово названия ему хорошо известно: ЭВМ работают по алгоритмам, хотя, конечно, по иным.

Патентоведы дают эту книгу тем, кто подает надежды. После, когда прочтет, сказал я Козыреву на прощанье, пусть даст другим ребятам. И в первую очередь — молодому инженеру Гере. Только чтоб не терять! Слышал я, он теперь регулярно ходит в библиотеку и просматривает «Бюллетень изобретений».

Стало быть, есть надежда, что он тоже сможет подать надежды.

ПО ТУ СТОРОНУ ПРИЛАВКА

*Специальный корреспондент
„Уральского следопыта“ встал
за прилавок большого магазина...*

**Анна
ЛЮБАРСКАЯ**

Когда я рассказала своим друзьям, что буду писать о свердловском ЦУМе, о профессии продавца, они улыбнулись и дружно протянули: «А-а, вас много, а я одна...»

Да, летучая фраза... Почему часто и невольно профессия продавца соединяется вдруг с не очень приятной перепалкой в очереди? Верное ли это представление? Каков взгляд современного молодого человека на торговлю? Именно молодого, потому что речь пойдет о молодежи...

И хотя важно мнение обеих сторон, я решила не трогать пока тех, кого «много», то есть покупателей, ежедневно заполняющих магазины, а узнать точку зрения девушек в фирменных халатах ЦУМа.

Именно они во многом формируют мнение покупателей о труде продавца и характером, и профессиональностью, и нравственным кредо своим.

В ЦУМе я не стала знакомиться с передовиками, с отстающими. Просто попросилась поработать хотя бы по одному дню в каждом отделе.

Здесь нужно немного объяснить.

Дело в том, что фраза «...а я одна» звучит весьма условно по отношению к ЦУМу: в нем только продавцов около полутора тысяч, ежедневный поток покупателей — шестьдесят тысяч! Это — своеобразный универсальный комплекс, в котором можно купить почти все промтовары.

ЦУМ — это шесть крупных отделов, на каждый из которых приходится по несколько различных секций во всех зданиях, — культовары, швейный, трикотаж, посудо-хозяйственный, текстильно-обувной, галантерейный. У каждой, даже самой небольшой секции, своя специфика.

И дирекция ЦУМа любезно разрешила мне поторговать.

Вообще-то Центральный универмаг почти не берет учеников, хотя желающих с каждым годом все больше.

Торговля и ЦУМ, в частности, пожалуй, единственная на сегодня организация сферы обслуживания, которая не переживает нехватки кадров (если говорить о продавцах). К тому же круглый год здесь проходят практику учащиеся двух торговых училищ.

Итак, я в секции шерстяных и шелковых тканей.

**Вот пришел трамвай
с прицепом...**

Двадцать два года работает в ЦУМе заведующая секцией Нина Ивановна Соловьева. На вопрос, что привлекает ее в профессии продавца, Нина Ивановна ответила не задумываясь: «Общение с людьми!» Потом я задавала этот вопрос почти всем, с кем работала в универмаге, и ответ был приблизительно таким же.

«Я не представляю себя даже в маленьком магазине, где нет этого шума людских голосов, постоянного потока покупателей, — рассказывает Нина Ивановна, — главное профессиональное качество продавца — контактность. Кто только ни приходит к нам, на какие только вопросы ни приходится отвечать, ни дня не проходит без какого-нибудь интересного случая. Вот постоит с девочками, увидите...»

«Девушка, а на юбку в складку сколько этой «Кадрили» надо?» — моим первым покупателем была симпатичная блондинка лет восемнадцати. Что ответить ей, я просто не знала. На помощь пришла Ряпосова Ма-

рина. Сказала, сколько метров, не приблизительно, а как требуют в швейных мастерских, назвала сумму покупки и, пока девушка платила, ловко отмерив три метра, передала ткань на контрольный стол.

«Нужны память, сноровка, педантичное знание товара», — записала я в блокнот.

То покупатели оживленно толпились у прилавка, а то вдруг стало тихо на этаже, два-три человека, не больше.

Можно вроде бы и отдохнуть, но, во-первых, продавцу садиться нельзя, а во-вторых, просто некогда: надо поправить раскатавшиеся рулоны, поднести новые образцы на выставку, подшить уже пообтрепавшиеся (за пару часов десятки рук потрогали) ярлычки с ценой. Приходится топориться: Нина Ивановна заметила, что где-то в это время приходит трамвай с прицепом. С прицепом? Ну и что? Да просто покупателей будет вдвое больше. Вот они уже и идут.

Наблюдательность — качество очень важное. Оно — первый помощник в общении с людьми, в умении быстро сориентироваться, что за человек перед тобой, как следует с ним говорить, что стоит посоветовать.

А люди такие разные...

Вот пришла молодая женщина с маленьким ребенком. Она сама из Казахстана, но раньше училась в Свердловске, приехала в отпуск и столько материалов «набрала», что даже не знает, когда шить будет. Девочке три годика, нынче отправляется в садик.

Все это, весело улыбаясь, женщина рассказывает незнакомым, но просто понравившимся ей продавцам.

Старушка. Ворча, она уже довольно долго ходит среди столов с тканью, а потом вдруг подходит к нам и говорит: «И не стыдно такое продавать?».

Конечно, вопрос очень категоричен. Но действительно, бабушка, порой бывает стыдно: и расцветки плохие, и качество не блещет. Тогда девушки даже отговаривают покупать такие ткани. Вроде бы и в ущерб себе, ведь даже слово «продавец» от корня «продавать», но лучше уж посоветовать что-то другое.

Чтобы меньше приходилось краснеть, все девушки бригады стали общественными бракерами.

Общественное бракерство свердловский ЦУМ организовал одним из первых в стране. Бракеры работают в свой выходной. И работа эта не из легких. В обувном — проверить каждую пару туфель, в трикотаже — каждую пару чулок, в тканях — раскатать рулоны, перемерить, найти брак. Все вручную, а рулоны, длина которых порой до ста метров, конечно же, не легки.

Общественное бракерство — это

даже не нагрузка, это — долг каждого.

А нагрузок девушкам тоже хватает, и далеко не все дела можно сделать вне рабочего времени. Поэтому очень часто можно услышать, например: «Лена, уж постарайся немного без меня. Я в комитет комсомола».

Дела поджимают, но главное — прилавок, покупатели, каждому из которых нужно помочь сделать покупку. Так профессия заставляет выработать в себе еще одно качество: умение распределить время, делать все четко и отлаженно, главное — быстро, при этом не забывая о тоне своего голоса, внимательности к каждому. Все надо делать быстро. Иначе — очередь, следовательно, чье-то испорченное настроение.

Многими профессиональными качествами должен обладать продавец, и вряд ли приобрести их можно только опытом. Нужны знания. Недаром одна из девушек, правда, из другого отдела, сказала мне, что не хотела бы видеть свою дочь «простым продавцом». На вопрос, что значит «простым», она ответила: «Ну, одно училище кончил, и все...».

Так думают многие. Пример тому — 19 человек, окончивших в этом году техникумы и вузы. ЦУМ — вообще один из самых «учащихся» магазинов города.

Знания и опыт — казалось бы, вот и все, что необходимо, чтобы стать подлинным мастером своего дела. Для многих профессий это достаточно, для торговли — маловато.

...В магазине мы обращаемся не просто к продавцу, выполняющему определенную работу, а прежде всего — к человеку.

Всем знакомая лесенка: испортил настроение в магазине, по пути на работу невольно испортил его другому, работал уже не в полную силу, недостаточно внимательно.

Недостаточно все с неприятного разговора у прилавка.

Чем пахнут одеколон «Табак»?

Каких людей в торговле больше и какие ей больше нужны? Спокойные, невозмутимые, что называется флегматики, или подвижные, быстро на все реагирующие?

Казалось бы, больше вторых. Целый день покупатели, покупатели, покупатели, успеи обслужить каждо-

го, быстро реши все возникшие вопросы.

Но на деле выходит, да и девушки в один голос утверждают, что нужны торговле люди мягкие, сдержанные, обходительные. Как однажды заметил журналист В. Аграновский, «ведь продавец всегда виноват, а покупатель всегда прав, что бы между ними ни произошло, потому что из них двоих продавец — единственный на работе».

Интересно, как порой по-разному реагируем мы на поведение продавца. Вот не так облуживает продавец уже пожилая, и кто-то проворчит: «Конечно, устает, а тут все бегом». Но вот замешкалась молоденькая кассирша, и опять: «Молодая — опыта мало, да и не нужно им это... молодым».

Нет. Молодым нужно. Не случайно так вырос сейчас приток молодежи в торговлю: в техникумы, в вузы буквально не попасть, конкурсы в них почти наравне с театральными.

Конечно, есть тому и другая причина, и о ней, необходимо будет сказать позже. И все же лицо сегодняшней торговли очень молодо. Потому, и особенно сейчас, волнует нас, какими душевными качествами обладают эти девушки, стоящие на перекрестке различных человеческих взаимоотношений.

Вспомним еще, что в основном в торговле женщины, следовательно, матери или будущие матери, воспитатели. И так же, как они влияют на профессию, так и она накладывает отпечаток на них и опосредованно на их детей.

Проверке же на человечность, порядочность эти девушки подвергаются ежедневно.

В свой второй рабочий день я познакомилась с девушками из парфюмерной секции Ирой Турунен, Ирой Ермаковой и Алисой Хабибулиной.

Здесь я заслужила первую похвалу от покупателя, чем была очень горда.

«Чем пахнет одеколон «Табак»?» — спросил пожилой мужчина с веселой искоркой в больших карих глазах. Пришлось признаться, что запах не из лучших. Посоветовала взять Олимпийского мишку, «Талисман», — оформление очень оригинальное, пахнет приятно, подарок прекрасный.

«Спасибо вам, лапушка, хорошо торгуете — уговорили. Беру «Талисман», а ведь он в два раза дороже, так?»

«Лапушка» — слово это пришлось здесь услышать мне дважды. Но как неприятно-заискивающее произнесла его красивая, элегантно одетая женщина: «Плохо делаете, лапушка, что не оставляете вот там, у вас в закутке, что подефицитнее. А может, все-таки поищите шампунь, а? Я в долгу не останусь».

Вот так откровенно: «В долгу не останусь».

Конечно же, если бы не знала эта женщина, что оставляют порой продавцы под прилавком что-то для себя, для знакомых, не стала бы обращаться. Но не здесь ли берет начало тот порочный круг «ты мне — я тебе»? Не такие ли вот покупательницы превращают торговлю в дело не совсем честное, даже в таком отделе как парфюмерия, дурно пахнущее? Не они ли уравнивают в торговле всех — и тех, кто действительно использует дефицит некоторых товаров для своих благ, и тех, кто даже при своем спокойном характере не сдерживает злобу при подобных просьбах?

«Действительно, есть такие девочки, что и учиться-то идут с прицелом на «легкую жизнь»: все достану, все куплю. Но ведь сколько идет по призыванию! Вот о себе скажу, — рассказывает Алиса. — Танцевать, петь люблю. Хотела после школы в Челябинский институт культуры идти. Так все сложилось, что не успела. Была как-то в ЦУМе, вдруг слышу объявление: торговое училище производит набор. Пошла. И не пожалела, что пошла. Всем подружкам насоветовала, двое уже учатся. Я здесь и способности нашла где применить. Пою в ансамбле агитбригады, во всех секторах самодеятельности участвую. А в работе меня привлекает не то, что на полках стоит, а коллектив, дружный и веселый, покупатели. У станка не смогла бы, хоть и работают рядом с тобой люди, но все-таки целый день один на один с машиной.

Откровенно говоря, я даже не люблю «дефицитом» торговать. Думаю, многие продавцы мечтают о том, чтобы его не было: во-первых, каждый из нас тоже ведь покупатель, во-вторых, в такой день прихожу домой — буквально с ног валюсь».

Такую усталость мне тоже пришлось испытать. Продавала я со столика на улице пододеяльники...

«Не занимайте, кончаются...»

Столик с кассой стоял между дверьми, и это в общем-то спасало продавцов от напора... А давили и шумели изрядно. Плюс к этому, со стороны магазина заискивающие, но настойчиво постукивали те, кто добрым словом, ласковым взглядом, лишней рублевкой хотел заполучить новый пододеяльник.

А продавцы Вера Петрова и Надя Воронаева, на первый взгляд, совер-

шенно не замечая суматохи очереди, четко распаковывали пачки, заворачивали покупки, отбивали чеки, при этом не забывали напоминать: «Не занимайте, уже кончаются...»

Отработать день в таком вот game нелегко, хотя и не все время, конечно, подобные очереди осаждают прилавки...

«Любой пристыдит молоденькую девушку, занявшую сидение в трамвае, но я уже с ног валюсь, — рассказывала мне одна из продавщиц. — Стараюсь в окно смотреть, может, это и нехорошо, но не хочется встречать знакомых, устала отвечать на вопросы. Наши «старички» говорят, что это только поначалу так, потом привыкну, а пока — очень устаю».

«Ноги у меня перестали и уже снова начали болеть, — рассказывает Антонина Ивановна Чистякова из посудного отдела ЦУМа. — Спросите: как это — «перестали и снова»? Когда пришла на работу, а было это в 1937 году, болели с непривычки, потом и не замечала, как день отстояла, теперь годы начали брать свое — опять устаю. Но это разве трудности? Вот душа у меня болит: посмотрите, в какой тесноте работаем. Товар у нас хрупкий, ломкий...»

И правда, я почти смену проработала рядом с Антониной Ивановной, а тут вечером, возвращаясь с работы, нахлынули женщины. Мне все время приходилось буквально водворять на место небольшой белый столик. Я его на место, а женщины своим напором — на меня, а за спиной полки с посудой.

Девочкам в зале еще больше досталось, хоть и не специально, а потолкли их прилично.

Тесно.

Получается, что хоть и большой, на первый взгляд, магазин ЦУМ, а все-таки маленький.

Побывала я и в складских помещениях. И там продавцам нелегко, тоже места не хватает.

Есть и еще одна проблема, решение которой вроде бы тоже не от продавца зависит, но все же...

ЦУМ борется за экономию бумаги. Начинание по всем статьям хорошее.

Вот мы пришли в посудный. Я подаю вам стопку тарелок и начинаю искать глазами сумку. Сумку, которой у вас просто нет, ну вышло так, что нет с собой. Вы в кассы Аэрофлота, что поблизости, приехали. Там перерыв — заглянули в магазин, который, кстати, работает без перерыва. А тут такие тарелки!

Тогда я беру фирменную бумагу ЦУМа, плотно заворачиваю покупку, завязываю шпагатом, а то и коробочку подыскиваю.

Вам-то я еще помогу, а вот другому — нет, у него сумка есть. Экономлю бумагу, шпагат, вру в глаза, что ничего этого под прилавком нет. И, правда, осторожно, с вежливой улыбкой (если время терпит и оче-

реди нет) опускаю те же тарелки в сумку... без бумаги.

Один промолчит, другой возмутится, и по справедливости: «Заверните, есть бумага, сам видел...»

Неудобная ситуация.

А ведь умение вручить покупку покупателю — одна из обязанностей продавца. Напомним, что в такой ситуации оказываются молодые продавцы, практиканты, и здесь трудности материальные перекрещиваются с нравственными моментами.

Такое перекрещивание материального и нравственного — одна из основных особенностей торговли.

Антонина Ивановна Чистякова, например, 17 лет проработала заведующей секцией металлических изделий (метизы, как их здесь называют), значит, все эти годы была возможность и что подефицитнее, покрасивее достать. Нет, не ленью к рукам.

...Очень нужны торговле люди не просто легко переносящие ее трудности, но и кристально честные, дабы не засосало.

Чтобы в загсе не споткнулась...

Первым моим покупателем в обувном был веселый и чем-то забавный парень, громко потребовавший самые лучшие белые туфли, потому что друг его (он стоял неподалеку, ужасно смущаясь и держа за руку стройную девушку) женится. Завтра. А белых туфель все еще нет.

Подбирали, мерили. Наконец, одни подошли.

«Ну, если она в загсе споткнется — к вам приду», — погрозил на прощание пока что довольный свидетель.

Почти смену я торговала в секции женской обуви. Людей было мало, хотя обувной — один из самых осаждаемых отделов, особенно осенью, когда начинаются поиски теплых зимних сапожек.

Здесь так много покупателей — соблазнитель и просителей, что очень трудно устоять перед посулами.

В секции со мной работала Марина Слепухина. Она недавно окончила торговое училище. Еще на практике, поработав в различных отделах, выбрала этот. Славная, вежливая девушка. Думаю, что не из тех, кто, попав в торговлю, быстро развивает в себе деловую жилку, не из тех, кто, став за прилавком, начинает чувствовать свое превосходство над покупателем.

А ведь есть и такие.

Показывая по просьбе покупателя какую-то вещь, они бросят ее на прилавок так небрежно, так лениво, что и сама вещь теряет для него всю свою привлекательность.

Главное в искусстве торговли — атмосфера радости. Ведь каждая покупка для нас, особенно из промышленных товаров, что-то приятное. Мы этой покупкой гордимся, показываем ее друзьям. Флакон духов, например, может стать самым символическим и запомнившимся подарком. Да и мелочи — нитки, крючки, пуговицы — все равно покупка.

Атмосфера радости рождается не только от улыбки, от ставшей уже поводом для анекдотов ситуации, когда продавец и покупатель «взаимно вежливы». Она там, где продавец ощущает свою ответственность перед покупателем. Ведь именно эти девушки в фирменных халатиках ЦУМа — важное срединное звено в цепи промышленности — торговля — покупатель.

В подсобке секции шерстяных и шелковых тканей висит скромно оформленный лист ватмана. На нем записаны заповеди продавца. Это не выписка из какого-то приказа или устава, их составили сами продавцы. Но предназначены они не только для них, а и для покупателя, и жаль, что висят эти заповеди не в торговом зале.

Первая заповедь такова: «Служить человеку — это твоя почетная обязанность».

Коснись меня составление памятки, я на первое место поставила бы это же правило... Даже если бы час всего по ту сторону прилавка проработала, а не месяц. В самом деле, нет вокруг нас ни одной почти вещи, которой бы не коснулась рука продавца. И как важно — за добрым ли словом вослед вошла она в жизнь человека.

ДАТЬ ВЕЩИ ИМЯ

Говорят, будто число вещей, которыми пользуются люди, достигло 20 миллионов. И цифра эта растет. Поразительно, как много нам надо. Но не менее удивительно то, что у каждой вещи — свое имя. Интересно, как придумываются названия вещам?

*В. Колчанова,
г. Александровск Пермской области*

Хлебодаров, Амфитеатров, Сахаров, Маслов, Кузовлев... Это фамилии, которые произошли от названий рукотворных вещей. Их немало, потому что тьма предметов и вещей окружает человека, и все они как-нибудь да названы. Однако придумывание фамилий закончилось в общем-то до начала промышленной революции. Поэтому не услышишь таких фамилий: Транзисторов, Полиэтиленов или, скажем, Ракетник, Карбюраторный. С формальной точки зрения ничего смешного в таких фамилиях нет. Полиэтиленовы исторически столь же правомерны, как и Амфитеатровы, но все же такие фамилии, появившись они, вызывали бы улыбку.

Итак, много существует фамилий, происшедших от названий вещей.

Наш же рассказ о вещах, названных именами изобретателей. Допустим, дизель. Все знают, что это — двигатель внутреннего сгорания, работающий на тяжелых видах топлива, к примеру на солянке. А почему сей двигатель так назван? Именем изобретателя. Еще более известный случай: галифе, брюки для военных, названы именем французского генерала Галифе. Вот только непостижимо, как так вышло, что именем Эдисона, талантливейшего изобретателя мира, не названо ни одно из десятков его изобретений, широко распространенных. Особенно Эдисон гордился фонографом. Однако и этот аппарат, самый популярнейший, не назвали, допустим, эдисоном. Александр Белл в 1876 году изобрел телефон, однако это устройство, покорившее мир, не стали называть, скажем, так: беллофон.

Со школьных лет мы помним имена физиков, ставшие терминами, — это ампер, кулон, паскаль, эрстед, ом, рентген, герц, джоуль и другие. Биологи тоже увековечены. Существует единица скоро-

сти эволюции — дарвин. Есть термин «пастеризация». Отсюда — пастеризованное молоко. От имени врача Галена — галеновые фабрики. Ламарк дал название одному из идейных течений в биологии — ламаркизму. Химики... Бертолле — соль, глауберова соль. Именем Менделеева назван элемент — менделевий. Это — науки. А вот калейдоскоп именных названий в технике.

Напомним некоторые: бикфордов шнур — по имени Бикфорда, маузер так назван потому, что его сделал Маузер, автоматический пистолет браунинг носит имя американского конструктора Джона Браунинга. Кольт, кстати, тоже имя собственное.

Мулине, жилет, тальма, каупер (воздухонагреватель), дрезна, макинтош, мартен, пульман, рентген, целеллин — все это тоже имена изобретателей.

Названия некоторых предметов имеют царское или даже божественное происхождение. Вулкан произошел от имени древнеримского бога. Дафнии (водяные мелкие существа, которых ловят для аквариумных рыбок) носят имя нимфы Дафны. Мавзолей... Был такой карийский царь Мавзол, которому в четвертом веке до новой эры в Галикарнасе была построена знаменитая гробница. Сирена названа именем нимфы, завлекающей моряков в опасные места. Морфий — это имя бога сна Морфия. И последний термин — силуэт. Он не от какого-нибудь бога, даже не от короля, но тоже от сильного мира сего. В XVIII веке был во Франции министр Э. де Силуэт. На него рисовали карикатуру в виде теневого профиля. С тех пор и пошел гулять термин «силуэт».

Когда звучит название иного предмета, мы при этом уже не замечаем, что это звучит имя изобретателя.

Перекааты

Михаил
ПЕТРОВ

Рисунок
В. Вельбой

Казалось, наш катер движется по коридору с желтыми стенами. Стены эти жили, шумели — в лесу был листопад. Желтый свет затопил все вокруг, множество опавших листьев плыло по воде, и река тоже золотилась, мерцала. Она делала такие крутые и замысловатые повороты, что трудно было сказать, впереди или позади нас остался поселок, из которого мы отправились в путь.

Такова уж природа рек Северного Урала: то кинутся с кручи, заворчат, пробивая прямую дорогу, то словно устанут, повернут на низине и тихо, лениво потекут в обратную сторону, обходя бесчисленными излучинами каменистые гряды. Непостоянна река характером. Пали в верховьях дожди — валом прошел новый паводок, и все перепуталось. Там, где месяц назад был фарватер, показался песчаный плес; там, где рябили перекааты, стоит зеркальная гладь. Поди разберись в речных капризах, а разбираться надо. В низовьях ждут древесину, и вот мы идем за ней, старательно изучая все сюрпризы, которые приготовила нам река к осени.

Конец августа. Там, к южной границе области, только черемуха разноцветьем листьев намекала о приближающейся поре, а здесь осень уже бушует вовсю.

Я стою на корме. За нашим катером идет небольшой теплоход «Пелым». В райцентре, у пирса сплавконторы, он казался суденышком скромным, а здесь точно вырос и чувствует себя хозяином реки. На фоне ярко-розового заката с запрокинутой белой трубой он идет весь облитый золотом, легко разваливая коричневатую воду.

— Красивый какой! — слышится возле меня тоненький голосок. Это появилась на палубе Оля, дочка капитана катера. Ей лет пятнадцать, угловата в движениях, порывиста. Она выросла на этой реке. Нынче ее последний рейс, через неделю в школу, и, может, потому так обостренно чувствует она красоту уральской осени и, может быть, видит в ней отражение какой-то своей мечты.

— Идемте ужинать, — зовет она, — чай, наверное, остыл, я ведь за вами пришла. Пришла, да и засмотрелась. Ничего?

Некоторое время мы стоим рядом. Девочка-подросток и начинающий седеть грузноватый дядя, представитель главного управления, по здешним масштабам, большой начальник. Но никакой почтительности этот «дядя» у девочки не вызывает. Скорее ей меня жалко.

— И как вы там в городе обходитесь без всего этого,—говорит Оля, остреньким подбородком указывая на уплывающее за кормой разноцветье.— Ну, пошли!

В каюте тепло и уютно. Я, вероятно, нарушаю порядок, вытаскивая из баула и выкладывая пакеты с провизией и консервы. Оля морщится и сдвигает на край стола мои запасы. Пододвигает мне сковороду с жареными сыроежками в картошке, снимает крышку. Аромат леса плывет по каюте.

— А правда,—неожиданно спрашивает она,—что в городе в трамваях уже нет кондукторов и пассажиры сами берут билеты?

— Правда.

— Вы ешьте, ешьте! Хозяйку надо уважать.—И продолжая думать о своем, добавляет:— Людям доверяют. Это хорошо...

Поев, я выхожу на палубу, курю, смотрю на звезды. Крупные, яркие, близкие. Они низко и тяжело висят над землей. Висят и обрываются, и падают, падают. Роскошный августовский звездопад, предвестник бабьего лета. А мысли поворачивают вспять. Моя молодость — это война, хлебные карточки, извещение: «пал смертью храбрых» — это об отце. О счастье мы думали много, но оно приходило к нам суровое, с натруженными руками. А у Оли оно какое? Девочка живет без матери. Мать ушла к другому мужу, поначалу забрала и Олю, но девочка скоро от нее уехала.

— Дядя Коля скупой, хитрый,—рассказывала она,—посылал меня сметаной торговать, а сметану разбавлял кислым молоком. Мне было стыдно обманывать, очень стыдно. Я отпросилась навестить папку, а потом написала, что не вернусь...

Да, вот так! Текла жизнь семьи, как вода в реке, и попадал в нее всякий житейский мусор. Не сумела выбросить его река и откладывает вала где помельче. И возник на житейской реке пережат, опасный для неопытного пловца. А Оля миновала его. Какая же сила поддерживала ее, не дала сникнуть? Смотрю на реку, бегущую навстречу, и, кажется, понимаю, где она, эта сила. Да везде и всюду, вокруг и впереди нас, как эта река, если ты открыто и смело идешь по стремнине, а не кружишь на месте в заплесневелых омутках. И зовут ее коротко и просто — жизнь...

Я бы, наверное, еще долго стоял на палубе, но неожиданно катер ткнулся, заскрежетал днищем о песок, мотор заглох. Капитан спрыгнул на берег, зачалил катер за березу.

— Чего не спите? — спросил он, поднимаясь на палубу по трапу, который Оля успела выбросить.

— Да вот курю.

— На рассвете пойдем через пережаты, определим для «Пельима» глубину, придется поработать лотом.

— Поработаем,—сказал я.

Сладкую предутреннюю дрему прервал звук заработавшего мотора. Делать нечего, поднимаюсь и я. Пять часов утра. Густой, мягкий туман заперделал катер.

— Эй, на «Пельиме»! Как у вас? — кричит в рупор Матвей Иванович.

Приглушенный туманом доносится ответ: «Порядок!». И, словно разорванный человеческими голосами, туман начинает таять, прячется в разлапистом ельнике.

Снова навстречу бежит река. А вот и пережаты. Мы замеряем глубину и указываем «Пельиму» фарватер. Теплоход точно следует за нами. Наметив ориентиры, мы, точно «Пельим», взяли на буксир плоты фанерной березы. Сплавная контора, якобы убоившись мелей, проводить их отказалась: хитрила контора, перестраховывалась. Разобраться во всем на месте я и был командирован. И принял рискованное решение: сами проведем! И зафрахтовал у конторы только этот теплоход. Сплавщики могут осторожничать, им позволительно, а мы должны отправить всю древесину потребителю, иначе не зачтут выполнение плана.

Параллельно связанные две нитки плотов растянулись на триста метров. Глубина осадки, даже с подплавом, достигала одного метра. Кто знал, что лето опять будет сухое, а эта партия леса тормозила всю работу на сплаве, заполнив и без того малую, по зеркалу воды, биржу.

Оформив документы, мы пошли обратно. «Пельим» натужно тянул плоты, стараясь обогнать течение. На поворотах плети плотов заносило к берегу, грозя посадить их на мель, и наш катер, становясь поперек реки, «отрабатывал» их, помогал «Пельиму».

Время от времени, стоя на палубе, я подносил к глазам бинокль. Должно быть, у меня был довольно нелепый и напыщенный вид. Оля, не скрывая улыбки, заметила:

— Не смотрите так серьезно в бинокль, все равно вы не похожи на капитана.

— А на кого я похож?

— Откровенно? На начинающего туриста.

— А что, я люблю туризм.

— Любите? А я нет. Не понимаю, как люди ходят без определенной цели, зачем?

— Как это зачем? Они воспитывают в себе выносливость, мужество.

— Вот, вот,— перебила Оля,— сами себе, а надо, чтобы всем была польза. Хоть немножечко, но всем. Вот изыскатели — это я понимаю. В прошлом году, летом, я два месяца работала с ними, носила рейку. Но ведь там, где мы ходили, нынче дорогу строят! А просто туризм? С жиру бесятся!

— Оля, ты не права,— начал я,— видишь ли...

— Права! Вот и права! Смотрите, рыбак! У противоположного берега покачивалась плоскодонка.

— Папка! — закричала Оля.— Там на плесе рыбак нельму «плавит»!

Матвей Иванович показался в раме отсутствующего окна, глянул на тот берег.

— Точно, «плавит»,— подтвердил он,— самоловом. Кто же это? Никодим, похоже. Вот ведь, середь бела дня.

— Лево руля, папка,— скомандовала девочка,— конфискуем у него снасть, чтоб не браконьерничал!

— Нельзя, дочка, при плотях мы, а то бы, конечно... А вот и они, родненькие, Казачьи перекаты, теперь держи ухо востро.

Оля не настаивала. И вообще я заметил, что отец и дочь отлично понимают друг друга. Их отношения были отношениями равных, уважающих друг друга людей.

Первый перекат начинался у левого берега и под крутым углом пересекал почти всю реку.

— Надо зачалить катер за плот,— сказал я Матвею Ивановичу. Тот согласился и скомандовал дочери:

— Ольга, действуй!

Девочка, захватив конец носовой цепи, прыгнула на плот и привязала к нему катер.

— Оставайся на плоту,— командовал капитан,— подайте ей багор.

— Будьте за лоцмана,— попросил я Матвея Ивановича,— вы лучше знаете реку, а я побуду в рубке. Только скажите, когда дать вперед, когда оттягивать.

— А сумеете? — прищурился он.

— Реверс переведу...

— Ну, добро...

Плоты заходили на перекат. Взмахом руки Матвей Иванович приказал повернуть «Пельму». Теплоход круто повернул и пошел к правому берегу. Течение заносило плоты. Самые задние опоясывали катер. Я дал «полный вперед» и положил «право руля», но плоты упрямо несли к корме. Оля махала мне рукой.

— Назад, назад! — кричала она, отвязывая катер. Я дал задний ход. Оля едва успела забросить цепь. Хвостовые плоты выровнялись. Пройдя немного у берега, «Пельм» резко взял влево и пошел вдоль, второго переката, тоже протянувшегося поперек русла. Ленты плотов изогнулись в прописное «Г».

И тут по ходу катера вынырнул топляк, потревоженный каким-то особенно осевшим плотом. Я резко повернул штурвал, и катер с ходу врезался в плот, на котором стояла Оля. К несчастью, нос катера пришелся не на середину плота, а на его начало. Плот накренился. Появившийся Матвей Иванович бесцеремонно оттолкнул меня от штурвала. Я выскочил на палубу. Плот становился на дыбы, бороздил дно.

— Сюда, сюда! — кричал я Оле, пытаюсь выбросить трап. Опираясь на багор, девочка уже ступила на торцы бревен. Плот стал. Струной натягивался пеньковый канат. Задние плоты сбились в кучу. Малейшее промедление грозило остановкой всего воя. Лопнувшем канатом могло зашибить Олю. Я больше не раздумывал. С топором в руках прыгнул в ледяную воду. Вода оказалась по грудь, над головой дрожал канат, но я не мог до него достать.

— Топор, цепляйте топор! — донесся высокий голос Оли. Чудом удерживаясь на перекошенном плоту, она протягивала мне багор. За его крюк я зацепил топор, и Оля подтянула его к себе. Один взмах топором, и канат лопнул. Оля перебросила топор на плот второй линии, застыла в напряженной позе. Что она хочет делать? Расстояние между плотами было больше четырех метров. Точно рассчитав, Оля всадила в самый конец своего плота багор и, держась за него, прыгнула, как это делают прыгуны с шестом. В следующую секунду она уже стояла на плоту и перерубала второй канат. Укороченный воз медленно покидал перека.

— Эй, заодно уж зацепи буксир! — бросил мне конец троса Матвей Иванович.

Лишь теперь я ощутил жгучий холод воды. Схватив трос, я привязал его к «обрубленному» плоту и с трудом взобрался на катер. Оля спокойно стояла на своем плоту.

Распуская буксир, мы подошли к ней, и вскоре она тоже поднялась на палубу. У нашего катера хватило силы стянуть застрявший плот, и мы тронулись вслед за «Пельмом», вытягивая в ленту доставшийся нам для буксировки конец воя.

— И где это ты научилась так прыгать? — заикаясь от холода, спросил я Олю.

— Нигде не училась, только в кино видела.

— Как же ты осмелилась?

— А раз надо,— обычным тоном ответила она и, помолчав, добавила: — Вы молодец, не побоялись!

И эта похвала капитанской дочки была для меня признанием моей не окончательной бесполезности...

ВЫ СПРАШИВАЛИ...

«Как попасть в космос!» —
таков главный пафос
многих писем в редакцию.

Юные читатели
«Уральского следопыта»
мечтают совершить
если не межпланетное путешествие,
то, на крайний случай, —
поработать
на орбитальной станции,
приобрести
космическую профессию.

*«Сплю и вижу себя на станции
«Салют-6». Буду делать, что заста-
вят. Но лучше бы иметь дело в кос-
мосе с металлом. Какие есть про-
фессии по его обработке?»*

Виталий БАЯНКИН,
г. Набережные Челны.

Что ж, Виталий, выбирай по вку-
су — публикуем список профессий,
связанных так или иначе с обработ-
кой металлов: токарь, фрезеровщик,
шлифовщик, наладчик токарных ав-
томатов, модельщик, формовщик,
кузнец, газосварщик, электросвар-
щик, слесарь-инструментальщик, сле-
сарь механосборочных работ, сле-
сарь КИП и А, оператор автоматиче-
ских и полуавтоматических линий,
станков и установок, маляр по окрас-
ке металлоизделий. У каждой из них
вполне может быть космическая
прописка.

*«Нисколько не сомневаюсь, что
без знания астрономии космические
полеты невозможны.*

*Пока только Валентина Тереш-
кова побывала за пределами атмо-
сферы, полагаю, что конкуренция
в космонавты высокая. А вот про-
кладывать пути кораблям вполне
под силу и женским рукам. Где
учат на астронома, дорогая редак-
ция?»*

Ирина СУЛИМОВА,
село Александровка
Оренбургской области.

Вполне разделяем твоё мнение,
Ирина. Физический факультет Ураль-
ского госуниверситета имени Горь-
кого (г. Свердловск, просп. Лени-
на, 51) каждую осень ждёт своих
абитуриентов...

*«Дорогой «Следопыт»! Сущест-
вует гипотеза, что на нашей земле
некогда побывали инопланетяне. На
этот вопрос никто, кроме археолога,
точно не ответит. Хочу поставить
дело на научную основу, изучив,
конечно, предварительно этот ин-
тересующий меня предмет».*

Надя ЛУЗИНА,
г. Краснокамск
Пермской области.

Да, проблема визита инопланетян
до сих пор открыта и ждёт новых
исследователей. Только, конечно, од-
ним археологам не под силу дока-
зать или опровергнуть эту гипотезу.
Нужны усилия историков, филосо-
фов, физиков, лингвистов. В этом
отношении интересен Институт исто-
рии, философии, филологии Сибир-
ского отделения АН СССР (г. Ново-
сибирск, Академгородок, проспект
Науки, 17).

*«Дорогая редакция! Иногда ду-
маю — вот прилетают космонавты,
и на земле их встречают друзья,
журналисты, ученые. И всегда есть
еще один человек — медицинская
сестра! Может, ее заботливые руки
и олицетворяют гостеприимство
земли...»*

Света КРОХИНА,
Дилара ХАСАНОВА,
г. Ленингорск.

Ваши теплые слова о профессии
медицинской сестры, девочки, расце-
ниваем как желание получить эту
специальность... В Казахской ССР ме-
дицинские училища есть в городах
Актюбинске, Атбасаре, Балхаше,
Джамбуле, Джезказгане, Заряновске,
Караганде, Кустанае, Кокчетаве, Усть-
Каменогорске, Темиртау, Целиногра-
де, Павлодаре. Есть такое учебное
заведение и в вашем родном Ле-
ниногорске (ул. Семипалатинская, 8).
Вот сколько заботливых и знающих
медицинских сестер готовит один
только Казахстан! Есть кому встре-
тить космонавтов...

И приятно, что юные читатели
«Уральского следопыта» правильно
понимают — космос начинается на
земле! Ведь и Юрий Алексеевич Га-
гарин стартовал двадцать лет назад
в неизведанные глубины космоса,
имея, кроме всего прочего, свиде-
тельство об окончании ремесленно-
го училища...

Ждем ваших новых писем!

ЗЕЛЕНЫЙ САЛЮТ ПАВШИМ ГЕРОЯМ

● Рабочие Брестского электромеханического завода обратились с письмом-призывом к молодежи Белоруссии — высадить памятные деревья в честь каждого защитника Брестской крепости.

● Живым памятником погибшим стал сад при 274-й школе Кировского района Ленинграда. Заложил его несколько лет назад учитель биологии Л. Е. Павлов. Инженер, садовод-любитель Г. В. Курманаев принес кусты шиповника и три тысячи луковиц нарциссов. Семена цветов подобрала для садовых клумб сотрудник Всесоюзного института растениеводства Г. Б. Фурса. И все эти годы работали на приусадебном участке ребята.

● Школьниками деревни Иконы Борисовского района Белорусской ССР установлены 1104 не известных ранее имени героев войны. На пустыре вокруг школы создан парк героев: дубки, клены, липы, ясени... Есть здесь деревья, посаженные в честь солдат, погибших в бою на поле Маковье, партизанки-разведчицы Тани Бауэр, руководителя подпольного партийного центра П. Жуковича, бельгийца-

партизана Генриха Коолена, французского летчика из эскадрильи «Нормандия — Неман» Жака Гастона, чехословацких патриотов, воевавших в партизанской бригаде «Дяди Коли». Все они пали смертью храбрых в здешних местах.

● Секретариат Красноярского крайкома ВЛКСМ поддержал инициативу школьного лесничества «Журавленок» Шушенской средней школы № 1, решившего создать дендрарий на территории лесопарка «Шушенский бор», подготовить три тысячи саженцев для озеленения поселка Шушенское, создать аллеи Памяти.

● Кокорино, Бойцово, Шумилино, Джатиево... Не случайно выбраны названия этих поселков в Приозерском краю: названы они в честь тех, кто погиб на поле боя. Долго искали следопыты Джатиевской школы место, где поднялся в последнюю атаку начальник полкитотдела 142-й стрелковой дивизии Дмитрий Егорович Джатиев. И нашли... Сейчас на месте гибели комиссара рядом с остатками блиндажа каждый год цветет «яблонька Джатиева» — так отмечено место подвига.

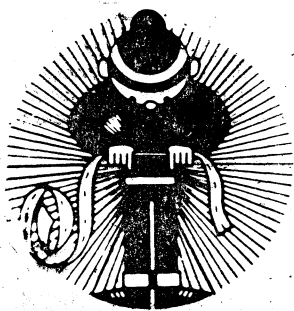
● Яблонька с табличкой

Целый мемориальный комплекс воздвигнут на территории бабиничской сельской школы в Витебской области. Саму школу, в войну занятую под полицейский гарнизон, фашисты при отступлении сожгли. Часть фундамента спаленной школы оставлена как память об испытаниях, выпавших на долю села, через которое дважды проходила линия фронта. Сохранен сруб колодца, в глубине которого покрываются тела расстрелянных людей.

К небольшому домику рядом со школой — музеем Боевой славы — сходятся лучи-аллеи Юбилейного парка. Рядом с парком находится Курган дружбы народов, насыпанный в честь полувекового юбилея Советской власти. В основание его положены горсти земли из сожженной фашистами украинской деревни, героического Ленинграда, из восстановленного после землетрясения Ташкента. Пятнадцать дубков венчают курган.

Уничтожена, сожжена в войну аллея вековых лип, которая вела к школе. Но уже в победном сорок пятом посадили здесь люди тонкие саженцы...

У здания давно отстроенной новой школы разбит сад. Столько яблонь в саду — сколько учеников и педагогов школы не вернулись с войны: сто тридцать шесть. И на каждом дереве — табличка с именем...

СЛЕДОПЫТСКИЙ

телеграф

● Дерево смерти. Дерево жизни

Сводный батальон следопытов — двести пятьдесят учащихся профессионально-технических училищ и школьников — шел по местам боев 18-й десантной армии. Встречались им скромные обелиски и величественные памятники, с отдельными именами и стофамильными перечнями, с золотыми буквами и жестяной звездой...

Встретился следопытам на новороссийской земле и невиданный памятник — «Дерево смерти». Развороченный ствол, покореженные ветви, обугленные листья... Железное дерево образовали осколки мин и снарядов, обрушенных на новороссийскую землю врагом: по полторы тонны металла на каждого защитника города... Символическое это количество металла вобрало в себя и мертвое дерево, напоминающее о боях на Малой земле, о стойкости ее защитников.

Мирное небо над бывшей Долиной смерти. Тянется к нему живая зеленая листва: шесть лет назад посадил здесь свое дерево Леонид Ильич Брежнев — молодой, настоящее деревце. Цветут в долине сады, зеленеют виноградники.

...По всей стране появляются сады, аллеи, парки памяти павшим героям.

«Березы да сосны — партизанские сестры...» — пелось в военной песне. У каждого партизана, сражавшегося с немецкими захватчиками в районе озера Нарочь в Белоруссии, будет свое дерево — так решили местные следопыты.

«Аллея славы морских авиаторов» появилась на месте бывшего аэродрома «Гражданка» в Ленинграде, откуда взлетали в войну балтийские летчики. Аллея посажена слушателями Военно-морской академии имени Маршала Советского Союза А. А. Гречко. Следопыты 473-й школы, известной своим музеем «Балтийская слава», внесли свою лепту — посадили тридцать пять серебристых елей.

В одесском селе Пасицелы пионеры знают поименно всех односельчан, погибших на войне. Их двести четырнадцать человек. В их честь посажено на главной улице двести четырнадцать яблонь.

...Зеленый салют павшим героям!

● Юлдаш-ака и его сад

Большие ирригационные работы запланированы и проводятся на отрогах Чатгальского хребта в Наманганской области Узбекской ССР. Новичку здешние жители обязательно расскажут, какие новые площади плодородных земель появятся в горах, какие сады будут посажены — грушевые, вишневые, айвовые... И непременно посоветуют познакомиться с техником-иригатором Юлдашем Разиковым.

Давно живет в кишлаке Чадак Юлдаш-ака. И все о нем знали — хороший специалист не только своего дела, но и прекрасный садовод: сколько садов заложил, на скольких участках начал посадку... Скромный человек с мирной профессией.

А другую профессию Юлдаша Разикова открыли следопыты, и немало удивились: орден Александра Невского, ордена Красного Знамени, Отечественной войны I и II степени, медаль «За оборону Кавказа»... Ушел Разиков на войну добровольцем в самом ее начале, был рядовым солдатом, а закончил гвардии капитаном. Воевал на Украи-

не, защищал многие российские города, высаживался с десантом в Керчи. О его боевом пути подробно рассказывает теперь сельский музей Славы.

А бывший солдат по-прежнему занят мирными заботами. Еще одной молодой сад заложил и требует каждодневного ухода. Давно мечтал Юлдаш Разиков вырастить гранатовый сад, и мечта его осуществилась.

● Незнакомому юноше из Москвы...

22 июня 1944 года — высечено на памятнике солдату Бреславскому в селе Лесковичи в Белоруссии. Это день его гибели. 22 июня 1944 года — эту дату поставил Борис Бреславский под своим последним письмом домой: «...В Киеве фашисты живьем закапывали людей, и маленькая девочка кричала: «Зачем вы мне сыплете песок в глаза?», Я слышу этот крик. И только тогда утихнет он, когда последний захватчик исчезнет с нашей земли. За все: за отца, за твои слезы, мама, за эту девочку — я буду драться. Дорогая мамочка! Иду в бой. Мысленно я сейчас с тобою, моя родная. Не волнуйся, я спокоен...»

Софья Моисеевна Бреславская, мать солдата, каждый год приезжает на могилу сына, которую отыскивали лесковичские следопыты. Дорога к памятнику печально тиха. Так же светит солнце, как в день последнего боя, так же синее небо. Вот только крепких дубов, трепетных берез и пахучих лип не мог видеть ее Боря. Они высажены после войны руками следопытов.

● «Александр» в честь Александра

Знаете ли вы, сколько времени требуется, чтобы вывести новый сорт винограда? Пятнадцать — двадцать лет...

Старший научный сотрудник опытного сада Башкирского научно-исследовательского института сельского хозяйства, лауреат Государственной премии Лидия Николаевна Стреляева занимается виноградом с 1935 года.

На месте нынешнего трехгектарного виноградника в Кушнаренково тогда был лес. Выписала Лидия Николаевна из Мичуринска двадцать два сорта винограда — только шесть из них выжили. С них-то и начались башкирские сорта. Около сотни гибридных сортов выведено селекционером Стреляевой — чудо-сорт, выдерживающих пятидесятиградусные морозы.

Здесь, в Предуралье, родились сорта «юбилейный», «кичкинэ», «башкирский черный», «башкирский изумрудный», «созвездие» и многие другие. Есть сорт «Александр» — наверное, единственный в мире, который будет писаться с большой буквы. Этот сорт Лидия Николаевна вывела и назвала в честь своего сына Саши, погибшего за пять месяцев до окончания войны...

Только в 1972 году узнала мать, где находится могила сына. Следопыты из литовского города Гаргждай сообщили ей, что Александр Стреляев погиб в разведке, что похоронен он в их городе и что один из пионерских отрядов школы № 1 в Гаргждае носит его имя.

Песчаная буря

Рассказ

**Александр
ДЕМЧЕНКО**

*Рисунки
С. Сухова*

Жора Трушкин пришел на аэродром задолго до вылета, и все из-за соседа по общежитию — тот завел свой будильник на пять утра. Не будильник — джаз-оркестр: так загремел, что даже в соседней комнате проснулись. Напрасно Жора зарывался головой в подушку: сон уже не вернулся. Тогда он оделся и, как говорится, по утреннему холодку потопал на службу.

У своего вертолета увидел пузатый серебристый топливозаправщик. Вчера прилетели поздно, поэтому заправляться не стали, и теперь бортмеханик Кузьмич наверстывал упущенное. Он приставил к борту вертолета стремянку, затем вернулся к автомобилю, вытащил металлический заправочный пистолет, взвалил себе на плечо и направился к вертолету. Раскручиваясь с круглого барабана, потянулся черный резиновый шланг. Возле стре-

мянки Кузьмич остановился и только хотел было поставить ногу на нижнюю ступеньку, как вдруг, ойкнув, схватился рукой за поясницу.

— Что с тобой, Кузьмич? — подскочил к нему Трушкин.

— Ох, Жора, — Кузьмич виновато улыбнулся, — опять старый дружок радикулит. Так стрельнуло!

— Ну постой, пройдет! — сказал Трушкин, взял у него заправочный пистолет, сноровисто вскарабкался наверх, открыл топливный бак и крикнул водителю: — Качай!

Заработал насос, по плоскому шлангу будто судорога пробежала, шланг зашевелился, напрыгся, и из блестящего наконечника пистолета, нацеленного в заправочную горловину, с шумом хлынула тугая струя едкого авиационного бензина.

Стоя на верхней ступеньке стремянки, Жора весело поглядывал на Кузьмича, который сверху казался старичком-боровичком. «Вот бы плеснуть ему на поясницу! Сразу, небось, радикулит пропал бы».

С Кузьмичем работать приятно: он молчалив, улыбчив, исполнительен. Что ни попросишь — в доску разобьется, а сделает. С первых же дней — а Трушкин попал в экипаж полгода назад, сразу же после училища, — они стали на «ты», хотя, по правде сказать, «бортач» ему в отцы годится. Иное дело — командир экипажа, Аркадий Сергеевич Трубников. Полная противоположность Кузьмичу. Если один рожден, чтобы всю жизнь исполнять чью-то волю, то другой — наоборот. Лидерный характер! Да и внешне: рослый, плечистый, спортивного склада. Взгляд пронизательный. Перед таким невольно — в струнку.

Когда бак наполнился, Жора плотно закрыл его дюралюминиевой пробкой.

— Не забудь законтрить, — напомнил ему снизу Кузьмич.

— А то без тебя не знаю!

Трушкин вдел в проушину пробки тонкую полустальную проволоку, затем протащил ее в отверстие на корпусе горловины, выбрал плоскогубцами слабины и, скрутив оба конца проволоки, подогнул их. Полюбовался делом рук своих — приятно стало.

— Слышь, Кузьмич, если с летной работы спишут — в техники пойду! У меня, брат... — он не договорил, увидев, что за спиной бортмеханика стоял командир экипажа. Темно-синяя фуражка чуть сдвинута на затылок, голубая форменная рубашка плотно облегает широкую грудь, брюки так отутюжены, словно собрался он не в полет, а на банкет.

— Что вы у механика хлеб отбираете? — густым баритоном произнес Трубников.

— Да вот смежную специальность осваи-

ваю, — весело отозвался Жора и быстро спустился на землю.

Трубников поморщился.

— Надо прежде всего выполнять свои обязанности!

Жора покраснел.

«И правда, — подумал с раскаянием, — надо было вначале в диспетчерскую забежать, о вылете справиться, а я...»

— Извините, Аркадий Сергеевич, наш Кузьмич приболел, вот я и...

Трубников с прищуром посмотрел на своего правого летчика.

— Вот как? А что об этом в кодексе говорится?

— Что? — заморгал белесыми ресницами Трушкин.

— Глава третья, пункт восемь. «Члены экипажа в случае появления у них физического недомогания обязаны доложить по команде и обратиться за медицинской помощью...»

Командир знал наизусть приказы по гражданскому воздушному флоту, наставления из легких документов. За справками все в отряде обращались именно к нему, и Трубников, не задумываясь отвечал: страница такая-то, пункт такой-то...

— Да вы не слушайте его! — Кузьмич сделал два шага вперед. — Я совершенно здоров, просто немного, видать, спину надуло.

Кузьмич подтянулся, приложив руки по швам, и четко, по-военному, доложил:

— Товарищ командир, вертолет к полету готов!

— Тогда по местам. Нам уже дали вылет, — распорядился Трубников.

С металлическим стуком тарыхтел вертолет, и Трушкин, сидя в правом кресле, со скупающим видом поглядывал на унылое однообразие желто-коричневых песков, что раскинулись от горизонта до горизонта.

Лишь изредка проплывал внизу скелетообразный саксаул. Его кусты гнездились на пологих взлобках барханов, напоминая застывшие древние изваяния. Нет-нет и потянется то тут, то там серой свечкой смерч. И снова без конца и края мертвая тоскливая безжизненность. Неведомо куда, подвижные и чуткие к малейшему дуновению ветра, катились шарообразные перекасти-поле, как бы ища лучшей доли на этой выжженной земле.

От солнечных лучей нет спасения даже в кабине за желтым плексигласом, и Жора минутно поправляет великоватые для него очки-светофильтры, лениво думая, что вертолет, пожалуй, тоже чем-то напоминает перекасти-поле: то туда, то сюда мотает его над пустыней...

Немногим более часа прошло после взлета, а ему кажется, что минула вечность. Иной раз

чудится, что и не летят они вовсе, а неподвижно зависли над океаном песков, где барханы — как застывшие волны, и глазу не за что уцепиться: они убаюкивающи, эти необозримые волны, но Жора упорно борется со сном, заставляя себя смотреть то на приборную доску, сверяя курс, то на полетную карту, то на командира.

Лицо у Трубникова неподвижно и бесстрастно — воплощение собранности. Без этого в авиации, пожалуй, и делать нечего. Это о нем говорят в отряде: «Трубникову — хоть камни с неба! В любую погоду полетит!».

Летал Трубников, действительно, великолепно. Он мог с ювелирной точностью приладить вертолет на крохотный пятачок. А какая пилотская выдержка: часами готов управлять машиной! Так что есть чему поучиться у командира...

Поучиться есть чему, но одно плохо: Трубников редко дает управление своему второму пилоту. А ведь у Трушкина в кармане тоже пилотское свидетельство... Иногда, правда, он и напомним о своем существовании: мол, не мешало бы и мне подразмяться. Спыхватится Трубников: «Ах да, пожалуйста, управляй!». И даже демонстративно сложит на груди руки. Но потом, как бы ненароком, его руки вновь очутятся на рычагах управления, и опять второй пилот остается не у дел.

«Так, пожалуй, и летать разучишься», — досадливо морщится Жора, отлично понимая, что командир, наверное, и не виноват: ну просто не может он и минуты прожить без штурвала. Вот и сейчас правая рука его четко и методически, как заведенный автомат, совершает замысловатую синусоиду движений, сжимая ручку управления.

Чуть позади Трубникова, прислонившись к правому стаяку, сидит на подвесном сиденье, как на курином насесте, бортмеханик Кузьмич. Сидит и мирно похрапывает. Его лысенькая голова склонена на грудь, а на кончике острого носа выступили капельки пота.

«Умаялся наш Кузьмич... И не удивительно: такая жарынь!»

Глаза туманились, и в плавающем от зноя мареве чудились то сахарно-белые воздушные минареты, то причудливые динозавры, то белогривые скакуны. Но стоило лишь взглянуть на Трубникова — и все исчезало: минареты, скакуны... У командира скептически поджаты тонкие, лиловые губы, у него античный, как на старинной монете, профиль загорелого мужественного лица, тонкая пластмассовая дужка микрофончика у волевого рта. Его не проведешь несуществующими сказочными видениями...

А вот еще один мираж: в бурых песчаных барханах красный кузов легкового автомобиля.

Трушкин протер глаза: показалось? Но из машины вдруг один за другим выскочили люди и замахали руками.

— Командир, видите?

Трубников слегка наклонил голову, небрежно обронил:

— Ишь, автотуристы!

Жора толкнул в бок бортмеханика:

— Кузьмич!

Тот сразу открыл глаза — как не дремал. Вначале бросил взгляд на приборы двигателя — все в порядке, затем посмотрел вниз за борт.

— Занесла их сюда нелегкая, — заворчал он, — нет чтобы по трассе ездить, как все добрые люди.

А люди махали и махали руками, словно никогда не видели обыкновенного вертолета.

Кузьмич привстал с сиденья и, бесцеремонно отеснив Трушкина, приник к плексигласу.

— Странно... Может, они заблудились? Командир, сделаем кружок, а?

— Круг почета? — насмешливо бросил Трубников.

Вертолет, даже не кольхнувшись, продолжал лететь прямо.

— За нами бегут! — крикнул Трушкин. — Смотрите, один упал!

Он тронул командира за плечо:

— Аркадий Сергеевич, а может, сядем, а? Наверное, у них машина испортилась.

— Мы не техническая помощь. К тому же я не имею права нарушать задание.

Кузьмич все еще что-то бормотал, не соглашаясь, пока Трубников не прикрикнул на него:

— Кто здесь командир: вы или я?

«И в самом деле, — думал Жора, — мало ли кто будет махать нам с земли? Что же теперь, вокруг каждого куста совершать круг почета?»

Вскоре он забыл про автотуристов, потому что впереди по курсу показалась река. Каким неправдоподобным чудом явилась она среди серого однообразия пустыни. Настоящий оазис!

Там, где речка делала кокетливый поворот, расплеснув свои воды в заливе, берег был в молодой зелени кустарников и деревьев, и стояли две выгоревших добела палатки. На стрекот вертолета из палаток повыскакивали люди и приветливо замахали руками.

— Приехали! — весело объявил Трубников и повел вертолет на посадку.

Пока на борт грузили какие-то ящики, а командовал погрузкой Кузьмич, Жора быстро искупался в глинисто-мутной речке. Вода оказалась парной и, конечно же, несколько не освежила. Зато какой необыкновенной была вода из артезианской скважины! Хрустальной

прозрачности, аж зубы ломило, так бы пил, пил и пил, не отрываясь. Рубашка мигом взмокла, пот покатил градом.

— Ну хватит, Жора,— сказал над ухом Кузьмич,— а то лопнешь.

— Еще глоток — про запас.

— Про запас мы сейчас канистру наполним.

— Правильно! Ну и догадлив ты, Кузьмич!

В это время бортмеханика зачем-то позвал Трубников, и тот, не дослушав, подхватился, рысцой побежал к командиру, затем, видимо, получив какое-то указание, нырнул в чрево вертолета. Трушкин поднялся, отяжелевший от выпитого, и, покачиваясь, побрел посидеть в тени карагача, но вскоре его тоже окликнули. Лететь надо. С неохотой забрался Трушкин в кабину. И вот уже фыркнул мотор, выплюнул из патрубков сгустки черного дыма, и над вертолетом закрутились огромные лопасти, вначале медленно, но с каждой секундой все быстрее и быстрее, пока не слились в сплошной круглый диск. У палаток стояли люди и прощально махали руками. Наверное, им хотелось улететь вместе с летчиками, а Жоре, наоборот,— остаться.

Так надоело мотаться по пустыне в этой грочущей железной коробке!

Рядом, пригорюнившись, сидел Кузьмич.

— А водица — прелесть! — прокричал, обернувшись к нему, Жора.

Кузьмич кивнул и вдруг, спохватившись, бросился в грузовой салон.

«Вот неугомонный!»

— Взлетай! — раздался в наушниках голос командира.

Жора обрадованно взял шаг-газ. Ликовал: наконец-то ему доверили взлет!

Когда вертолет повис над землей и стал уже набирать высоту, Трубников вдруг оглянулся:

— А где же бортмеханик? — спросил он.

— В салоне, наверное,— беспечно ответил Жора и тоже оглянулся.

Кузьмича он не увидел, зато бросилась в глаза открытая дверь.

— Командир, мы взлетели без Кузьмича.

— Что за шутки! — нахмурился Трубников.— Ведь он же сидел рядом!

— А потом зачем-то спустился в салон. Я думал, хочет крепления грузов проверить.

— Думал, думал! Иди хоть дверь-то закрой, будем возвращаться,— проворчал Трубников.

Трушкин спустился вниз и... остолбенел: за бортом, сжавшись комочком и крепко обняв подкос, сидел на подножке Кузьмич.

— Кузьмич за бортом! — испуганно метнулся Жора в пилотскую.

— Что-о?! — по лицу командира пробежала судорога.

Вертолет плавно скользнул вниз, и вот уже колеса пружинисто ткнулись о песок и длинные лопасти стали крутиться медленно, на холостом ходу, а Кузьмич продолжал сидеть в той же — скрюченный в три погибели — позе. Трубников тронул Кузьмича за плечо:

— Вставай, приехали!

Тот растерянно улыбнулся и показал на прижатую к груди канистру.

— Вот... чуть не забыли...

Трубников с минуту смотрел на бортмеханика, как смотрят на сумасшедшего, вырвал канистру и с силой швырнул ее наземь.

— Что же ты... — с укором покачал головой Трушкин.

— Думал, что успею, — тихо проговорил Кузьмич, виновато отводя глаза в сторону.

Теперь уже взлет вертолета Трубников взял на себя, всем своим видом показывая, что не доверяет больше никому. Он молчал, но Трушкин понимал, что так просто дело не кончится, и это гнетущее молчание Трубникова — затишье перед бурей. Было жаль Кузьмича, но распирала и досада на него: ведь старый же авиационный волк, а ведет себя, как мальчишка! Да и сам он тоже хорош — взлететь без бортмеханика...

Вертолет начало побалтывать — усиливался ветер. Кое-где уже срывались и поднимались вверх клубы песка.

«Возможна пыльная буря», — думал Жора. Лететь, когда песок носится в воздухе, забываясь во все щели, — гиблое дело. Зато Трубникова, казалось, ничуть не заботило ухудшение погоды. Действительно, ему хоть камни с неба... Но вот показался вдали аэродром с его бетонированными геометрически четкими посадочной полосой, рулежными дорожками и стоянками, с двухэтажным зданием командно-диспетчерского пункта, с низкими служебными домишками.

— Вам посадка в начале полосы, — по-самолетному предупредили с земли. — Учтите, ветер двенадцать-пятнадцать метров в секунду, с порывами до двадцати.

Упрямо набычавшись, вертолет мчался навстречу ветру, который свирепо бился о железный корпус машины, швыряясь охапками песка и пыли.

Трушкин вцепился в тугое управление, стараясь разглядеть край бетонки — мела самая настоящая песчаная поземка, — и только когда, наконец, почувствовал прикосновение колес к земле, перевел дыхание и взглянул на командира. С широких скул Трубникова, обтянутых смуглой кожей, медленно стекали капельки пота. И это окончательно убедило, что посадка в самом деле была нелегкая.

На стоянке их встретил командир отряда

Маслов, рослый человек с одутловатым лицом и удивительно голубыми глазами.

— Как долетели? — поинтересовался он, войдя в грузовой салон и плотно прикрыв за собою дверь.

— Малость потрепало, — скупое ответил Трубников. Об «эксперименте» с Кузьмичем за бортом — ни слова.

— Близится пыльная буря, — предупредил Маслов. — Покрепче закрепите вертолет и по домам.

Он повернулся, намереваясь выйти.

— Одну минуточку! — остановил его Кузьмич.

Трубников бросил на бортмеханика быстрый настороженный взгляд.

— На маршруте мы увидели странных людей. Они нам махали. По-моему, у них сломалась машина. А ведь это пустыня...

Трушкин ожидал, что командир отряда рассмеется: уж очень наивно, как-то по-детски прозвучало это. Однако Маслов не рассмеялся, вопросительно посмотрел на Трубникова.

— Почему не сели, Аркадий Сергеевич?

— У меня в полетном листе... — начал было Трубников, но командир отряда перебил его.

— А как вы считаете, второй пилот? — обратился он к Трушкину.

Жора не ожидал такого поворота и растерянно оглянулся на Трубникова.

— Я считаю... командиру, конечно, виднее... Но понимаете...

И вдруг, осмелев и сам удивляясь своей смелости, проговорил:

— Разрешите мне, товарищ командир?! Я их найду! Честное слово...

— Не разрешаю!

Маслов открыл дверь, но порыв ветра с силой захлопнул ее.

— Видите, что делается? Закончится буря, тогда уж.

— Но ведь там люди! Они могут погибнуть. Имеем ли мы право?..

— А я не имею права рисковать экипажем! — повысил голос Маслов. — Закрепляйте машину!

...Песчаная буря бушевала четверо суток. Жора Трушкин, сидя в комнате общежития, с отчаяньем вглядывался в рыжую мглу, бесновашуюся за окном, и не находил себе места от чувства раскаяния: почему он тогда не поддержал бортмеханика? Вдвоем они бы смогли убедить командира. А теперь...

Наконец, буря утихла, и командир отряда Маслов разрешил им вылет. Машину вел Трубников. Чеканное лицо его, как всегда, было сосредоточено, взгляд пронизателен и строг, но Трушкину командир уже не казался эталоном мужественности и собранности.

Первым заметил красный кузов машины

Кузьмич. Правда, теперь уже кузов не был красным, а каким-то грязно-коричневым, засыпанным так, что еле угадывался в неоглядном море песков. Но где же люди? Наверное, забились внутрь, пережидая непогоду.

Вертолет опустился неподалеку. Жора первым выпрыгнул из него и побежал к автомобилю. За ним, размахивая аптечкой, затрусил и Кузьмич...

Бежать было трудно, — песок расползался под ногами, — но Трушкин все равно бежал, запоздало думая, что напрасно не захватил с собой лопату. Как он будет отгребать от машины песок? Но возвращаться не хотелось из-за Трубникова. Тот опять найдет повод в чем-нибудь упрекнуть.

Жора начал отгребать от машины песок руками. Когда освободилось стекло, он заглянул внутрь, но сначала ничего не увидел: в глазах рябило. Потом, приглядевшись, различил на заднем сиденье, что вроде что-то чернеет. «Живы ли?» Пот градом катился с него — так он старался, — и вдруг услышал голос Кузьмича:

— Жора, поди-ка сюда!

Бортмеханик сидел на корточках перед холмиком песка, из которого торчал ботинок.

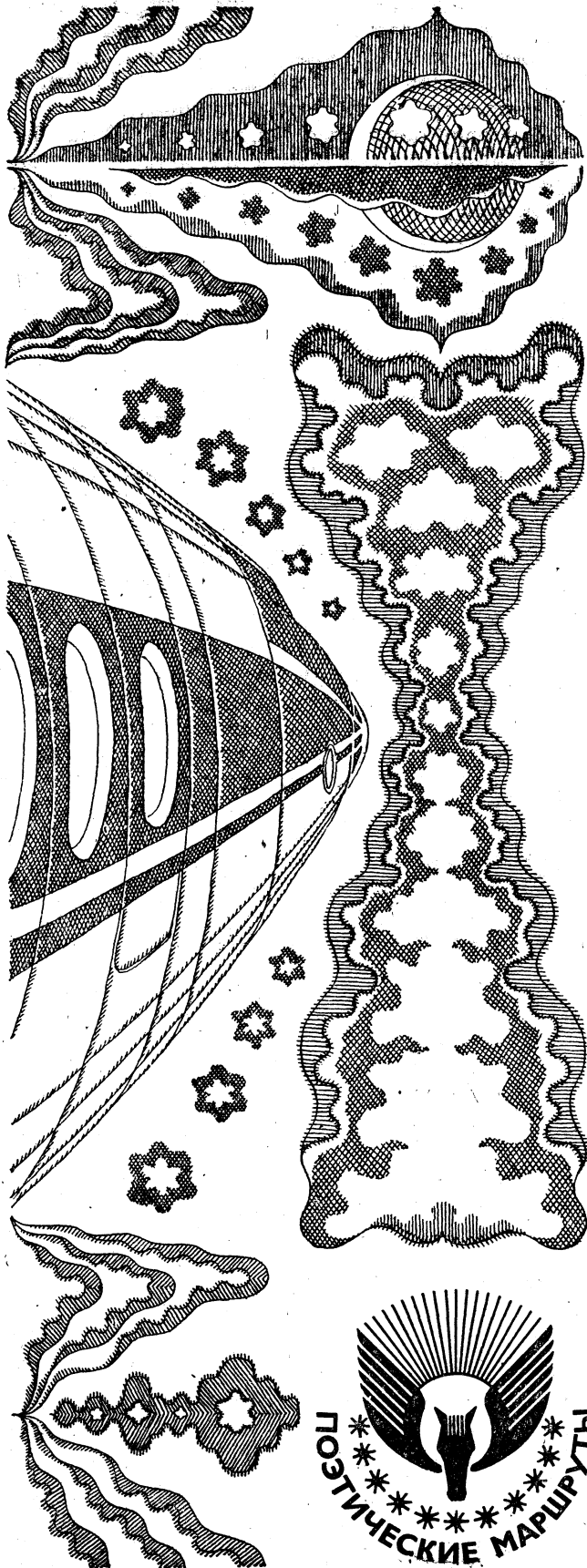
Человек лежал ничком, а когда его повернули на спину, то увидели открытые глаза, открытый в предсмертном крике рот. И глаза, и рот, и уши были забиты песком...

Из машины послышался стон, и они, бросив погибшего, кинулись туда.

— Помогите!.. Помогите!..

Один голос был громкий, хрипящий, другой торил ему, уже тихий, ослабевший. Значит, двое в машине еще были живы...

**Владимир
СИБИРЕВ**

Признание

Я вовсе не сентиментален.
Так почему
В груди теснит
При виде мартовских проталин
Или при цоканье копыт?
Томительно высоким током
Пронизан я,
Когда в тиши
Вдруг рядом кто-то
Ненароком
Откроет
Краешек души,
Сверкнет такую чистой гранью,
Как будто так сложились дни,
Что ни вражде,
Ни расстоянью
Уже не встать между людьми!

Боль

Может быть,
И об этом сказали уже.
Но как быть,
Если чуть не до крика
Болью прошлого вдруг полоснет по душе?!
Ведь сама эта боль —
Безъязыка.
В ней смешались
События и времена
С дня,
Когда по сухому бурьяну
Полонянку босую
Под храп скакуна
Волокли к половецкому стану...
Через жизнь мою
Все летит с крутизны
Обреченных кронштадтцев гитара...
А еще —
Не смотрю кинохроник войны:
Не увидеть бы
Бабьего Яра...
...Ты не думай,
Что радость не дружит со мной
И что мне беспросветно живется.
Но уж так обусловлено жизнью самой:
Люди гибнут,
А боль остается.

ПЕРВЫЙ МОСТ

В. Меринова

Россия

Люблю боевые реликвии —
Знамена, гербы, ордена.
За ними
Свершенья великие
И жертвы
Во все времена.
Чего в эту землю
Ни сеялось,
Какой ни кропился рассол?!
Но хлебною силой доселе
Отмечен российский подзол.
И, как рядовой поколенья,
От стрессов став крепче литья,
Горжусь,
Что по праву рожденья
Зачислен в ее сыновья!
Под занавес века двадцатого,
В преддверье грядущего дня
Зрачками Малюты Скуратова
Сомненья не точат меня.
Достанет и силы, и выдержки
Отчизне в ее правоте...
Все сможет Россия,
Все выдюжит,
Пока при мече и щите!

Алексей МОЛЧАНОВ

Майор запаса

«На основании закона...» —
Неотвратим тот день и час,
И вот звучит приказ Главкома
Об увольнении в запас.
В одном дыхании с друзьями
В последний раз равняю строй,
И знамя — сердце полкового
Шуршит прощально
Бахромой.
Пускай отбой объявлен службе,
Солдат не может не служить.
И сдать на склад свое оружие —
Не означает,
Что сложить.
Пока наш мир взрывоопасен —
Во мне написанный приказ,
Чтоб звание
«Майор запаса»
Беречь как боевой запас!

Борис ЧУЛКОВ

Рейс №...

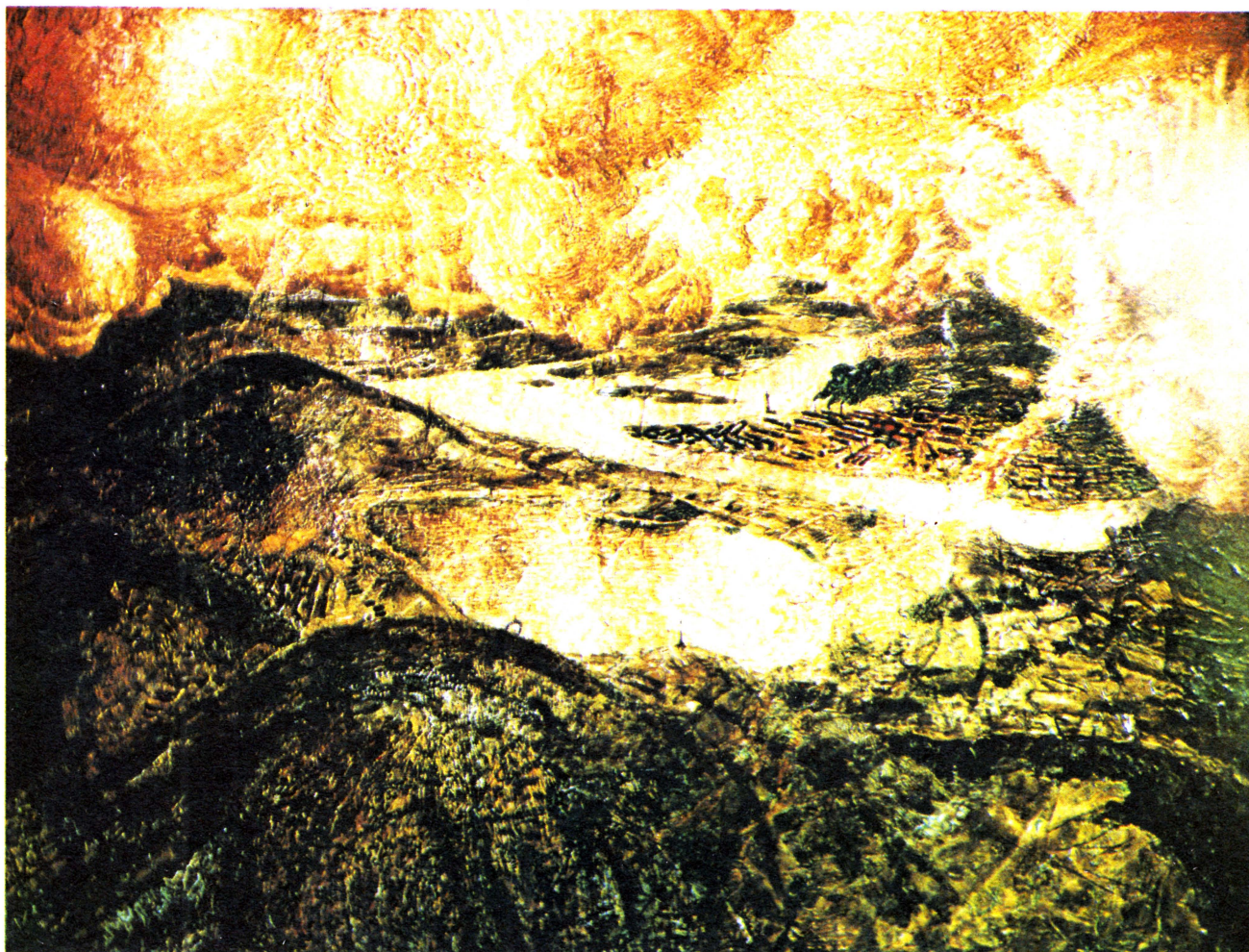
Встал месяц с правой стороны,
а пять минут назад
на кромке белой тишины
еще пылал закат.
Такой закат один из нас
космическим назвал,
как будто в космосе не раз
сам лично побывал.
Что ж облака тогда — снега
на Марсе или Луне,
где месяц и его рога
уместны лишь во сне?
И две-три краски тут горят,
и первозданен цвет,
но космос черен, говорят,
а черноты тут нет!
Незамутненность, ровный свет,
и все так просто здесь,
что проще, видимо, и нет...
Не это ль рай и есть?
Но прорывает самолет,
как поршень, облака —
и за стеклом бурлит, течет
вся прорва молока.
И обнажается земля,
и вместе с ней, на ней
леса, дороги и поля,
тьма-тьмушая огней.
В глаза врывается, растет
обжитость сотен верст —
и мир — совсем наоборот —
отнюдь, отнюдь не прост...

Струится древо —
какое диво!
Струится денно,
струится ночью
стихией мощной
и прихотливой.
Листва трепещет
под ветром свежим,
как воды плещут
у побережий.
Так было древле,
так — в настоящем.
Струится древо,
листва — кипища!

Сотворенная радость

Репродукции
с картин Н. Г. Засыпкина
выполнены А. Нагибиным

Золотой пейзаж

Рябинка

Щедрая осень

Жаркое солнце встает из-за гор, щедро золотит клубящиеся над землей облака. Седые Уральские горы со всех сторон обступили речку убегающую к дальним далям, озерцо, вобравшее в себя яркий солнечный свет, городок, к которому подбираются первые солнечные лучи.

Это картина свердловского художника Николая Григорьевича Засыпкина «Золотой пейзаж». Раздумья художника о мире, смысле бытия, любовь к нашей земле, родному краю — в каждом его полотне.

Всю жизнь Николай Григорьевич в непрестанном творческом поиске. Его пейзажи и натюрморты

всегда наполнены глубоким внутренним содержанием, жизненной достоверностью, поэтичны и удивительно музыкальны.

Сюжеты картин, кажется, так просты. Это все, что нас окружает: горы и леса, облака и речки, цветы и грибы. Обыкновенные и привычные. Но какими значительными ста-

Уральская симфония

носятся они под талантливой кистью художника. Сколько радости принесит ветка цветущей уральской рябинки в простой стеклянной банке. И эта корзинка, полная только что найденных грибов. Ведь за ними так и слышатся перезвоны весенних птичьих голосов, таинственные шорохи леса, грустные напевы осеннего дождика.

А каким чудом предстает теплая друа хрустала на зеленоватоголубом холодном фоне лесного мха, обращая наши мысли к таинствам свершений природы.

Н. Г. Засыпкин много работает и в жанре портрета. Портреты его кисти всегда своеобразны, глубоки и человечны.

Графические листы и рисунки

художника не менее поэтичны и музыкальны, чем его живописные полотна.

И к какому бы жанру или сюжету ни обращался Николай Григорьевич, всегда он творит красоту и дарит людям радость.

Маргарита
ГОРШКОВА

КАСЛИНСКИЙ ПАВИЛЬОН. Фрагмент.
Свердловская картинная галерея.

Фото А. Нагибина.

Инна
ПЕШКОВА

Фото
А. Нагибина

Касли... Если говорить коротко — этим названием еще 250 лет назад было означено небольшое поселение. С 1934 года Касли стали поселком Челябинской области, а с 1942-го — городом.

А что же означает это слово — Касли?.. Пожалуй, немного есть таких городов, чье имя до сего дня люди объясняют по-разному.

На одном из тюркских наречий «Касли» означает «дорожная вода». На месте нынешнего завода когда-то пролежала большая сибирская дорога. Проходила по ней кочевые племена и называли лежащее у дороги озеро, а вместе с ним и поселок — Касли...

«Касли» в переводе с татарского означает «голубая яма», или «голубая впадина». Так называли когда-то татары эту местность, потому что озер было много...

«Касли» есть и в башкирском языке — это слово, которое составили из двух: «кас» — гусь, «ли» — приволье. Вот и получается, что «Касли» — это «гусятинное приволье». Говорят, давным-давно жили на здешних озерах дикие гуси. Потом, когда люди поселились кругом, гуси улетели, а «Касли» — так и остались...

Легенды, предания говорят самое разное. А вот что было известно о Каслях из официальных источников в 70-е годы прошлого века:

«Селение Каслинского завода весьма обширно, — читаем в одном из них. — По числу жителей... это четвертый из населенных пунктов Екатеринбургского уезда после Екатеринбурга, Невьянского завода и Березовского завода... Только Екатеринбург, Пермь и Кунгур превосходят численностью Каслинский завод».

Главную славу Каслям с давних времен принес чугуноплавильный завод, руки его мастеров, вдохнувших в грубый чугун живую душу искусства.

«Большая часть чугуна переделывается заводом в железо, но много также употребляется на отливку различных изделий из вагранок, — писал известный уральский краевед и учёный Н. Чупин. — Чугунное литье по качеству своему доставило знаменитость заводу. В Среднюю Азию чугунная посуда идет исключительно из Каслинского завода. В особенности славятся изяществом своим мелкие вещи: бюсты, ажурные тарелочки, пепельницы, спичечницы и прочее...»

Итак, завод издавна прославился своим литьем, доведенным до высокой степени художественности...

Свердловская журналистка Инна Пешкова собрала большой материал об истории каслинского художественного литья, о жизни и творчестве знаменитых скульпторов и чеканщиков. Богато иллюстрированная книга «Искусство каслинских мастеров» будет издана Южно-Уральским книжным издательством в Челябинске. В ней автор приводит немало еще не опубликованных данных, взятых из архивов — и государственных, и личных, полученных от самих героев — мастеров знаменитого промысла или их потомков.

Ниже мы публикуем некоторые главы из книги И. Пешковой «Искусство каслинских мастеров».

НАЧАЛО

У каждого города есть свои памятные вехи в истории. Есть они и у Каслей. С 1746 по 1755 год завод строился тульским купцом Яковом Коробковым на землях, купленных им за бесценок у башкир. Затем купец продал завод статскому советнику Никите Демидову, брату известного уральского промышленника Акинфия Демидова. Потом завод перешел к его сыну — тоже Никите Демидову, который завещал его племяннику Петру.

В августе 1809 года горный департамент рассмотрел прошение тайного советника Петра Демидова и вольного 1-й гильдии купца Льва Расторгуева «о позволении первому продать Расторгуеву два — Кыштымский и Каслинский — заводы с Сорочинской при них судовой пристанью и со всеми принадлежащими к ним землями, лесами, рудниками, мастерскими и рабочими людьми... Не нашел препятствий к совершению этой сделки, а потому означенные заводы со всеми к ним принадлежностями продать позволил».

Один владелец продал, другой — купил недвижимость «с мастерскими и рабочими людьми». Быть может, не стоило упоминать сегодня об этой купчей, если бы имя нового владельца не стало с тех пор упоминаться на многочисленных русских ярмарках, на выставках заводского литья за границей, когда пришла к заводу прочная долголетняя слава.

Впервые Каслинский Лев Расторгуева завод Кыштымского гор-

ного округа был удостоен золотой награды — Малой медали Вольно-экономического общества — в 1860 году. Через год к ней присоединилась Малая серебряная медаль Мануфактурной выставки в С.-Петербурге. А еще через несколько лет — почетные дипломы, серебряные и золотые медали на всемирных выставках в Париже, Вене, Филадельфии, Копенгагене, Стокгольме...

Пожалуй, три слагаемых составляли секрет успеха: высокое качество чугуна, выплавляемого на древесном угле, особые достоинства каслинских формовочных песков и мастерство рук заводских рабочих.

Кто же они были, те мастерские люди? Современники относились к ним равнодушно, и в истории Каслей прошлого века, пожалуй, ни разу не были отмечены их имена. Но сохранились изделия, на оборотной стороне которых, словно визитная карточка, осталась на века вписанная в строгий прямоугольник фамилия формовщика: Самойлин, Пермин, Ахлюстин, Хорошенин, Агеев, Тепляков... И сегодня, глядя в застывшие на металле прямоугольники, мы хотели бы встретиться с этими людьми через многие годы. Чтобы пройти по их дорогам. Чтобы помнить и знать...

ПЕРВОЕ ИМЯ

Скудные сведения оставила нам история о тех, кому в числе первых довелось зачинать, ставить художественное литье из чугуна в Каслях. Скороговоркой проскальзывает упоминание про то, как привез бывший владелец завода нескольких мастерских из Кушвы, — они-де и стали первыми мастерами. Только вот кто это был, когда, по какому случаю — неизвестно.

Архивные документы утверждают, что еще к началу пятидесятых годов XIX века производство художественного литья из чугуна в Каслях не было налажено, и одной из причин этого явилось отсутствие необходимых мастеров, прежде всего — модельщиков и чеканщиков, кому можно было поручить искусную художественную работу.

Впервые имя мастера — Афанасий Тарханов — встречается в записке, отправленной из канцелярии горного начальника в главную контору Златоустовских заводов. Это был резчик Билимбаевского завода, которого на время вытребовали в Касли для изготовления моделей чугунных украшений памятника Александру Второму: по «высочайшему заказу» его понадобилось

срочно реставрировать. В августе 1850 года памятник императору был, наконец, восстановлен, каслинские мастера сделали все необходимое по мелкому художественному литью, но никаких других сведений ни о них, ни о первом модельщике завода Афанасии Тарханове в архивах больше не обнаружено.

ОДНАЖДЫ И НАВСЕГДА

История не сохранила ни одной даты — когда именно среди длинного перечня предметов, что уходили с Каслинского завода на российский ярмарки и базары, появились изящные спичечницы и массивные вазы, ажурные, как из черных кружев, декоративные тарелки, солидные шкапулки и затейливые пепельницы. Разве только по беглым печатным упоминаниям можно определить время — семидесятые годы XIX столетия. Но вот однажды — и на многие десятилетия (а может, и навсегда) — пришла к заводу пора признания и славы за его «художества», и год от года стало расти число названий великого множества чугунных отливок, которые значились в заводском прейскуранте под названием кабинетных вещей.

Судя по всему, семидесятые годы были не только началом, но и расцветом производства нового вида продукции, уверенно утверждавшейся среди множества предметов бытового назначения, которые уже принесли заводу широкую известность. Среди кумганов трех видов, колоосников, сковородок, вьюшек, кастрюль, азиатских чаш и т. п. заметное место стали занимать разные статуэтки весом всего только по одному фунту и даже меньше, а также художественные изделия, большинство из которых потом надолго войдет в число непререкаемых наименований заводской продукции: бюсты Крылова и Грановского, два вида бюста Эзопа (навсегда утерянные впоследствии!), изображения коней (ржущего, изнуренного, с волком и собакой), фигурки быка и собак, множество подсвечников и пепельниц, постаментов для часов (подчасники), вазочки, чернильные приборы, карандашницы, даже шахматы. И все это уже тогда находило своих покупателей и ценителей.

Однако успех художественных чугунных вещей неожиданно породил новые проблемы, решить которые оказалось непросто. В документах тех времен можно встретить сетования, что финансовые соображения тормозят расширение ассортимента

художественного литья. Причина усматривалась одна: изделия из чугуна окупали себя только в самых бесхитростных предметах обихода, которые не требовали для производства никаких особых затрат и усовершенствований. А художественное литье обходилось заводчикам достаточно дорого. В результате, встречая на Нижегородской ярмарке более грубые, но более дешевые изделия из чугуна, хозяева каслинских заводов предпочитали не рисковать. Опасаясь конкуренции, они старались продать свою продукцию на месте и выпускать ее наверняка, для чего из года в год на заводе производились одни и те же накатанные, оправдавшие себя модели.

Но последние годы прошлого столетия неожиданно ознаменовались для Каслей широкой волной признания, которая прокатилась от середины России через всю Европу. В 1896 году каслинцы отлили павильон из чугуна для Всероссийской выставки в Нижнем Новгороде. Павильон вместе с выставленными в нем изделиями привлек особое внимание посетителей, а большая группа мастеров была отмечена наградами за участие в этой работе.

В 1898 году Кыштымский горный округ, в состав которого входили Касли, начал готовиться к международной выставке в Париже. Для показа заводской продукции в ее русском отделе первоначально предполагался павильон, уже одобренный на Нижегородской выставке. Однако масштабы территории, которая отводилась для уральских горных заводов (в Париже она составила 100 квадратных сажен, а в Нижнем Новгороде было 20), заставили отказаться от этого намерения.

Проект нового павильона был заказан архитектору Е. Е. Баумгартену. В 1898 году он был готов, и на заводе началась отливка деталей. В 1900 году в Париж отправилась группа каслинских мастеров, которые на специально подготовленном каркасе собрали в одно целое из разрозненных элементов покоряющее своей красотой сооружение.

«Кыштымские горные заводы приготовили к отсылке на Парижскую Всемирную выставку довольно большое число вещей чугунного литья. Особое внимание обращает на себя громадный павильон в византийском стиле, — писал в январе 1900 года журнал «Искусство и художественная промышленность». — Очень тонко и художественно сделаны различные орнаменты, рельефно выделяющиеся на золотистой дублировке сооружения».

Каслинский чугунный павильон 1900 года был признан шедевром литейного искусства и удостоен выс-

шей награды Парижской выставки «Гран-при».

После ее закрытия детали павильона вновь отправились в путь, на этот раз из Франции на Урал. Праздник кончился, а будни не предвещали ничего хорошего. В разобранном виде павильон попал снова на склад завода и здесь, среди пыли и мусора, пролежал почти 30 лет, пока не очутился в новом отделе Уральского областного музея, посвященном художественному литью.

В том же 1900 году в Петербурге на русском и французском языках был издан великолепный каталог художественных изделий Каслинского завода, который, вероятно, не случайно был назван каталогом предметов роскоши. В 1903 году в Петербурге издан еще один каталог каслинских художественных отливок. В нем в одну шестую натуральной величины изображено около 700 различных предметов. В 1913 году его переиздали, и там оказалось уже более 750 наименований!

Сегодня трудно судить о том, в каких количествах получала путевку в жизнь каждая модель. Несомненно одно: более половины из отлившихся на заводе предметов роскоши сегодня почти не встречается.

Причины этого различны. Часть моделей в свое время была снята с производства, другие утеряны в годы гражданской войны, когда упакованные в ящики модели были вывезены колчаковцами неизвестно куда.

ПО НОВЫМ ДОРОГАМ

Однажды мне попала в руки небольшая плоская пепельница, формой своей похожая на раскрытый веер, а на оборотной стороне отмеченная, как это было принято среди каслинских мастеров, клеймом с фамилией формовщика и указанием места отливки. Ничего примечательного в ней, пожалуй, не было, кроме этого: где и кем отливалась. И хотя на первый взгляд она совсем не отличалась от традиционных каслинских изделий, именно в этой отливке можно было заподозрить подделку. Выдавало качество чугуна, делавшее пепельницу грубее и толще, чем каслинские.

Фамилия на отливке была из местных — Ахлюстин, а вот заводское клеймо долго не удавалось разобрать, только с большим трудом я наконец прочла: «В.Уфалей». Что же, вполне возможно, что вещь принадлежала руке каслинского мастера, но на новом производстве, в других условиях и ином материале

она была только похожей на свой исконный каслинский образец.

Однако в упорной попытке повторить отливку на новом производстве мастеров не всегда постигала неудача. Не случайно поэтому и в прошлом веке, и в наши дни каслинские мастера, сменив место жительства и работу, владея секретами профессии и создавая условия, максимально приближенные к оптимальным, повторяли каслинские отливки и создавали вещи, совершенно не отличимые от оригиналов. Часто на этих изделиях стояли марки уже других заводов, однако почерк мастеров в них проявлялся так же ярко, как и в «художествах» Каслей.

В справочной книге объявлений и адресов торгово-промышленных фирм с броским заголовком «Реклама есть двигатель торговли» за 1902 год есть любопытное объявление завода чугунолитейного и гвоздарного завода некоего Н. Д. Машарова в Тюмени о выпуске «в большом количестве и по заказу разных изделий для домашнего обихода». В нем сказано, что все изделия из чугуна высшего качества производятся на заводе в Тюмени мастерами Каслинского завода, откуда «получается и лучший песок для формовки. Вещи отличаются чистотой, легкостью и изяществом рисунка».

В 1935 году начинает первые опыты по отливке каслинских изделий Уралмашзавод в Свердловске. Инициатором этого стал Василий Митрофанович Уханев, бывший литейщик с Украины, который в 1931 году был назначен начальником еще строящегося чугунолитейного цеха. Знаток и ценитель художественного литья, Уханев побывал в Каслях и загорелся идеей организовать производство литья на Уралмаше. Для начала он договаривается о переводе на завод четырех каслинских рабочих, а также организует доставку из Каслей формовочного песка.

Каслинские рабочие прибыли со своим инструментом. Для них отвели небольшой участок, на котором производилась формовка по особой каслинской технологине. После отливки детали очищались, чеканились, собирались. В отдельную композицию могло входить до десятка элементов. Почти все литье на заводе изготовлялось по каслинским образцам, и за три года на Уралмаше было отлито множество самых разных художественных изделий, на которых стояла марка «УЭТМ».

Когда в 1937 году Свердловский оперный театр отмечал свое 25-летие, завод подарил ему художественно оформленную витрину, куда входило 20—25 отливок уралмашевского литья по каслинским образцам. Но сегодня в музее театра можно увидеть только две из них — большую

фигуру стоящего Мефистофеля и такого же Дон-Кихота.

К сожалению, до сего времени не удалось точно установить фамилии первых каслинских рабочих, зачинателей этого искусного ремесла на Уралмаше. В печати в разное время появлялись фамилии Самойлина, отца и сына Вихляевых, считают, что к этой работе был причастен один из братьев Зацепиных, однако среди заводских или архивных документов эти фамилии встретить пока не удалось. А хотелось бы их уточнить, чтобы остались в благодарной нашей памяти имена тех, кто повел мастерство Каслей по новым дорогам, дал ему вторую жизнь.

СТРАНИЦЫ НЕНАПИСАННЫХ БИОГРАФИЙ

С. Л. Хорошенин
(1864 — 1936)

...Их часто называли одним словом — «бородачи». И каждый знал, что это — про самых уважаемых на заводе рабочих, у которых борода стала непременной принадлежностью внешности.

Семен Лукьянович Хорошенин даже из бородачей выделялся: vysok ростом, степен и плечист. «Как столб», — говорили про него. Богатырь был: кустистые брови над ястребиными глазами, крупный нос, большая окладистая борода...

Нравом был крут, суров. Но только немногих так уважали на заводе, как его. Считался он формовщиком первой руки и за мастерство свое много раз был отмечен. С. Л. Хорошенин принимал участие в работе над павильоном для Всероссийской выставки 1896 года в Нижнем Новгороде, где был награжден за высокое качество работы. Ему же принадлежит формовка многих деталей для каслинского павильона к Парижской выставке 1900 года, что также отмечалось и на заводе, и в газетах.

Навсегда запомнился мне разговор с дочерью Семена Лукьяновича — Екатериной Семеновной Ярутиной. Девятый десяток лет отчитала уже ее память, но не растеряла того, что стоило сберець навсегда, что воскрешало мастера Хорошенина и поднимало его в полный рост.

— Работал отец на отливку. Бра-

ку никогда не было. Лошадок так отливал — гривы будто ветер полощет. В доме всегда его любимые работы стояли: «Трубач», «Лошадь на воле», «Крестьянка на лошади», «Джигитовка». Когда дочь Нина выходила замуж, я ей отцовское изделие подарила на память — ажурные тарелочки, что приняла от папы.

Люди всегда говорили про него с почтением. Портрет его сколько годов висел на заводских воротах. Отец на нем в полный рост, а в руках — ложка. Особая ложка, которой чугуны льют...

Крепок был, никаких болезней не знал. И всегда в работе. Молодых учил. Помню Ваню Ахлюстина, Мишу Зацепина, Пашу Теплякова. Люди рассказывали: бывало, ученик наформирует, а потом брак в отливке. Отец посмотрит: «Хм! Ты ведь не понял, что тебе говорили, господь с тобой!». Возьмет бракованную вещь и начнет рассказывать: то не так, это вот так... И научит.

Когда умер — его из дому хоронили, а из его учеников почетный караул стоял. Венки чугунные принесли. У нас в Каслях, как рабочего человека хоронят, на могилу ему венки отливают. У гроба отца много стояло таких венков. Это — как последний подарок. Чтобы и после смерти человека оставалось с ним рядышком самое дорогое...

К. Д. Тарасов

(1863 — 1936)

В доме Кузьмы Дмитриевича Тарасова в Каслях (а теперь — его сына Николая Кузьмича) есть фотография красивого молодого человека, на тонком лице которого обращают на себя внимание умные задумчивые глаза. С годами, на других снимках, лицо его почти не меняется: тот же пристальный взгляд и сдержанное благородство. Как-то сразу угадывается глубокий самобытный характер.

Близкие подтверждают: таким он и был в жизни. Вернее — таким он стал, обыкновенный каслинский паренек Кузя Тарасов, который рос в бедной семье и рано лишился родителей. Чтобы добыть себе кусок хлеба, подростком пошел на завод. За старание и усердие был направлен в художественную школу при заводе, где учила чеканке, лепке, рисованию, резьбе по дереву. Школу закончил и стал работать модельщиком.

Еще учеником он увлеклся леп-

кой, и в этом увлечении проявился настоящий талант скульптора-самоучки. Предполагают, что именно К. Д. Тарасов стал автором модели детской посуды, которая долгое время отливалась на заводе и пользовалась успехом. Внучка Кузьмы Дмитриевича Зоя Васильевна Злоказова помнит, как одаривал дедушка и своих, и соседских ребятишек выточенной им из дерева посудой.

По моделям К. Д. Тарасова были отлиты миниатюрные сани, причем из двух разновидностей вариант Тарасова отличался выдумкой и изяществом. У санок была крышка из плиточек, она снималась, и тогда санки становились коробочкой, которая могла служить пепельницей или шкатулкой для мелких вещей.

В 1896 году, как одному из лучших мастеров, Тарасову была доверена честь собирать первый литой каслинский павильон в Нижнем Новгороде.

А через четыре года К. Д. Тарасова вместе с другими мастерами ожидала еще более дальняя дорога: надо было собрать и показать во Франции новое изделие завода — грандиозный чугунный павильон. Мастерам нашлась работа в нем и после сборки. Как могли, служили они любопытству публики, в который раз доказывая маловерам, что изящество и текучесть линий, необычайная пластичность форм, ювелирная чистота работы достигнуты на самом привычном и грубом материале — чугуне.

Как известно, искусство каслинских умельцев было удостоено на выставке самой высокой награды, и в память об этом мастеров и всю русскую делегацию запечатлели на фотографии на фоне павильона. Долго хранился такой снимок в семье К. Д. Тарасова, пока не был передан в заводской музей.

Мог ли, прощаясь с Парижем, предполагать Кузьма Дмитриевич, что почти через тридцать лет он снова будет участвовать в сборке этого павильона...

Пролежав много лет в разобранном виде на заводских складах, павильон уже после революции попал в Уральский областной музей. Сотрудники музея решили восстановить его и показать в новой экспозиции, но выяснилось, что собрать павильон своими силами невозможно. Поэтому было решено обратиться за помощью в Касли, откуда могли прислать в Свердловск специалиста. Мастером, на которого пал выбор завода, оказался Кузьма Дмитриевич Тарасов, который и прибыл в Свердловск полномочным представителем Каслей. К сожалению, документов того времени в музее не сохранилось, и мы не можем сказать, за какой срок была выполнена работа.

Стало чуть ли не общепринятым мнение, что знаменитые каслинские мастера в большинстве своем были неграмотными самоучками. Но все, что довелось услышать от многих людей, хорошо знавших заводского модельщика Тарасова, отвергло на чисто это мнение. Кузьма Дмитриевич был очень грамотным, образованным, по своим возможностям, человеком. Он много читал, выписывал домой газеты и журналы, был непременным посетителем читального зала. «Отец даже завидовал тем, кто знает не один язык, — вспоминает его дочь В. К. Злоказова. — У него самого было два самоучителя по немецкому и французскому языку, которыми он, видимо, пользовался, когда был за границей».

От сына К. Д. Тарасова, Германа Кузьмича, мне довелось услышать об удивительной миниатюрной статуэтке — чугунной мадонне, которая много лет бережно хранится в их семье. Мадонна прежде принадлежала Кузьме Дмитриевичу, и он очень ею дорожил. Как память о деду, сегодня эту вещицу хранит его внучка Нина Германовна Тарасова, которая по моей просьбе прислала подробное ее описание. Речь идет о «Мадонне с младенцем», отлитой каслинскими мастерами в чугуне в начале нашего века и имеющей несомненную художественную ценность.

«...Тело женщины покрыто нарядной, ниспадающей складками, видны только босые ноги, — писала Нина Германовна. — Накидка вся в маленьких звездочках. На голове венки из цветов, волосы длинные, распущенные. На руках ребенок в распашонке: поднял ручку кверху, на голове короткие курчавые волосы. Все это выполнено очень тонко. Венки на голове мадонны круглый. Исполнен венки настолько искусно, что можно различить каждый цветок».

Когда и кем была отлита эта удивительная статуэтка? Оказалось, что через лупу можно прочитать: «Касли 1900». Буквы фамилии, проставленные рядом, различаются не сразу, так как прерываются небольшим литевным выступом, однако понять все-таки можно. Кажется, здесь написано «Пермин»...

Пермин! Известная фамилия. В Каслях в те годы действительно работал искусный формовщик Петр Ларионович Пермин, чье личное клеймо можно встретить на многих первоклассных отливках. Оно стоит, например, на ажурной тарелке, напоминающей тонкую кружевную салфетку. Ему принадлежит формовка миниатюрного пресса и небольшой изящной пепельницы с барельефом женской головки, которые хранятся в Свердловской картинной галерее, искусно выполненного барельефа А. Мицкевича, красивого тонкостен-

ного кумгана, отмеченного медалью выставки,— в коллекции областного краеведческого музея и многих других вещей самого разнообразного назначения.

Имя автора модели нам пока не известно. По словам Германа Кузьмича, перед Парижской выставкой группа каслинцев решила отличить свою, каслинскую, богоматерь, когда мастера собирались во французскую столицу и узнали о соборе Парижской богоматери. И не будет преувеличением назвать формовщика соавтором скульптора — настолько велика доля его участия в создании этого каслинского шедевра.

Д. И. Широков (1874 — 1937)

По внешности среди бородачей его отличал только рост: был он невысок, широк в кости, косая сажень в плечах. Внимательные суровые глаза под крутыми бровями светились умом. Борода небольшая, широкая, с ранней сединой, потом — совсем белая, как и волосы над высоким чистым лбом.

Характером казался замкнут, суров, был человеком твердых правил и привычек, надежной мужицкой бережливости. Всю жизнь пронесил Дмитрий Ильич одну праздничную тройку, которую сохранил со дня свадьбы. И сапоги были тоже одни — выходная пара на всю жизнь. И не оттого, что не мог купить новые, а просто не требовалось, обходился. Жил он и умер в одном доме. Здесь и свадьбу сыграл, и детей вырастил, и смерть принял.

Про талант его двумя словами не скажешь. Еще мальчишкой бывал Дмитрий Широков в мастерской у каслинского скульптора Николая Романовича Баха, смотрел во все глаза, учился. Он так и говорил потом, любил повторять, что это Бах вложил в них, мастеров, искусство.

Стал Дмитрий Ильич искусным чеканщиком, уважали его и как модельщика первой руки. Немногие достигали этого на заводе, но только Широков был среди первых.

Слава для него не скупилась. В тридцатые годы рассказывали газеты про то, как безукоризненно отчеканил Дмитрий Ильич барельеф французского писателя Анри Барбюса. Далеко, за тысячи верст от Каслей, на парижском кладбище Пер-Лашез на могиле писателя нашла свое место работа каслинского мастера, и несправедливо мало знают сегодня об этом французские экскурсоводы.

Был Дмитрий Ильич не просто

мастер, а художник. Сам придумал, сделал модели, сам отлил несколько вещей, которые вошли потом в прейскурант завода: «Старуха с кузовом грибов», «Мальчик при выборе чугуна из шлака», «Мальчик, играющий в бабки». Известно, что были готовы еще две модели: «Робинзон Крузо, доящий коз» и «Девушка на стуле», но в чугуне они не отливались.

В 1936 году, когда нужно было послать каслинских мастеров в Москву, чтобы отобрать там модели для Парижской выставки 1937 года, в столицу поехали скульптор Н. Н. Горский, рабочие Н. М. Торокин, М. О. Глухов, Д. И. Широков. Фотография всех четверых в октябре 1936 года попала на страницы газеты «Советское искусство», которая пригласила мастеров на встречу в редакцию и объявила об этом на всю страну.

Но почет почетом, а сам по себе далекий путь в столицу не вызвал у старого мастера особой радости. Непривычное это было для него дело — разъезжать по железным дорогам. Да и в столице не раз он потом отказывался от соблазнов цивилизации. А мастера-товарищи поддерживали: «На машине ехать? Зачем? Мы лучше пешочком пройдемся».

Не спеша, пешочком ходили каслинцы по столичным улицам, глядели, удивлялись. Но в разговоре с художниками о скульптуре держались на равных, возражали, спорили, да и советоваться не стеснялись, потому как дело свое знали отменно.

Его знали и любили на заводе. Его знают и помнят до сих пор.

...Я поднимаюсь на крылечко, прохожу через сени, поворачиваю налево, в горницу — так проходил сюда, старательно вытирая сапоги у порога, Дмитрий Ильич... Вынимаю тетрадку, устраиваюсь за удобным широким столом — тем самым, где он обедал, сидел с друзьями, читал или работал. Вглядываюсь в лицо сидящей передо мной женщины и в эти минуты неуловимо чувствую его присутствие: что-то откровенно отцовское проглядывает в ее крупных чертах, взгляде, улыбке...

Торопливо, стараясь не пропустить ни слова, записываю слова дочери Дмитрия Ильича — Анны Дмитриевны Клементьевой. Заносу на бумагу все, что еще можно узнать, не упустить, извлечь из памяти. Делаю то, о чем, естественно, и не думали, пока человек, мастер, был жив...

Семья Широковых была немаленькая. Не сразу и не погодками поднимались дочери — их было пятеро: Анна, Мария, Анастасия, Лидия, Валентина. Слепла бабушка (мать Дмитрия Ильича) и восемь лет в избе присидела. Жена, Анастасия Афанасьевна, умерла вскоре

после сорока. В семнадцатом году женился Дмитрий Ильич вторично, и потом уж до смерти была с ребятами — новая мамка — Евгения Леонтьевна, Енюшка — как называли в улице.

Хозяин он был непьющий, семейнин. Бабушка удивлялась не однажды: «Ох, девки, ну и отец же у вас! Приподнитесь — из гостей ли, с работы какой, — по дому на цыпочках ходит, разбудить вас боится». Любил своих девчонок Дмитрий Ильич, возился с ними, рассказывал сказки. И сколько истинной поэтичности угадывалось за нехитрыми сказками, было заложено от рождения, корнями проросло через всю душу, открытую для добра... Он и любил все это — детей и дом, свою работу, чугун, свои Касли...

Только любовь к людям могла подсказать его воображению художника идущую по дороге старуху, многократно потом отлитую в чугуне. Сколько раз видел он, как собирались по грибы его бабушки, дочери, каслинские бабы... В руках посошок да туесок из бересты, на голове платок крест-накрест от ветра и солнца... А вот мальчишки за такими разными занятиями: один ковыряется в отвалах, выбирает кушочки чугуна, который можно потом сдать на завод и заработать копейки, другой — на досуге: играет в бабки, состязается в меткости.

Когда семье приходилось туго, Дмитрий Ильич уходил на заработки. Но это был именно заработок — не работа. А работа в его жизни — одна.

И всегда тянулась его душа к прекрасному. И дома, и на заводе знали его особую страсть к ажурным шкатулкам, каждой дочери, когда она dorастала, Дмитрий Ильич дарил чугунно-кружевной ларец. Пять дочерей — значит, пять шкатулок...

В семье была и шестая: когда уходил на пенсию, завод вручил мастеру каслинскую шкатулку. Он очень дорожил этим подарком и берег его до последних дней...

Н. А. Вихляев (1868—1951)

Про него писали и рассказывали много. Фамилию Вихляева называли в числе лучших чеканщиков завода, но разговор про искусные руки мастера обязательно сворачивали на одно и то же: как чеканил Николай Афанасьевич своего чугунного окулечка, который точь-в-точь был, как рыбка живая. Высшего класса работа!

Прихотливой бывает слава. Чего

только я приходилось ему работать, какие вещи завершать своими чеканами, а вот поди ж ты! Больше всех оставил памяти махонький, вроде и неприметный окунечек, только и пригодный-то для цепочки карманных часов!..

Было Николаю Афанасьевичу в то время годов 35, не более. И дал ему работу заводской управитель — изладить брелок к часам, чтобы поготовому вышел он не больше пуговицы, а может, и чуть помельче.

Вытащил мастер окунька из пруда, положил его рядом с чертежом: живой много крупней. Стал он тогда натуру выводить: наметал на медной заготовке боковые плавнички, прочеканил хребетик.

Забота была — чешуйку делать. Очень уж она мелкая на такой вещице. Сделал, как у настоящего окуня: возле головки дробнее чешуйки, потом — покрупнее, а к хвосту опять помельче и одна из-под другой, слоями.

Сотни он тогда этих окуней начеканил. Булавочку к рыбке приспособил — стальную иглу. На выставке 1896 года гостям, кто в заводской павильон приходил, прикалывали на память вихляевского окунька.

Жаль, что следы этой уникальной рыбки теперь можно отыскать разве только в печатных источниках. Брелок «Окунь» Н. А. Вихляева — редкая удача для коллекционеров, поскольку давно отошла мода носить часы с цепочкой, оказались потерянными и украшавшие ее мелкие безделушки. Но вихляевские окуньки, как и другие мелкие, ювелирной работы, брелоки из чугуна, оставили собой добрую память об удивительном мастерстве рабочих рук.

Что же еще известно нам о творчестве замечательного мастера каслинской миниатюры, как была названа в последствии работа Н. А. Вихляева? Каким помнили, знали его на заводе, на котором прошли его шесть десятков лет? Чем согрела людей, его близких такая долгая, преданная своей работе жизнь?

Мне повезло: на мое письмо очень тепло и заинтересованно откликнулся внук Н. А. Вихляева, живущий в городе Салавате. «Я действительно знаю о своем дедке немало, — ответил мне Виктор Афанасьевич Вихляев, — я был старшим и любимым внуком, он во многое меня поощрял, рассказывал о своей жизни, но изложить это на бумаге мне кажется невозможным: для этого мне понадобилась бы неделя...»

Дед был бесподобный человек и мог бы послужить образцом для многих. За прожитые почти 83 года он никогда не курил, а самое ругательное слово у него было «книжморда»... Он очень уважал людей, особенно детей, за что люди платили ему взаимностью. Его лицо,

весь образ его — манеры, привычки и сейчас стоят перед моими глазами...»

Тогда же я получила приглашение от Виктора Афанасьевича приехать в Салават, где, кроме рассказов; меня ожидало то, что нельзя увидеть ни в каком музее. В числе этих неизвестных достопримечательностей упоминалась именная чугунная печать, отлитая Николаем Афанасьевичем самолично, многие фотографии, на одной из которых, сделанной в 1912 году, была вся вихляевская семья.

Мне повезло вдвойне: я увидела Николая Афанасьевича Вихляева глазами человека, для которого голос памяти и сегодня полон благодарности и любви...

— Во время моего детства, — вспоминает Виктор Афанасьевич, — мастерская дедка была местом его деловых встреч. Его просили то замок отремонтировать, что-то подправить, то кружку запаять, и вот мы с ним все делали. Точнее — он делал, а я, малец, только под руками мешался. Бывали и другие просьбы: письмо написать либо прочесть — ведь грамотных, особенно женщин, в то время было очень немного, а дед считался грамотным, он закончил три класса церковно-приходской школы.

Люди его любили за то, что он со всеми был обходителем, для каждого находил время, мог дать добрый совет. А самое главное — у него был ясный ум и трезвая голова. Все называли его ласково «дедушка», хотя он годами еще не был стар.

Дед никогда не пил хмельного, не курил и не ругался, хотя жизнь ему досталась довольно трудная. У него рано умер отец, и он, лет в 18, остался старшим в семье, где было еще пятеро детей. Все заботы о них легли на его плечи, а через несколько лет и у самого была уже большая семья. Дед любил детей и очень много возился с нами, внуками.

Когда началась Великая Отечественная война, я учился на слесаря в ремесленном училище, а дед уже не работал — по возрасту. Но в 1944 году, когда ему было 76 лет, он возвратился на завод вместе со многими другими стариками и ежедневно в 6-00 по первому гудку шел на работу...

К этому рассказу следует только добавить, что многим каслинским мастерам — всем ветеранам, которые возвратились в конце войны на завод и кто принимал участие в возрождении производства, были вручены именные часы, на которых вслед за фамилией выгравировано: «За восстановление художественного литья на Каслинском заводе. Год 1944-й».

Получил такие часы и мастера

Вихляевы — отец и сын. Эти часы были не просто наградой, они словно воплотили в себе символ времени и смысла жизни, полнокровно и полезно прожитой каслинскими мастерами...

ТРИ ПОРТРЕТА

П. С. Малышкин
(1877—1954),

И. П. Кочергин
(1870—1954),

М. И. Зацепин
(1903—1967)

...Они жили почти в одно время и хорошо знали друг друга, но не это ставит их здесь в один ряд. И даже не то, что все трое были мастерами своего дела. Каждый из них был личностью — и именно это, неповторимая индивидуальность каждого вдохновила художников на создание их живописных или скульптурных портретов.

Как у многих каслинцев, жизнь Павла Малышкина тянулась к заводу с детства. Завод сделал из четырнадцатилетнего парнишки рабочего человека, обучил чеканке, признал мастером. И всегда уважали на заводе Павла Семеновича Малышкина — мастера художественной чеканки. Уважали за особый талант.

Как у всякого незаурядного мастера, был у него свой почерк, свои секреты. У других — на каждую малость, на всякий случай особый чекан был. А Павел Семенович работал по-другому: умел так подобрать одни и те же чеканы, такие комбинации из них сделать, что давал всегда самое высокое качество.

После войны стал он вместе с другими мастерами вроде инструктора — следил за молодыми новичками из ремесленного училища, наставлял. Учитель из него был строгий, без поблажек. Если кто неправильно сделает — разговор короткий: «Перечеканивай!» И ни слова больше. Переделывай — и все!..

Про Малышкина нельзя было сказать односложно: боролся за качество. Качество само по себе, без вещи, которая всегда виделась ему живой, значило немного. Не одна техника — нужна была душа в работе; это на всю жизнь постиг он сам и ученикам своим внушить старался.

— Наш цех механическим зовется, — повторял, бывало, Малышкин молодым ребятам, — только робить механически нам нельзя. У кого вкуса нет, кто своего не может вложить в фигуру, лучше пускай не берется.

Что было характерного в нем? Необыкновенная, несмотря на годы, живость, задиристость, ревнивый азарт в работе. Разговаривал торопливо, скороговоркой, умел подковырнуть за дело, даже просмеять. Ценил себя, но для других без урона. Это ведь и не обидно, если человек ценит себя за дело, достоинство имеет...

Как умелому мастеру, вместе с другими доверили Павлу Семеновичу ответственную работу — «Танковый десант». Сложная оказалась композиция, трудная по исполнению, и потому особенно был он придирчив ко всякой мелочи.

В 1944 году наградили П. С. Малышкина, как и других ветеранов, именными часами за восстановление художественного литья на заводе, и он очень этим подарком дорожил. Любил обратить на них внимание при случае, объяснить с достоинством, за что подарены. И было ему приятно, когда спрашивали про время: не считал за труд лишний раз на свои часы поглядеть. Ведь не простые были часы, а со значением...

В Свердловске жили у мастера сыновья, и он частенько бывал в городе гостем. Когда приезжал, считал за особое удовольствие в картинную галерею наведаться, коллекцией каслинского литья полюбоваться. Здесь и приметил его однажды художник Владимир Александрович Игошев. Разговорился со стариком и загорелся желанием оставить в память об этой встрече картину. Малышкин согласился позировать и немало удивил близких своих и знакомых тем, что сделался знаменитостью, можно сказать, на весь Союз. Дело в том, что работу В. А. Игошева, на которой изображен мастер из Каслей, поместил в качестве большой цветной репродукции на своих страницах журнал «Огонек».

Илья Петрович Кочергин тоже был на заводе одним из лучших в своей профессии. Но не только...

— Это не просто прекрасный чеканщик, — говорил о нем Николай Михайлович Торокин, в прошлом начальник цеха художественного литья. — Исключительный чеканщик! Ему поручались готовые модели — самый высокий класс!

Высокий класс... Сейчас не вспомнить уже, в какой год, после какой работы утвердилась за ним такая отменная аттестация. Где же вспомнить, если был чеканщиком на заводе Илья Петрович ни много ни

мало — 70 лет! И давно утвердил в работе свой почерк мастера.

Фамилия его не из Каслей корни взяла. Были Кочергины пришлые рабочие люди из Средней России. Дед, Петр Яковлевич, был кричником на Каслинском заводе, на кричном железе работал. Туда отбирали самых крепких, выносливых, кому по силам тяжести поднимать: за день не одну многопудовую крицу надо перенести на молот, прокалить ее, выковать полосу железа. Под старость стал он работать уставщиком, а потом хранителем дровяных и угольных складов.

Дед был неграмотным, а вместо подписи своей важно ставил на бумагу большую прямоугольную печать, на которой было отлито «Кочергин». Ее долго берегли в семье, посмеивались, что дедовская печать не хуже, чем иной важной персоны, пока не заиграли ее звуки Петра Яковлевича вконец... Илья Петрович тоже долго не знал грамоты, но под старость пристрастился к чтению.

А когда потребовалось, стал мастер Илья Кочергин учителем, да таким, что его до сих пор помнят, — со своей манерой отрабатывать технику чеканки.

А когда готовили павильон для Парижской выставки, множество деталей прошло через его руки. На все образцы изделий годились его чеканы...

У Илья Петровича была характерная внешность: небольшая бородка клинышком, ясные, глядящие в душу глаза, непрменная фуражка и косоворотка. Внешность его, да еще непреходящая слава мастера привлекали художников, и его частенько пробовали рисовать и лепить. Но, пожалуй, лучше всего, точнее и вдохновеннее изобразил его каслинский скульптор П. С. Аникин, который выполнил композицию «Мастерство бессмертно».

Два человека обращаются к зрителям в этой скульптуре. Старик протягивает молоденькому ремесленнику свою работу и, чуть откинувшись назад, с любовью глядя на нее, как бы призывает зрителей сказать свое слово, а паренька — продолжить начатое им дело. Убедительно и художественно была выражена мысль скульптора о том, что эстафету творчества непременно должны подхватить и нести дальше молодые руки, ибо мастерство — бесконечно...

Михаил Ильич Зацепин по возрасту был младшим из них, но как-то никто не помнил в нем ученика: рассказывали лишь о хватке мастера, который умел все. Не было такой модели, какую бы не сумел выполнить, как образец, формовщик Михаил Зацепин. Зрелым мастером,

для которого труд — творчество, вылепил Михаила Зацепина и отдал свою работу в чугуна скульптор Александр Гляев. Стоит в его скульптуре Михаил Ильич у рабочего стола, где аккуратно разложены привычные для формовщика инструменты, и позой своей напоминает учителя. Наверное, именно в спокойной сосредоточенности мастера и было то главное, что сумел уловить скульптор в этом человеке.

До конца своих дней работал Михаил Ильич мастером на участке формовки художественного литья. Он умел то, что давалось не всякому: так отлить отформованную вещь, чтобы шовчика не было заметно. После него нечего было мудрить чеканщикам — отливка точно повторяла модель в чугуна.

Случались и у него неудачи. Только плохо отлитую вещь он не показывал никому. Выбросит, времени на переделку не пожалует, а уж делает так, что не притерешься.

Многих учил и выучил Михаил Ильич. Был горяч, но отходчив и справедлив. И немногословен. Сделает ученик, как надо, мастер только кивнет: «Тащи в сушилку!». А если плохо — подойдет и сломаст без разговоров.

Всю работу Зацепина отличал особый почерк. Был он в своем деле художником — и это, видимо, главное, что вдохновило тогда ваятеля.

При первом взгляде на скульптуру какой-то чересчур гладкой и аккуратной кажется строгая, собранность фигуры мастера, перед которым в безукоризненном порядке разложены рабочие инструменты... Как-то не вяжется все это с адром будничных хлопот среди пыли и копоти — привычной для любого формовщика ежедневной работы. Но для Михаила Ильича Зацепина была его работа самой чистой и благородной. Как труд для волшебника, который умеет творить красоту.

Можно, пожалуй, только удивляться щедрости судьбы, подарившей одному производству так много самобытных дарований. Почти каждый из этих людей был тем удивительным самородком, который невозможно спутать с другим.

У них были разные, порой сложные судьбы и та единственная, главная, на всю жизнь, любовь к делу, которая давала право называть их всех одним уважительным словом — Мастер.

С ВЯТКИМ КЛЕЙМОМ

Валерий
ПОНОМАРЕВ

● Когда заходит речь о промыслах Вятского края, всегда вспоминают знаменитую дымковскую игрушку, изделия из капокорня, кукарские кружева... Это, конечно, правильно. Но с очень давних времен развивалось на Вятке ремесло, о котором почти ничего не было известно — ювелирное производство.

Года три назад в Кировский областной краеведческий музей принесла небольшую металлическую пластижку. На первый взгляд ничего в ней примечательного не было — обычная накладка к церковной книге, только серебряная. Но при более тщательном осмотре на вещи было обнаружено два клейма: одно с инициалами «Т. Г.», второе — старинный герб города Вятки (Хлынова) — рука, держащая лук со стрелой. Эта находка послужила началом поисков сведений о вятских серебряниках.

Судя по дозорной книге Ф. А. Звенигородского, в Хлынове в 1615 году среди полусотни ремесленников был один, занимавшийся ювелирным делом, — Богдашко Серебряник.

Уникальный экспонат имеется в собрании Государственного Русского музея в Ленинграде. Это серебряный оклад иконы «Николай в житии». Изделие интересно тем, что

на нем имеется полная надпись, указывающая имя мастера, время и место изготовления: «Лета 1709 апреля 23 сей оклад сканной построен во граде богоспасаемом Хлынове на Вятке художества серебряного дела мастера Петра Максимова сына Мишарина».

Вещь сделана с большим мастерством и вкусом. Основной узор оклада исполнен сканью и финифтью, бортник, розетки, фигурки птичек — чеканные. Сканью выполнены цветы, бутоны, листки. Площадь каждого из них заполнена белой, зеленой и синей эмалью.

Примерно тем же временем датируются две паняги и Евангелие из вятской соборной ризницы, хранящиеся в Государственной Оружейной палате.

В XVIII веке происходит объединение ремесленников в цехи. Был свой цех и у вятских серебряников. Это подтверждают документы Центрального Государственного архива древних актов. Вот челобитная императрице Елизавете Петровне от крестьянина Хлыновского уезда Орловского оброчного стана Василия Чернышева, датированная 1748 годом. В ней Чернышев пишет, что он «с 1747 года учился делать серебряные кресты, перстни, цепочки, серьги и запонки у жителя города Хлынова серебряного мастерства ремесленного человека Емельяна Григорьева сына Васенина» и просит принять его в серебряный цех. Здесь же предлагается свидетельство за подписью Васенина, в котором тот подтверждает высокое мастерство своего ученика.

Через некоторое время последовал указ из Вятского провинциального магистрата хлыновскому пробынному мастеру Ивану Серебряникову о зачисле-

нии Чернышева в серебряный цех с повелением «сделать на его имя указное клеймо, числится с прочими наряду серебряниками и брать с него пошлину».

Мастера изготавливали из серебра самые различные вещи: украшения, посуду, оклады икон, книг и прочее. До наших дней дошло, конечно, ничтожно малое количество изделий того времени, в основном церковная утварь: кресты, дароносицы, дробницы (накладки к церковным книгам), оклады. Это вполне объяснимо: светские вещи, украшения, изготовлявшиеся для знати, выходили из моды, их переплавляли. Церковники же столетиями сберегали свое богатство.

Ювелиров не останавливала нехватка сырья. В дело шли монеты, вышедшие из употребления серебряные вещи, использовалась даже ветхая церковная одежда, в ткань которой входила серебряная нить.

Откуда же пришло ювелирное искусство на вятскую землю? Надо отметить, что в XVII—XIX веках, да и раньше, серебряное дело на Руси было распространено чрезвычайно широко. В больших и малых городах в примитивных мастерских горел огонь в горнах, плавил, ковали и чеканили серебро, вытгивали блестящие тонкие нити...

Со всех сторон Вятку окружали города, в которых серебряное ремесло было развито довольно значительно. В Вологде, Костроме, Нижнем Новгороде, Казани, Сольвычегодске и в других местах создавались высокохудожественные изделия из драгоценных металлов. Крупным центром серебряного дела был (и сейчас остается) северный сосед Вятки — Великий Устюг. Особенно прославились устюжане

производством черневых изделий, которое оказывало влияние на творчество мастеров не только городов русского Севера, но и Москвы. Конечно, не избежали этого влияния и вятские серебряники. По своим художественным и техническим приемам работы вятских эмальеров и черневых дел мастеров близки к изделиям Великого Устюга и Сольвычегодска, хотя имеют и свои характерные особенности.

По-видимому, одним из лучших вятских ювелиров конца XVIII века был Михаил Гушин. Именно ему городские власти поручили важный заказ. В 1798 году император Павел I должен был посетить Казань. Вятское городское общество решило послать депутацию с поднесением царю хлеба-соли на серебряном блюде. Это блюдо и солонку доверили изготовить Гушину.

Мастер успешно справился с заданием — блюдо получилось на славу. На его изготовление пошло более 8 фунтов серебра и 15 золотников золота. Стоимость вещи определялась в 390 рублей. Однако в августейшие руки изделие не попало. Выяснилось, что вместе с Павлом в Казань прибывают и его сыновья. Поблизилось еще два блюда, но к сроку они не успели, поэтому все три блюда потом купили в Москве.

Ближе к концу XIX века ювелирное производство на Вятке сокращается и затем затухает совсем. Причина этого — конкуренция со стороны крупных столичных фирм, которую вятские ремесленники выдержать не могли. И сейчас, к сожалению, мы можем говорить о вятских ювелирах только в прошедшем времени — искусство это в вятском крае не возродилось, но оставило свой след в его истории.

ВИДЕТЬ ЗВЕЗДЫ

**Иван
ДЕСЬКОВ,
Валерий
ДЕСЬКОВ**

В семье уволенного в запас рядового Николая Васильевича Деськова, проживавшего в селе Ершовке Осинского уезда Пермской губернии, 8 января 1888 года родился сын Павел. Житейским университетом для отца Павла была служба в армии. Там он наслушался песен на всю жизнь, научился читать и писать. В составе передового отряда генерала Гурко участвовал в освобождении Болгарии, Черногории. Наградой солдату явилась серебряная медаль — «Не нам, не нам, а имени твоему». Вернувшись домой после семилетней разлуки, солдат решил, что будущих своих детей он обязательно обучит грамоте.

В 1903 году Павел Деськов заканчивает Камбарскую школу ремесленных учеников, получив звание подмастерья по слесарному и кузнечно-токарному делу. Позднее Павел писал: «С детства я запоем читал приключенческую и научно-фантастическую литературу... С наступлением юношества у меня определился интерес к естественным наукам».

«Наше хозяйство, — продолжал Павел, — плохо кормило, а слесарной работы на селе не было, и я начал подрабатывать сапожным ремеслом (работать подручным у сапожника-надомника), но позднее передумал и решил выйти в люди». Весной 1909 года Павел экстерном сдает экзамены в Сарапульском реальном училище и становится учителем. И вскоре получает место в селе Михайловка.

Любознательный, он жадно впитывает все, что прочитывает, выписывает научно-популярную литературу. Увлекается музыкой. Особо его привлекают скрипка и фисгармония. Любит и понимает живопись. Занимается химией, физикой, французским языком. Все больше и больше его

влечет небо над головой, и он начинает приобретать знания по астрономии. Девиз «Непрестанно учиться и учить других» становится девизом Павла. Изготовив проекционный фонарь, микроскоп, простейший телескоп, он использует их для обучения детей. Свои знания старается передать и взрослым.

«...добрые люди натолкнули меня на вопросы естества природы. Я стал читать научную литературу, что произвело настоящий переворот в моем мировоззрении... Меня интересовали и интересуют все отрасли естествознания, я знаю всего понемногу, но достаточно, чтобы слыть всесторонне образованным человеком. Однако сразу же особое мое внимание привлекли вопросы мироздания. Астрономия в моем лице имеет чуть ли не энтузиаста. Моей мечтой было иметь телескоп, чтобы своими глазами увидеть то, о чем говорили книги. Первыми моими инструментами были «телескопы» с фокусными расстояниями объективов в 1,5 и 2 метра, сделанные мною в 1911—1912 годах».

Стремление к творчеству было отличительной особенностью всей семьи. Отец Павла мастерил самовертячее колесо (вечный двигатель). Петр, увидев однажды велосипед, сделал велосипед деревянный. А от младших братьев, Иванка и Василька, отбиться было невозможно: то мельницу они мастерят, то мамин сарафан им понадобился в качестве парашюта, чтобы с крыши прыгнуть. В эти же годы Павел строит паровую машину и устанавливает ее на лодку.

Побывав на курсах по музыке и пению в Осе и Перми, Павел в конце 1907 года создает хор в родном селе. С особой любовью, передаваемой от отца, он относится к народной песне. Эту любовь ему уда-

лось передать и участникам хора. Почти через 70 лет они с восторгом вспоминают, как звучала их песня над просторами Камы, когда хор вечерами выезжал на лодках. Не пропали бесследно и беседы Павла о горькой рабочей и крестьянской доле, о борьбе рабочих за свои права, беседы о науке. Почти все участники хора стали активными участниками установления власти Советов в волости и сохранили эту активность на всю свою жизнь.

Даже в годы гражданской войны Павел не бросает своей мечты, и летом 1918 года приступает к постройке первого зеркального телескопа (рефлектора), но знаний и умения еще было недостаточно. «Летом 1918 года, будучи в Москве (он там был на съезде), я из объявления на обложке какой-то книги узнал о существовании книги А. А. Чикина «Отражательные телескопы», нашел ее, достал несколько дисков (стекло для изготовления зеркал) и привез домой на родину. Однако дома мне сразу пришлось вступить в борьбу с белогвардейщиной и отложить не относящиеся к делу научные занятия».

Дело в том, что в августе 1918 года вспыхнул эсерово-меньшевистский Ижевско-Воткинский мятеж. Мятежники ворвались в безоружный Сарапул. Вечером этого же дня эвакуируется Ершовский волостной комитет, а Павел возглавляет партизанский отряд. После ликвидации последствий «пермской трагедии» в январе 1919 года Павла направили на родину для восстановления Советской власти. «Вернувшись домой в освобожденное от мятежников родное село, я нашел все разграбленным: разбиты обе паровые машины (их нашли далеко в полях), разбит восстановленный мною из хлама рояль; отец избит шомполами, ряд наших товарищей расстреляны... Исчезло все, что относилось к оптике. Три стеклянных диска я еще нашел путем расспроса граждан, а телескопы мои погибли бесследно».

Реввоен трибунал войск Юго-Восточного и Южного фронтов, саратовская Особая тройка по борьбе с дезертирством, рев трибунал войск Донской области, рев трибунал войск Тамбовской губернии по ликвидации

восстания эсера Антонова, рев трибунал Пермской губернии — вот школа, которую прошел Павел. И даже в такое время: «В 1921 году, проезжая через Москву, я достал 9-дюймовый диск, из которого в Тамбовской губернии изготовил новое, уже более совершенное зеркало... К этой поре первое 6-дюймовое зеркало я утерять при переездах». «9-дюймовое зеркало в конце 1921 г. я благополучно довез до Перми, здесь, впервые в мирной обстановке, построил трубу Ньютона, и этот телескоп весной 1922 г. впервые ввел меня в таинственные до той поры глубины Вселенной. С этой же поры я начал со своим телескопом и общественной работой...»

Брату Петру он писал: «Посылай да поскорей... вообще какие найдешь ноты для скрипки... книгу об устройстве астрономической обсерватории... потом стекла зеркальные...» «...Сам живу по-прежнему. В ясные ночи по несколько часов провожу наблюдения. Телескоп у меня получился довольно удачным. Со своей трубой я путешествую по Вселенной из края в край, о чем подавляющее большинство населения земного шара и не подозревает...»

Так впервые Павел почувствовал, что близок к исполнению своей мечты. Он понимает, что для ведения серьезных астрономических наблюдений необходим стационарный инструмент. Значит, необходима длительная остановка, а жизнь остановиться не дает. Некоторыми своими наблюдениями он поделился с астрономами.

«Многоуважаемый Павел Николаевич, по поручению Обсерватории отвечаю Вам на Ваше письмо от 9 августа 1923 г. Весьма возможно, что Вы наблюдали в первых числах апреля метеоры потока с радиантом близ Леонес, который в каталоге Деннинга значится под № 117. Факт усиления этого потока в нынешнем году очень интересен и можно только пожалеть, что Вы не могли нанести наблюдавшиеся Вами метеоры на карту. Один счет в данном случае имеет меньшее значение. Если бы Вы могли организовать наблюдение этого потока в будущем году или если Вам посчастливится наблюдать другие подобные явления, то

постарайтесь зарегистрировать пути метеоров на карте (или лучше на копии с карты, перенятой на прозрачную бумагу), по которой отсчитывать координаты начала и конца метеоров, и эти карты или копии, или каталог координат пришлите мне по адресу: Пулковская обсерватория Петроградской губернии.

С совершеннейшим почтением, готовый к услугам старший астроном Пулковской обсерватории (Покровский)».

«В начале 1924 г., сейчас не помню по какому поводу, я начал переписку с Александром Александровичем Чикиным. Между прочим, я спросил его — где можно достать стеклянные диски, чтобы совершенствоваться в постройке телескопа. Он сообщил мне, что это довольно трудно, но что у него лично имеется пара 14-дюймовых дисков, которые он по моей просьбе и прислал мне. Летом 1924 года я под письменным руководством А. А. Чикина приступил к шлифованию этого «Гиганта». При корректировании кривой полированной поверхности у меня возникло сомнение в правильности понимания мной, данной в книге А. А. Чикина, формулы определения абберации кольцевых зон кривой поверхности зеркала. Запросив об этом Александра Александровича, я долго не получал ответа, и, наконец, осенью получил от его дочери извещение о внезапной смерти Александра Александровича...»

«Гражданину Деськову Павлу Николаевичу».

Высылая при сем информационный материал и анкету для вступления в число сотрудников Ассоциации натуралистов, астрономическая коллегия сообщает Вам следующее: имея в наличии такой инструмент, как 14-дюймовый рефлектор, нельзя поверить, чтобы Вы его употребляли лишь для «созерцательных» (по Вашему выражению) целей. С таким инструментом можно производить огромной научной ценности работы (наблюдение поверхностей планет, телескопических переменных звезд, исследование поверхности Луны и др.). Ждем от Вас сообщения о начале регулярных наблюдений, результаты коих будете нам сообщать. Уже самодельный 14-дюймовый

рефлектор показывает, какую огромную работу Вы выполнили в подготовке к исследованию тайн Вселенной.

18 декабря 1924 г. Председатель ВС Ассоциации натуралистов (А. П. Модестов).»

Павел вступает в АССОНАТ, но как трудно быть безусловно полезным этой организации, потому что невозможно вести регулярные наблюдения. Постоянные перемещения: Пермь, Оса, Сарапул. Работа, редко оставлявшая время на отдых. Часто длительные командировки. Но Павел умел распоряжаться временем, казалось, что время ему подвластно!

«8 января 1925 г. Дорогой Ваня!.. У меня перемена: я избран ответственным секретарем Сарапульского окружного исполкома».

«5 марта 1925 г. Ваня!.. дело в том, что еще с начала февраля я приступил к перешлифовке зеркала к своему большому телескопу и эта работа у меня сейчас еще не окончена. Перешлифовывать я стал потому, что сомневаюсь в правильности понимания мною формулы для вычисления поверхности зеркал. Я запросил ленинградский Государственный оптический институт (ГОИ) по этому поводу...»

«...Я обратился за разъяснениями в ГОИ, сотрудница которого М. Романова указала мне на мою ошибку. Пришлось исправлять зеркало, что при частых и длительных командировках, как ответственного работника, представляло колоссальные трудности: мне приходилось работать только ночами (иногда до 6 часов утра, чтобы в 9 отправляться на службу!). Бывало, что, кажется, еще одна ночь работы и — зеркало будет иметь безупречную параболу, но — внезапный отъезд куда-нибудь или длительное отсутствие свободного времени прерывало работу, после чего следовало изготовление нового полировальника, новая «настройка», кривая зеркала с первых же штрихов катастрофически портится, появляется бич любительской оптики — царапины и — все начинается с начала. Наконец, к 27 апреля 1925 г. я закончил полирование и данные кривой сообщил в ГОИ».

«9 декабря 1925 г. ...Приемник у

меня все еще не готов». (Детекторные давно уже перестали удовлетворять Павла, и он строит двухламповый.) Кстати, первые детекторные приемники были единственными во всем Сарапульском округе, а ламповый сейчас находится в Сарапульском музее.

И радиоприемник, и телескоп не были для Павла предметами личного развлечения. Он использовал их для пропаганды научных знаний. Приемник позволял постоянно находиться в курсе важнейших текущих событий.

«Петя! На днях вернулся из командировки, ожидал, что найду весточку от тебя и от Вани, да ошибся... Как живет Ершовка? Мои товарищи, наверное, вспоминают сейчас восемнадцатый год? Ты никогда не пишешь, как они живут, передаешь ли ты им мои приветы, мои поклоны? А я часто вспоминаю старых товарищей-соратников. Как они относятся к коллективизации? Идут ли они по-прежнему впереди или предпочитают подождать и посмотреть, как пойдут вперед другие? Кто у нас сейчас председатель сельсовета, кто секретарь ячейки, избач? Есть ли в Ершовке радио и какова судьба «Микродина»?.. 12 февраля 1930 г.»

В мае 1933 года Павел переехал в Сарапул, а семью отправил в Ершовку.

Решив, что из Ершовки он никуда больше не поедет, Павел, собрав воедино все прежние наброски, приступает к проектированию башни для своего телескопа «Гигант», одновременно решает подвергнуть некоторые свои изделия квалифицированному контролю на качество изготовления. Для этого он высылает одно из своих параболических зеркал в астрономическую лабораторию Государственного оптического института. С этого и началась его переписка с профессором Д. Д. Максутым — главным оптиком нашей страны.

17 марта 1934 г. чертежи башни для телескопа были готовы, и Павел, заготовив материалы, приступает к ее строительству собственными силами и средствами. Это была бы первая и крупная астрономическая обсерватория, если можно ее так назвать, на Урале!

«...Павел Николаевич! Ко мне по-

пал Ваш телескопик и плоское зеркало вместе с письмом... Прежде всего я исследовал Ваше параболическое зеркало и должен Вам прямо сказать, что оно мне очень понравилось: очень хорошая плавность кривой при отсутствии завала, местами известных мне любителям я должен высоко оценить Вашу работу... Первой же книги вообще почти нет. Может быть, Вы отложите знакомство с нею до переезда в Ленинград... Работа у нас чрезвычайно интересная и прямо Вас интересующая. Например, изготовление 32-дюймового объектива или солнечного телескопа (28 дюймов). Скоро, вероятно, будем строить 1,5-метровый рефлектор, а может быть и 2,5-метровый... До получения от Вас ответа я воздержусь от отправления Вам трубы и зеркала. Пишите о Ваших работах и намерениях, а если я Вам быстро не отвечу, то не обижайтесь: часто бываю так занят, что и побриться некогда.

Ленинград, ГОИ. Начальник лаборатории астрономической оптики проф. Д. Д. Максутв. Апрель 1934 г.»

«...Опишите Ваши методы обработки и исследования зеркал: мне трудно представить Ваши методы, которые в любительских условиях дают точность, не уступающую нашей — лабораторной...»

Апрель 1934 г. Максутв.»

«Многоуважаемый Дмитрий Дмитриевич! Если бы Вы знали, как Ваше письмо обрадовало меня! Хотя я, про себя, и был убежден в том, что я вполне овладел искусством изготовления параболических зеркал, однако чувствовал себя не совсем уверенно, когда посылал свой «телескопчик» к Вам на исследование; ведь никого из специалистов этого дела я никогда не видел, не видел и настоящих телескопов, все сам «доходил» по печатному слову. Поэтому Ваш высокий отзыв о моей работе прямо окрылил меня. Жаль только, что Вы ничего не сказали по поводу приведенных в моем письме данных о поверхности этого зеркала, а также о моем большем (14 дюймов) зеркале по тем данным его, которые также приведены в письме. Но теперь уж я Вам скажу,

что по качеству оптической поверхности большое зеркало значительно будет выше исследованного Вами маленького зеркала. Завал у него также отсутствует (я нашел-таки метод борьбы с завалом, дающий без большого добавочного труда хорошие, как видно, результаты). В отношении большого зеркала у меня только одно сомнение — насчет качества массы стекла. Диск для него прислал мне покойный А. А. Чикин (в 1924 г.), он у него оставался единственным, и за качество Александр Александрович не ручался... Май 1934 г.»

«...Вы спрашиваете о моих работах и намерениях: На склоне жизни (мне 46 лет) о многом не мечтаешь. Еще летом 1918 г. ...я было взялся за шлифовку зеркал, но в августе бросил это занятие, взявшись за винтовку. С тех пор война, работа на довольно ответственных постах, и в армии, и в гражданских учреждениях, не оставляли мне возможности отдаться астрономии, о чем с детства мечтал. Добавьте к этому, что юность (зрелую) я провел на фронтах империалистической войны. В последние годы утомление стало сильно сказываться на моей трудоспособности... (За 16 лет я был ответственным работником полкового, дивизионного, армейского и волостного, уездного, окружного, губернского масштабов). Меня же все время интересовали проблемы космические...

Май 1934 г.»

Это письмо написано Максutow. Ни начала, ни конца этого письма нет. Павел нигде не упоминает о своих попытках построить ракету. Возможно, что эти попытки не были успешными. Еще в 1952 году можно было видеть корпус такой ракеты, но время стирает от нас часто то, о чем потом горько сожалешь. Очевидно, его интересовали и космические масштабы. От его библиотеки, состоявшей не менее чем из 1500 томов, в основном научной и научно-популярной литературы, осталось не более десятка книг. Потому приходится собирать лишь крохи.

«Дорогой Ваня! Собираюсь строить здесь астрономическую башню, да раздумываю: есть возможность поехать на работу в лабораторию

астрономической оптики... Только думаю: не поздно ли уж мне разъезжать? Не поздно ли учиться? Не доживать ли дни в Ершовке, как было решено... А в общем устал я от всего неимоверно... 28 июня 1934 г.»

Если судить о служебной деятельности Павла, то двадцать лет непрерывной работы измотали его.

«Многоуважаемый Павел Николаевич!.. Теперь о Вас лично... Я совершенно не ищу дипломированных дураков, таких у нас и в Ленинграде хоть отбавляй. Мне желателен человек увлеченный делом, имеющий собственную голову на плечах, не мальчик, и могущий разобраться хотя бы в новых для себя вопросах, а главное — понимать дело и тонкое мастерство. Вот Вы мне и кажетесь вполне подходящим человеком. Я бы хотел видеть Вас моим помощником... А пока хотел бы Вам сказать: «До скорого свидания!»

21 августа 1934 г. Максutow».

«Павел Николаевич!.. Я сделал для Вашего перевода все, что мог. Рад буду с Вами совместно работать и надеюсь, что нам тесно не будет и дела хватит. Если хотите интересно провести вторую половину жизни, то советую ехать: трудно будет только первое время... Сейчас приступаем к работам, которые будут почище заграничных... Решайте и хоть на это письмо ответьте мне поскорее, т. к. я сейчас заполняю штаты. Вспомните, что человек живет один раз и у него есть две перспективы: либо кинуть, либо жить интересно. 22.9. 34 года. Уважающий Вас Д. Максutow».

Прилагаю официальное приглашение:

22 сентября 1934 г. Служебная записка.

Сообщаю официально по распоряжению дирекции института следующее: Я могу принять Вас на должность моего помощника... Прошу срочно известить меня о Вашем решении, т. к. в ближайшее время я набираю штаты в связи с заказом на зеркало 2,5 метра диаметром.

Д. Максutow».

Павел принял приглашение. Жизнь, работа и неумное влечение к знаниям требуют от него с каждым днем все больше и больше знако-

миться с теорией относительности Эйнштейна и физикой атомного ядра в том виде, в каком она тогда была. Интересы оптики и астрономии требуют от него углубленных знаний физики, химии, математики, но самым большим недостатком его знаний была их бессистемность. Он был знаком с рядом работ Циолковского. С 1930 года он пытается привести свои знания в систему, приступает к более глубокому изучению физики, а с 1932 года — математики и английского языка. Раньше он занимался немецким языком и, по примеру старшего брата Андрея, изучал французский язык.

«Дорогой брат! Какие новости у меня? Маленький триумф: помнишь, ты бился над вычислениями по моей схеме теневого исследования матовых поверхностей? Так вот, этот метод принят у нас в лаборатории и дает хорошие результаты, правда, пока что в деле изготовления точных оптических плоскостей (плоскости были когда-то ахиллесовой пятой Павла, теперь же он и эту задачу разрешил блестяще), но я думаю добиться признания его пригодности и для определения радиусов кривизны вогнутых и выпуклых поверхностей... В том виде схема одобрена начальником лаборатории. Но после того я изменил ее и получил еще большее одобрение... Оптика, по-видимому, еще не знает случаев использования в этом деле мнимых изображений светящейся точки!.. Возможность определения радиусов кривизны я чувствовал летом чисто интуитивно, теперь же (после стольких трудов!) сознательно обосновал. Но этого мало, я работаю теперь над более дерзкой проблемой практической оптики. Я тебе, кажется, говорил, что если мы имеем достаточно совершенные способы проверки вогнутых полированных оптических поверхностей с не так уж большим радиусом, то для выпуклых вообще и для вогнутых с большим радиусом (порядка десятка метров и более) — мы способов не имеем. Так вот, в этом направлении я и веду исследование и, мне кажется, безуспешно... Все это (в нашей лаборатории) до сих пор делается на ощупь... Мои же способы должны давать возможность исследова-

ний выпуклых поверхностей с любым радиусом, от самого малого и до бесконечности. ...Посмотрим, как примет мои предложения наш ученый мир... Декабрь 1935 г. Павел».

Ухудшение здоровья детей заставляет покинуть Ленинград.

«Дорогой Ваня! Вот я и дома!.. При моем отъезде из Ленинграда институт заверил меня, что пошлет мне работу на дом: нужно изготовить 4 светосильных параболических зеркала, сделать которые там никто не берется. Предложено, что два изготовит профессор Максутов и два — я. На работе, о которой я тебе говорил при расставании на Ленинградском вокзале, я доказал, что могу преодолеть самые трудные поверхности (и не только с чистью, а и с перекрытием ожиданий), поэтому эту работу, как тоже трудную, и дали мне. Вот только не знаю, как мне удастся наше неудобное жилище превратить в оптическую мастерскую... В Москве я успел посетить только Мавзолей Владимира Ильича Ленина, т. к. день провел в ЦАГИ (по вопросам оптики)...

1 ноября 1936 г. Павел».

«Дорогой мой сын!.. Я рад, что ты с пользой служишь в Красной Армии. Долго тебе не писал потому, что очень занят (а когда я бываю «не очень занят»?)... все свободное время изготавливаю шлифовальный станок... Я должен по заказу института изготовить два светосильных зеркала... Надеюсь, что выполню... Очень много книг у меня оказалось здесь растащено и не знаю кем. Пропали ценные научные книги, ноты, учебники немецкого и французского языков...

12 декабря 1936 г.»

«Дорогой Ваня!.. Эту зиму я особенно занят: школа оставляет мало свободного времени... урываю время для работы со стеклами. Почти ничего не читаю. Времени нам дано отчаянно мало! Надо бы повозиться со стеклышками с некоторой научной целью, а все некогда. Астрономию и радиослюбовительство совсем забросил...»

«Дорогой Ваня!.. Стекла я закончил и отослал в конце апреля и тотчас же засел за описание моего метода оптического исследования матовых поверхностей (этот метод име-

ет важнейшее прикладное значение:

1. Он позволяет контролировать правильность обрабатываемой поверхности в процессе обработки. 2. Позволяет контролировать поверхности, которые не нуждаются в полировании). Вчера эту работу закончил, остается переписать в трех экземплярах и отослать в Москву в Наркомат оборонной промышленности, куда я писал об этом и который затребовал от меня материалы. Не без волнений ожидаю из Ленинграда известий — как они там оценят мою работу над стеклами... 9. 5. 37 г. Павел».

Совершенствуя свой метод, Павел приводит принципиально новые схемы, предлагает метод исследования длинных плоских поверхностей, метод, удваивающий и ускоряющий точность метода коммона, метод исследования поверхностей цилиндров, конусов, сквозных отверстий и глухих полостей.

«Дорогой Ваня! Посылаю тебе удостоверение, что ты был красногвардейцем. Новое мое изобретение пока еще никому не известно, т. к. мне необходимо еще проверить на практике самому... материал Москвою послан в оптический институт на заключение...

6 августа 1937 года. Павел».

...В 1937 году Павел трагически погиб.

Он всегда был оптимистом. Какие еще яркие идеи обуревали этого человека, беспрдельно преданного народу, к сожалению, мы не знаем...

БЫЛО ТАКОЕ ОБЩЕСТВО...

Леонид СУРИН

В архиве Юрюзанского музея революционной, боевой и трудовой славы среди множества документов хранится тоненькая книжечка из розовой оберточной бумаги с портретом Владимира Ильича Ленина на обложке. Вверху напечатан лозунг: «Пролетарии всех стран, соединитесь!». Чуть ниже ленинского портрета другой лозунг: «Да здравствует союз рабочих и крестьян!» и символические изображения рабочего и крестьянина, которые скрестили молот и серп.

Так выглядел членский билет Общества смычки города с деревней, распространявшийся среди трудящихся Катав-Ивановского района Златоустовского округа более полувека назад.

Билет, о котором идет речь, принадлежал когда-то моему отцу, Николаю Федоровичу Сурину. Общество было по-настоящему массовой организацией.

Цели и задачи Общества были предельно ясны. Они кратко провозглашались в уставе, были напечатаны на третьей странице членских билетов и состояли из четырех пунктов:

1. На тесном союзе двух основных классов — рабочих и крестьян — строится вся Советская республика, и тем самым укрепляется главная теперь опора международной рабочей революции.

2. Размычка между этими двумя классами грозит крахом и гибелью нашей революции.

3. Наше Общество смычки должно стать Обществом смычки хозяйственной и культурной.

4. Ушедший вперед город помогает деревне нагнать город в своем развитии: эту задачу нам завещал Ленин 27 марта 1922 года, докладывая XI съезду РКП(б) о деятельности ЦК РКП(б). Ленин говорил: «Мы строим свою экономику (свое хозяйство) в связи с крестьянством».

РЫЖОВЫ

**Владимир
ЮРИН**

...Обычная семья:
Евгений Павлович,
Александра Гурьяновна
да две дочки — Ирина и Алла.
И все же уникальная семья,
в стране первая —
все они выполнили
нормативы
золотого значка
туристско-краеведческой
экспедиции
«Моя Родина — СССР».

Евгений Павлович по-хозяйски уверенно шел коридорами старого техникума. На первом этаже кивнул на карту страны во всю стену:

— Вот здесь все, как на ладони. Ребята сделали. Действующая...

На карте вспыхнул рубиновый факел славы, и огненным пунктиром, как трассирующими очередями, высветился боевой путь 363-й стрелковой дивизии и маршруты экспедиций «Гардия» — красных следопытов Нижнетагильского горно-металлургического техникума.

Как пришла тяга к путешествиям — никто, даже сам Евгений Павлович, объяснить не берется. Но было так и в не очень сытые послевоенные годы, когда учился в техникуме, и когда работал, зочно учился в институте, и когда, как говорится, «был вольным казаком», и когда семьей обзавелся.

С 1954 года не было, пожалуй, ни одного лета, чтобы Рыжовы не отправлялись в путь-дорогу. А потом и зимами стали ездить, в каникулы, благо оба преподаватели. Родилась дочка, малость подросла — стали путешествовать втроем, с Иришкой. Подросла вторая — Алла, стали «полным купе» ездить. Ленинград, Москва, Симферополь, Минск... Да что там города: Белоруссия, Украина, Прибалтика, Кавказ, Крым... Но суть не в географии. Дело в том, что Рыжовы, в отличие от многочисленных коллекционеров личных впечатлений и гостиничных этикеток, ведут следопытский поиск.

Когда в шестидесятые годы по всей стране началось движение красных следопытов, они стали изучать историю Великой Отечественной войны. В те годы Рыжов возглавлял в Нижнем Тагиле городской клуб туристов «Азимут» — он стал инициатором будущих походов по местам боев уральских соединений.

— Историей 363-й дивизии мы занимаемся с 1965 года, — рассказывает Е. П. Рыжов. — Выбор не случаен. Это дивизия уральская, она была сформирована в Свердловской области в сентябре — октябре 1941 года. В нее было взято около тысячи тагильчан, и сейчас многие ветераны соединения живут в нашем городе.

В битве под Москвой уральцы проявили стойкость, мужество и героизм. Дивизия была переименована в 22-ю гвардейскую. А войну закон-

чила как 2-й гвардейский Николаевско-Будапештский механизированный корпус.

Дома у Рыжовых накопилась целая библиотечка книг, в которых есть хоть малейшее упоминание о соединении и его людях. Не раз пришлось съездить в Свердловск, в музей Боевой славы Урала при окружном Доме офицеров. Шли письма в архив Министерства обороны и в многочисленные адреса ветеранов соединения по всей стране — от Калининграда до Владивостока, от Мурманска до Ташкента. Рыжову пришлось даже заказать специальный штамп со своим адресом.

Пять лет накапливался материал по истории 363-й стрелковой: уточнялся боевой путь, были найдены десятки ветеранов, установлены с ними прочные связи. В октябре 1970 года Евгений Павлович с четырнадцатью ребятами побывал на месте формирования дивизии. Тагильских гостей приняли приветливо, показали место, где осенью сорок первого стояли первые палатки и шалаши. На следующий год экспедиция красных следопытов отправилась по местам боев соединения: Калинин — Волоколамск — Зубцов — Погорелое Городище — Ржев... Упоминания о дивизии встретились в краеведческих музеях Зубцова и Ржева, неожиданным открытием было и то, что местные школы занимаются историей дивизии.

Еще через год вторая экспедиция отправилась в Старую Руссу... В городском комитете комсомола тагильчан встретили как старых знакомых: «А мы вас давно ждем». Устроили в школе-интернате.

...Машина шла по гати, а по обе стороны дороги эхом войны кричали надписи: «Не ходить. Мины!». Притихли ребята, вдруг осознав, как огненным лемехом вспахала эту землю война, если тридцать лет спустя саперы вырывают ее смертоносные корни.

Местный учитель привел тагильчан на старые позиции в районе Васильевщины. Копать не надо было. Только присмотришься — и увидишь среди чахой травы (даже она после войны не растет) то крупный осколок, то спекшиеся в ржавый ком части стрелкового оружия, гильзы и патроны, ломающиеся в руках, как спички... Но не было характерного

для мальчишек при виде оружия оживления и восторгов: посерьезнели, повзрослели на глазах ребята — ведь попадались и останки павших здесь бойцов... Много было потом экспедиций, рассказов о войне, но эта первая встреча ребят лицом к лицу с ней запомнилась особо. И как память о той экспедиции хранятся в музеях горно-металлургического техникума и школы № 40 в Нижнем Тагиле солдатские каски, привезенные из-под Старой Руссы...

Главные «находки» следопытов — люди прославленного соединения.

«Талантливый танкист» — говорили в штабе 2-го гвардейского механизированного корпуса о комбриге Петре Юльевиче Корбуте... Он вел своих танкистов на штурм вражеских позиций на правом берегу Днепра. За оборонительными укреплениями фашистов открывалась широкая Таврийская степь. Уже не было выгодных для обороны рубежей, но ожесточенно продолжал огрызаться враг. Горела земля под гусеницами. Через грохот боя шлемофоны доносили голос комбрига: «Огонь вправо — батарея противника!». Молодцы-ы!» Вздрыблилась земля под танком комбрига: мина... Экипаж убит. Полковник контужен. Но, отказавшись покинуть поле боя, Корбут пересел в другую машину и продолжал вести атаку.

Когда машины с черными крестами на приплюснутых башнях пошли с фланга, танкисты по команде Корбута в считанные секунды развернулись и открыли огонь. Запылали две вражеские машины...

В шлемофоне — тревожный голос соседа:

— Товарищ полковник, моторная часть вашей машины в огне!

— Подпалили, гады... — воскликнул механик-водитель.

— Давай вперед! — приказал комбриг. — Может, собьем огонь...

В танке становилось жарко, нечем было дышать, затлеи комбинезоны.

— Покинуть машину! — приказал Корбут экипажу, а сам взглядом тянулся туда, где его гвардейцы добивали фашистские танки. Он еще жил боем, его напряжением, забывшая о боли.

Тяжелые потери понесла бригада. Но враг потерял куда больше: 12 самоходок, 6 танков, 47 орудий разных калибров, 22 автомашины и свыше 300 солдат и офицеров. Но Корбут об этом уже не узнал: без сознания его отвезли в госпиталь, где он скончался от тяжелых ожогов...

Высокое звание Героя Советского Союза было присвоено отважному танкисту посмертно.

Об эпизодах последнего боя Петра Юльевича Корбута тагильские следопыты узнали от ветерана корпуса майора в отставке Л. Скрибного. А всего им удалось установить имена 42 Героев Советского Союза,

воевавших в рядах прославленного соединения.

Рыжов достал заветную тетрадь с именами и адресами разысканных ветеранов. Эта тетрадь — итог более чем десятилетнего кропотливого труда. В ней — около трехсот человек, с их неповторимыми судьбами.

...Мог ли знать полковник Карп Васильевич Свиридов, когда формировал на Урале свою дивизию, что выпадет ему редкая судьба пройти с ней весь путь, от первого до последнего боя, от Москвы, Сталинграда — до Праги? Под командованием генерала Свиридова 2-й гвардейский Николаевско-Будапештский механизированный корпус закончил войну в ночь с 11 на 12 мая 1945 года — через трое суток после подписания акта о безоговорочной капитуляции. Довелось генерал-лейтенанту Свиридову отпраздновать и 20-летие Великой Победы. Теперь уж нет в живых Карпа Васильевича Свиридова... Как нет многих ветеранов. Но хранится в школьном музее шинель командира корпуса, подаренная следопытам дочерью генерала...

Второй в тетради Рыжова значится фамилия первого начальника штаба дивизии С. Г. Поплавского. Фамилия знаменитая. Герой Советского Союза генерал армии Поплавский командовал потом Войском Польским. Следопыты встречались с ним в Москве. И эта фамилия уже обведена в тетради траурным кружком.

Кузьмин М. К. — бывший фельдшер стрелкового батальона. Был тяжело ранен, потерял руку. Сейчас — профессор Первого московского медицинского института, автор книги «Второй Николаевско-Будапештский», председатель совета ветеранов соединения.

Хлопков Н. М. — бывший боец музыкальной команды. В сорок втором году им написана песня «Уральская гвардейская», которую пела вся дивизия.

Эта песня прошла с гвардейцами всю войну. Есть у Рыжова афишка концерта, который показал 25 мая победного года жителям городка Прибрам под Прагой ансамбль 2-го мехкорпуса. Сейчас автор этой песни — профессиональный композитор, профессор Краснодарской консерватории.

Десятки фамилий, десятки людских судеб... Всех их объединило фронтовое братство. Всех их вызвали десятилетия спустя на поверку памяти красные следопыты, гвардейцы поиска. Я не оговорился. «Гвардия» — называются поисковые экспедиции молодых тагильчан. «Гвардия» — назван клуб при нижнетагильском горкоме комсомола, где президентом — бывший фронтовик, гвардии сержант Рыжов.

— Девятнадцать экспедиций по пути уральских гвардейцев провели тагильские следопыты. Уроки мужест-

ва прошли за это время свыше 350 юношей и девушек. Многие из ребят уже успели отслужить в армии. Но эти уроки помнят.

...Николай Теплов окончил горно-металлургический техникум в 1975 году. Армия. Однажды на боевом метании гранат случилось, казалось бы, непоправимое. Граната на боевом взводе выпала из рук молодого солдата на дно окопа, в котором были Теплов и командир подразделения. Трех секунд, оставшихся до взрыва, хватило Николаю Теплову, чтобы схватить гранату и перекатиться через бруствер... Командир лишь недоумленно обернулся... Граната взорвалась в воздухе, но уже далеко от окопа.

Движение красных следопытов — это не только дань памяти. Это воспитание новых патриотов, новых бойцов. Они будут стоять на страже мирной жизни.

Рыжов прошел и проехал со своими следопытами свыше 150 000 километров. С 1974 года, когда в Тагиле появились зачетные книжки Всесоюзной туристско-краеведческой экспедиции «Моя Родина — СССР», семья Рыжовых одной из первых начала делать в них отметки. За три года все четверо Рыжовых, в том числе и младшая, шестиклассница Алла, выполнили нормативы для получения сначала бронзового, потом серебряного и, наконец, золотого значка экспедиции.

А нормативы эти не из простых. На «бронзу» надо побывать на 50 достопримечательных объектах своей области; на «серебро» — посетить 50 объектов в зоне Урала; на «золото» — еще 80 городов страны. Параллельно с «гвардейскими», Рыжовы совершали и свои, экскурсионные походы.

И стали первой в нашей стране семьей золотых значкистов туристско-краеведческой экспедиции «Моя Родина — СССР». В стране около 70 человек выполнили нормативы золотого значка. В нашей области — семеро, шесть из них — тагильчане. Шестым значкистом стал ученик Рыжова, выпускник горно-металлургического техникума Михаил Хуснулин.

...И вновь ведет ребят в поиск неугомонный человек Евгений Павлович Рыжов. Фронтовик, педагог, гвардии сержант и гвардии следопыт.

Он не воевал в 363-й дивизии — он воевал в других соединениях. Историей их занимаются следопыты из Новосибирска, ленинградских школ. И в этом видится большой символ: нет у нас «не своих» соединений! Как нет чужих могил под красной звездой.

«Искру вовсе истребить...»

**Юрий
ЛИПАТНИКОВ**

Уралец Николай Александрович Бабкин передал музею «Уральского следопыта» старинные документы. Самый старый лист датирован 1750 годом, это, оказалось, были копии царских указов и распоряжений разных церковных чинов, а в основном епископов тобольских и сибирских. Документы не так-то просто прочитать, написаны они разными почерками, и весьма витиеватыми.

Смотрю указы времен Крестьянской войны. Одни отпечатаны в типографии. Они известны. А эти — переложение указов центральной власти, сделанные в Тобольской консистории. Их можно уже считать местными документами. В декабре 1773 года, когда грянула пугачевщина, Тобольская консистория рассылала такие свои указы: «...о государственном возмутителе и разорении Оренбургской губернии наносящем бежавшем из Казани из-под караула войска донского казаке раскольнике Емельяне Пугачеве, который называет себя императором Петром Третьим и собирает великую толпу лехковерных и таких же каков сам непосвященных людей». И консистория велела: «...во всех церквах в воскресные и праздничные дни те наставления священникам прихожанам своим читать». И добавляла: «...езде и во всякое время, где б то ни случилось, а особливо при собраниях народных читать же и со увещанием удерживать, дабы они к помянутому самозванцу не присоединились, в чем все возможное и крайнее со своей стороны прилагать старание».

Да, противоборство пугачевцев и властей было не только военным, а и идеологическим. Царица разоблачала самозванство Емельяна Пугачева, а его агитаторы разоблачали произвол правящего класса. Например, атаман Грязнов под Челябинском распространял такое воззвание: «Всему свету известно, сколько во изнурение приведена Россия, откого ж — вам самим по небызвестно: дворянство обладает крестьянами, и хотя в законе божьем и написано, чтоб они крестьян также содержали, как и детей, но они не только за

работника, но хуже почитали собак своих, с которыми гонялись за зайцами, компанейщики завели премножество заводов и так крестьян работой утрудили, что и в ссылах того никогда не бывает, да и нет, и напротив того с женами и детьми малолетними не было ли ко господу слез?»

Такие воззвания пугачевцев имели успех. Однако и самодержавие в идеологической войне наносило весьма точные удары. Было, к примеру, «распубликовано» повсюду, весной 1774 года свидетельство Вениамина Пуцка-Григоровича, бывшего в тот момент архиепископом в Казани, но ранее служившего в Санкт-Петербурге... В моих руках — копия этого документа, сделанная на Урале весной 1774 года. Вениамин свидетельствовал, что «Петр Третий бывший император всероссийский 1762 года месяца июля в первых числах по власти всемогущего бога в Петербурге скончался, и тело того ж июля в шестом числе на утренней зоре привезено во Александровский монастырь и поставлено в зале тех деревянных покоев, в которых будущи я в то время санктпетербургским архиепископом жительство имел... куды по обычаю древнему приходили премногие тысячи знатнейшего, среднего и простого народа для отдания ему последнего христианского долгу, а потом в присутствии всего святейшего синода, многога духовенства, в прибытии правительствующего сената, премногих вельмож знатных, как российских, так иностранных, особ, и других бесчисленных людей ис помянутой залы перенесено с подобающей церемонией в церковь и поставлено на уготовленном приличном царской персоне месте.

Где по совершении божественной литургии и по отпелни погребения мною самим с прочими преосвященными архиереями, синодальными членами, как то з Димитрием архиепископом новгородским, Гедеоном епископом псковским, Палладием епископом рязанским, Афанасием епископом тверским и прочим духовенством погребено в той же Алек-

сандровской церкви и запечатленною землею перстию мною самим».

Надо думать, немало народу, услышав о таком достоверном заявлении архиерея, отшатнулось от Пугачева. А находчивый Вениамин, как он был вознагражден за сию политическую услугу? В дореволюционной книге по русской истории находим следующие строки: «До какой степени Екатерина была подозрительна в отношении к архиереям показывает судьба Вениамина Пудека-Григоровича казанского. Екатерина застала его архиепископом петербургским и немедленно перевела в Казань, где еще раньше в сане иеромонаха он прославился своей миссионерской деятельностью. Во время Пугачевского бунта он первый из архиереев восстал против Пугачева, принявшего имя Петра III, разослав по своей епархии увещательные грамоты, в которых обличал самозванца как личный участник в погребении истинного Петра III. Несмотря на такую услугу правительству он был подвергнут оскорбительному аресту по одному бездоказательному оговору какого-то пугачевца дворянина в том, будто бы он был сам сообщником Пугачева и посылал бунтовщикам деньги. После Екатерины убедилась в его невинности и поспешила утешить его милостивым рескриптом и саном митрополита, но это не вылечило уже его от паралича, который постиг его при аресте».

...Смотрю другие листы с водяными знаками. И — находка!

«КОПИЯ

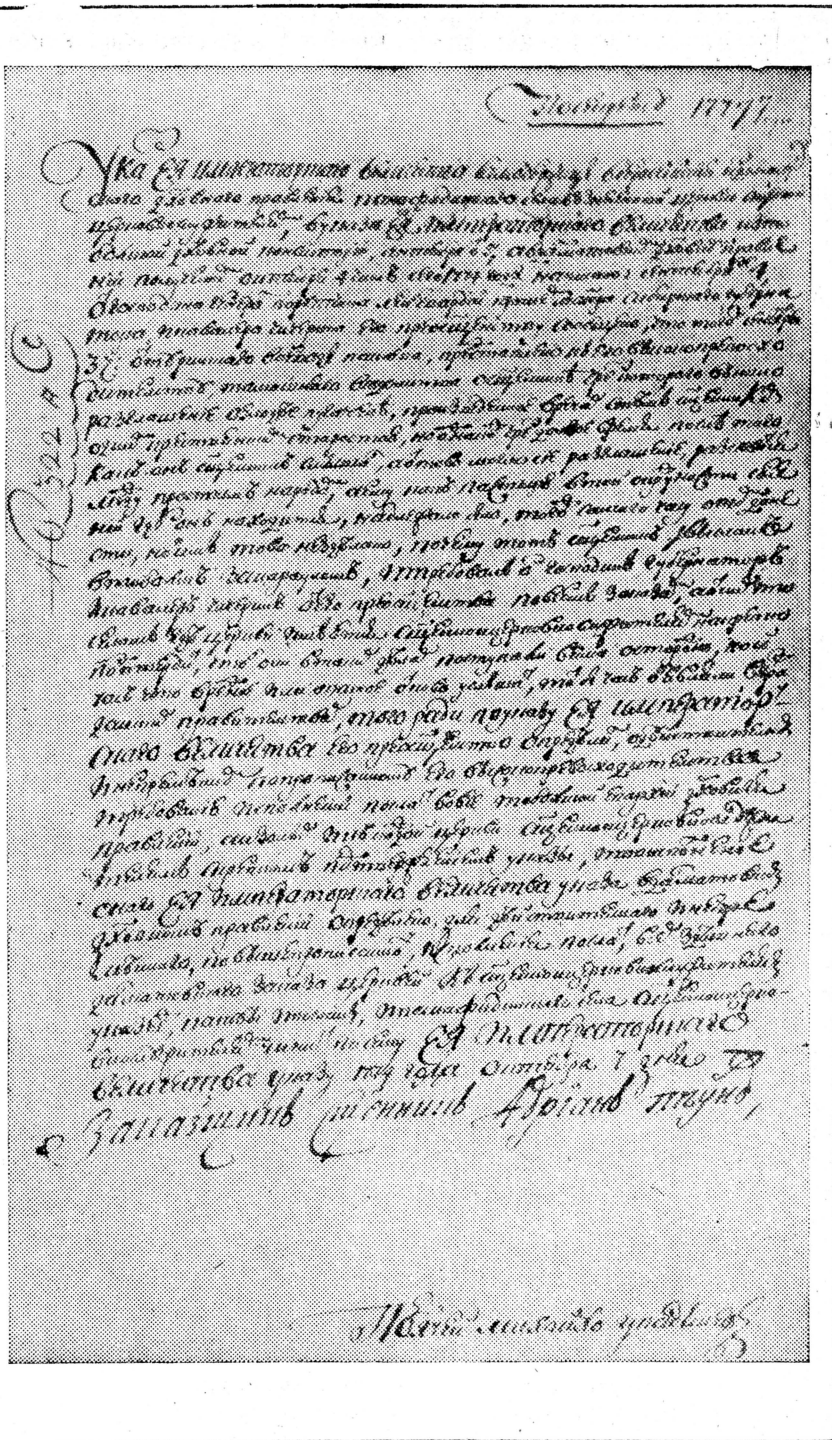
От подполковника Исетской провинции воеводы Лазарева.

В вверенной мне провинции всем вообще и каждому жителю объявляется.

Каковы от святейшего правительствующего синода изданы и напечатаны увещания одно к лицу священноцерковнослужителей, а другое к лицу народа по причине бывших замешательств, таковы ж в состоящие в здешней провинции в заказные духовные правления и церкви из Тобольской духовной консистории при указах приложены, и хотя уже оными также что государственный злодей Емелька Пугачев со собственными его ж единокрушевными сообщниками пойман в народ в надлежащих местах и опубликовано. Но как сей народ в рассуждении христианской должности обязанность больше иметь в праздничные и воскресные дни, оставя попечение о домашней работе, быть у божественной литургии, то и вторично те печатные увещания всем правоверным слушать с крайним вниманием и сокрушением сердца, повинувся пастырям и учителям, которые желают вас видеть не в невежестве и воровстве, а на

пути истинного блаженства, и притом воображать то свое важное преступление какового они могли учинить пред богом и пред Ея Императорским Величеством... и отважась тогда дерзновенно прилепиться в общество такого разбойника, который, возмечтав, на собственную свою

жизнь и отечество оное отважился, из благоцветущего состояния приводит на самый край раззорения, не боясь суда божьего и гражданского, но всевидящее око не попуская сего изверга роду человеческого на дальнейшие варварства, а чрез несповедимый свой суд доставил в руки, и

содержится теперь весь окованный во узах, ожидая от высокомонаршего престола возмездия своих богомерзких дел достойной казни, как на сем свете, так и в будущем веки вечного неизбежного геенского пламени, для коего там и адские врата уже отперты. А хотя преследователи сего богоотступника и увеличиватели его толп заслуживали себе по высочайшим законам смертную казнь, но когда для них отворены были человеколюбиво, великодушно и бесприммерно монаршего ея величества милосердия двери, и они могли от толь богопротивного скопища ускольнуть отшатнуться и удостоиться во оные войти, таковой заслуживаемой по законам смерти над собою и не видит, однако сие раскаяние не в том одном состоит, а чтоб все таковые находящиеся в измене и бунте, и прилепляющиеся к его злодейской сволочи, могли о том своем преступлении яко прозевавшие бога и законную свою государыню молить... И просить заслуживать сугубым своим верноподданническим работством, помянутого варвара и супостата роду человеческого всегда проклинать и зараженную им лестно ложными обманами искру вовсе истребить, а если кто-либо из сих пришедших в повиновение или иногда и кроющихся в бегах ту из себя помянутого лукавца сразу не истребит и что-нибудь к вредным плеведам подумает то уверяю, что такому власть всевышнего не потерпит и непременно откроет все его мысли к неизбежной и заслуживаемой по закону уже казни.

ноября 24 дня 1774 года.

Подлинное подписали тако подполковник Исетской провинции воевода Иван Лазарев.

С подлинным читал подъячий Михайло Упадышев».

Воевода, военный чин призывает молиться, написал воззвание, похожее на проповедь. Необычно!

В 1973 году к 200-летию Пугачевского восстания была издана книга документов из собрания Государственного исторического музея «Крестьянская война 1773—1775 гг. в России». Из ста с лишним новых документов я не нашел в этой книге что-либо подобного воеводскому призыву. Разве нечто похожее есть в приказе генерал-аншефа П. И. Панина и помещиков Куракиных крестьянам Пензенской вотчины: «Выкиньте все замыслы из голов ваших о своевольствах и не помышляйте больше выправлять себя из ваших злодейских вин, но в них раскаивайтесь и благодарите того, что противу подобных вам в преступлении никто из вас от жеребья не подвешен и не казнен». И далее: «Обратите все вы ваши помышления от

всяких вредных вам заблуждений на единственное радетьельное прилежание к работам»...

Продолжаю просматривать старинные бумаги, вчитываюсь в один, в другой, в третий текст... И — еще один документ времен Крестьянской войны.

«По секрету. 1774 года.

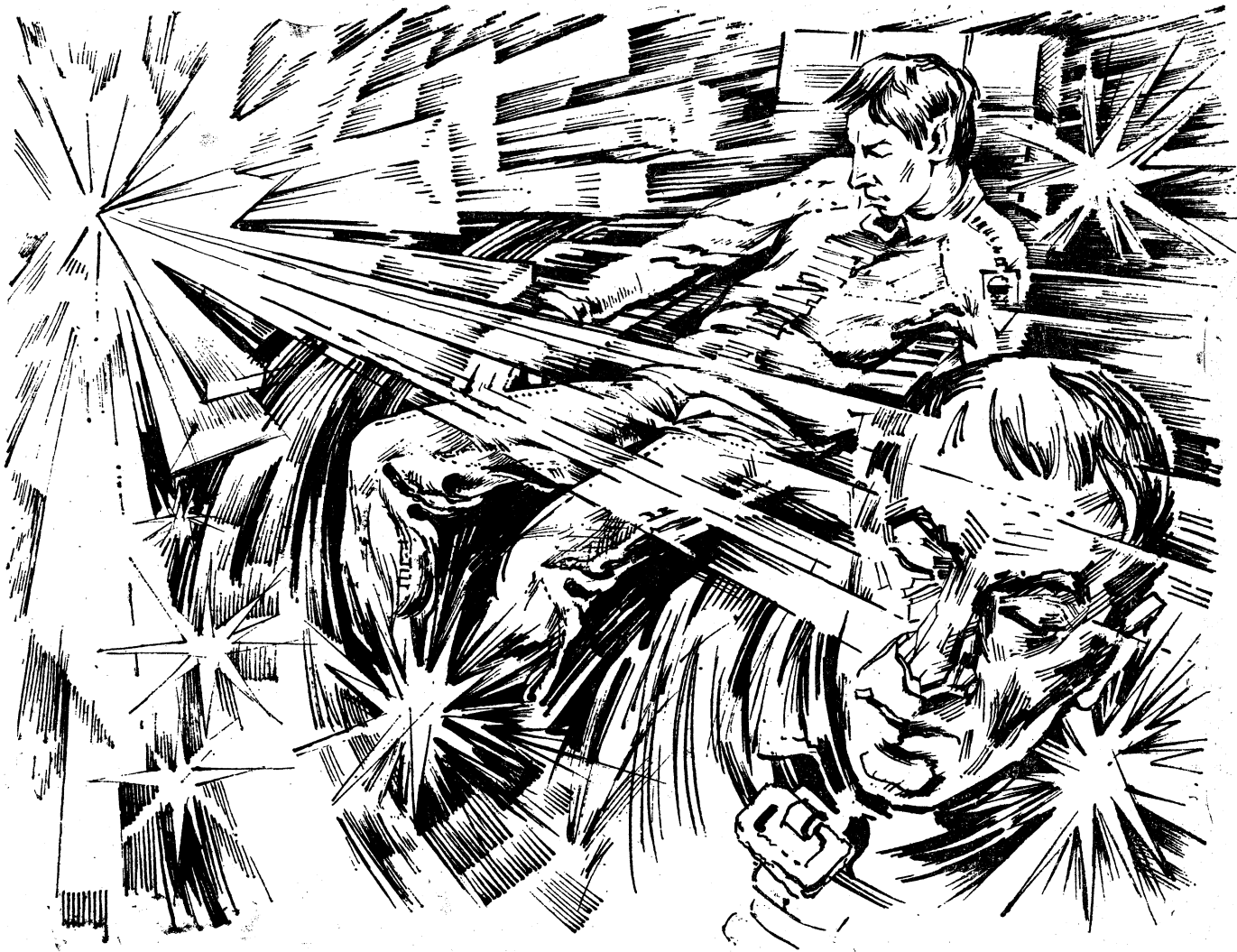
Указ Ея Императорского Величества самодержицы всероссийской из Далматовского духовного правления Панафидинского села Вознесенской церкви священноцерковнослужителям, в указе Ея Императорского Величества из Тобольской духовной консистории, сентября от 5, в Далматовском духовном правлении полученном октября 4 числа сего 1774 года написано: сентября 4 от господина генерала поручика лейбгардии прим майора Сибирского губернатора и кавалера Чичерина Его Преосвященству сообщено, что того ж сентября 3 числа от туринаского воеводы Панаева, представлено к Его высокопревосходительству, тамошнего ведомства о священнике, чрез которого вышло разглашение о злодее Пугачеве, произведенное в речах с тем священником одним крестьянским старостой, но однакож чрез долгое время после того как он священник слышал от того могло сие разглашение разсеяться между простым народом, а ему как пастырю в той окружности селений, где он находится, надлежало было того ж самого часу о том донести, но им того не сделано, почему тот священник и выслан в Тобольск за караулом, и требовал господин губернатор и кавалер Чичерин от Его Преосвященства по всем приказам, а от них и по селам, где церкви именуются священноцерковнослужителям накрепко подтвердить, чтобы они в таких делах поступали весьма осторожно, кой час что вредное или опасное от кого услышат, тот бы час объявляли в гражданские правительства, того ради по указу Ея Императорского Величества Его Преосвященство определили о действительном и непрременном по прописанному Его высокопревосходительству требованию исполнений послать во все Тобольской епархии духовные правления, а и к каждой церкви священноцерковнослужителям крепким подтверждением указы и во исполнение онаго Ея Императорского Величества указа в Далматовском духовном правлении определено, для действительного и непрременного по вышепрописанному, исполнения послать всем здешнего Далматовского заказа церквей к священноцерковнослужителям указы, каковы посланы, и Панафидинского села священноцерковнослужителям чинить по сему Ея Императорского Величества указу 1774 года октября 7 дня.

Заказчик священник Адриан Тиунов. Подъячий Михайло Упадышев».

Так-то страшило и устное, и письменное слово о Емельяне Пугачеве, что бедного священника, на минутку потерявшего бдительность, под караулом повезли в столицу Сибиря, в Тобольск. Страшило не только слово о Пугачеве, но вообще всякие речи о свободе: «...священноцерковнослужителям накрепко подтвердить, чтоб они в таких делах поступали весьма осторожно, кой час что вредное или опасное от кого услышат...»

Вот какие два документа о восстании Пугачева — воззвание исетского воеводы Лазарева и указ о священнике, допустившем вольнодумные речи, — нашлись среди старых церковных бумаг, два века пролежавших где-то в деревне, а потом попавших в большой город... Думается, они помогают понять глубже, что пугачевцам пришлось воевать не только с пикой в руках, но и с гусиным пером, не только бить власть силой, но и словом, что идейная борьба была не менее важна для восставших, чем военные успехи.

МЕРА ВЕЩЕЙ

Рассказ

**Василий
ГОЛОВACHEВ**

Рисунки
А. Банных

Модуль медленно дрейфовал в струе кристаллического аммиака, выброшенной совсем недавно из неведомых глубин атмосферы Юпитера. Под ним обрывалась сияющая желто-оранжевая бездна, в которой угадывались какие-то скрытые громады, колоссальные провалы, нагромождения облачных масс, кипение атмосферных течений. С высоты в сорок тысяч километров Юпитер не был ни полосатым, ни пятнистым — невероятный по размерам кипящий котел, в котором то и дело взлетали вверх ослепительно желтые султаны аммиака, оранжевые протуберанцы гелия и серебристые волокна водорода; котел, поражающий воображение и заставляющий цело-

Василий Васильевич Головачев родился в 1948 году в городе Жуковке Брянской области. Живет в Днепропетровске. По образованию — инженер-конструктор радиоэлектронной аппаратуры.

Рассказы и повести В. Головачева публиковались в сборнике «Фантастика-78», в журналах «Студенческий меридиан», «Техника — молодежи» и других. В 1979 году в Днепропетровске вышла первая его книга — повесть «Непредвиденные встречи».

В нашем журнале выступает впервые.

века жадно вглядываться в пучину, испытывая суеверный страх и не менее суеверный восторг, и с особенной остротой воспринимать масштабы космических явлений, одним из которых был Юпитер — вторая, неродившаяся звезда Солнечной системы.

Модуль положило на бок, и Пановский очнулся. Последовал мысленный приказ, тонкая игла летающей лаборатории поползла вверх, на более безопасную орбиту, сопровождаемая перламутровым ручьем «тихого» электрического разряда, на зигзаге которого уместилось бы несколько таких планет, как земная Луна.

— Спокоен старик сегодня,— сказал Изотов, отрываясь от окуляров перископа.— Радиус Ю-поля в два раза короче, чем вчера, мы даже не дошли до верхней гелиопаузы. Может, рискнем?

Пановский отрицательно качнул головой.

— Пора возвращаться. Мы и так проболтались без малого пять часов. Ловушки заполнены до отказа, записей хватит на месяц детального разбора.

Изотов вздохнул, исподлобья посмотрел на смуглого от вакуум-загара, худого, большею частью Ю-физика, занимавшего в данный момент кресло пилота. Пановскому шел сорок второй год, был он высок, жилист, спокойствие и готовность к действию — результат многолетней тренировки в рискованных экспедициях к Юпитеру — стали доминирующими в его характере. Он начал работать над гигантской планетой, когда только-только закладывались первые станции на спутниках Юпитера, и, будучи одним из самых опытных Ю-ученых, знал все внешние повадки исполнения.

— Жаль...— пробормотал Изотов, думая о своем.

— Чего жаль?— не понял Пановский, поправляя на голове корону мыслеуправления. Модуль продолжал ввинчиваться в гаснущее зарево разреженной водородной атмосферы Юпитера, направляясь к Амальтее, где располагалась ближайшая станция.

— Жаль, говорю, что сегодня старик спокоен. Вчера ребятам повезло больше. Сабиров снова видел над большой облачной спиралью КУ-объект.

Пановский поймал в визирные метки пульсирующий радиоогонек маяка станции, переключил управление на автоматику и повернулся к напарнику.

Изотов появился на Ю-станции недавно. Молодой, настойчивый, самолюбивый, он не успел еще растерять иллюзий насчет древней цивилизации, существование которой на Юпитере то ставилось под сомнение, то вспыхивало ненадолго сенсацией в научных и ненаучных кругах.

— КУ-объект, по-моему, фикция,— сказал Пановский, исподтишка изучая лицо Ю-инженера.— Я летаю над Юпитером двенадцать лет и ни разу не видел ничего подобного. Химерал!— повторил он убежденно.

— Значит, вам просто не повезло. Ведь многие видели... Сабиров, Вульф, Генри Лисов...

— И никто из них не привез ни одной голографии.

Изотов снова вздохнул. Что правда, то правда: никто из ученых, как зеленых новичков вроде него, так и опытных «зубров», не смог запечатлеть КУ-объект и доставить снимки на базу. Голографировать-то голографировали, но

на снимках проявлялись лишь обычные структуры верхней газовой оболочки Юпитера.

— Что ж, кто ищет, тот найдет,— добродушно усмехнулся Пановский, видя, что напарник расстроен.— Повезет в другой раз, не со мной. Видимо, и в самом деле я неудачник. Хотя мне кажется, все это — фата-моргана, галлюцинации, порожденные Ю-полем. Есть такая гипотеза, слышал?

Изотов упрямо сжал губы, хотя возражать не стал.

«Парень с характером!— подумал Пановский с уважением.— Многого добьется, если не перегорит. Генри откуда-то узнал, что он и в космос-то ушел из-за упрямства. Поссорился с женой, романтическая история в духе Грина... Почему бы и нет? Романтики и упрямцы — вторая линия передового края науки, на первой — одержимые...»

Себя Пановский помещал в мыслях на первую линию. Одержимыми для него были все, для кого наука надолго и прочно вытесняла личную жизнь.

— «Сотый», «Сотый»,— раздался в рубке знакомый голос диспетчера станции.— Срочно отвечайте, остался ли резерв в регистрирующей аппаратуре?

— Да,— коротко отозвался Пановский, бегло проглядев записи бортового координатора.— Три ленты в видеосканере и полдюжины кристаллов в приемнике «Омеги». В чем дело?

— Немедленно возвращайтесь к южной тропической зоне, координаты: сто семнадцать южной и пятьдесят семь восточной. Генри только что на главной оптической обнаружил КУ-объект. Вы ближе всех в этом районе...

Диспетчер еще не договорил, а Пановский уже успел перехватить управление у автомата и бросить модуль в разворот.

— Что я говорил!— воскликнул Изотов, скорее изумленный, чем обрадованный известием.

Пановский не ответил, лишь угрюмая складка появилась у него над переносицей. В существование КУ-объекта он не верил, как и в цивилизацию на Юпитере, тем не менее себе он мог признать, что надежда на чудо не угасла в нем по сей день. Впрочем, человек остается исследователем до тех пор, пока в нем живет ожидание сказки...

Модуль вышел точно по координатам над большой облачной спиралью. Голоса диспетчера уже не было слышно: сложная система радиационных поясов Юпитера полностью забивала эфир помехами. Пановский осторожно повел модуль к южному полюсу планеты, опасаясь приближаться к внутреннему кометно-метеоритному кольцу, где плотность метеорного вещества достигала критических величин. И тут они действительно увидели КУ-объект.

Из желто-оранжевой мути аммиачно-водородных облаков высунулся ослепительно белый цветок на тонком стебле: по форме КУ-объект напоминал земную гвоздику. Стебель «гвоздики» продолжал расти, она увеличивалась в размерах, и наконец стало ясно, что это вполне реальное явление, отнюдь не галлюцинация и не радиолокационный «призрак».

Пановский задействовал аппаратуру фото- и киносъемки и покосился на напарника. Изотов был сейчас похож на беркута перед падением на добычу: спина сгорблена,

мышцы напряжены, лицо стало твердым, «летающим», пронзительно-голубые глаза словно выцвели от напряжения до полной прозрачности...

— Ловкий ты парень,— хмыкнул Пановский.— В свободном поиске без году неделя — и надо же! Честно говоря, я и сейчас не верю... Загипнотизировал ты меня своими рассуждениями, да и Ю-поле, наверное, действует, потенциал уже выше барьера безопасности...

— Ю-поле тут ни при чем... Кстати, почему эту штуку назвали КУ-объектом?

— Первым его увидел и описал три года назад Константин Уткин, отсюда и сокращение... Он пропал без вести после второй встречи со своим «открытием».

Изотов повернул голову, несколько мгновений смотрел в серые непроницаемые глаза Пановского, словно пытаясь прочесть его мысли, потом расслабился и пожал плечами.

— Одна из тех случайностей, которые подстерегают любого из нас. Посмотрите на анализаторы: материал КУ-объекта — безобидный водяной пар, вернее, облако ледяных кристаллов. Правда, магнитное поле что-то великовато для обычного облака... Подойдем поближе?

Пановский отмахнулся.

— Не сходи с ума!

Модуль проходил уже над краем «гвоздики», достигшей размеров Евроазиатского материка Земли, и в этот миг что-то произошло.

Пановскому показалось, будто из центра КУ-объекта ударила яркая синяя вспышка. Модуль сотрясла мучительная дрожь, он импульсивно изогнулся, как резиновый карандаш, оборвалось пение приборов в рубке, ослепли экраны, наступила глубокая тишина. И в этой тишине люди «услышали» Голос! Глубокий, нечеловеческий Голос-вскрик, он пронизал оболочку модуля, прошел сквозь все защитные экраны и сквозь тела людей, и умчался в космос, в неизмеримую даль, — бестелесная молния, стук мысли неведомого исполина. Это было последнее, о чем подумал Пановский. Потом боль выключила сознание...

Зал связи Ю-станции «Корона-2» тонул в тусклом серо-желтом сиянии юпитерианского серпа: станция проходила над ночной стороной планеты. Гул переговоров отражался от стен зала, смешивался с гудками и свистами работающей аппаратуры и возвращался таинственным шепотом и негромким смехом, хотя никто в зале не смеялся. Четыре видеоматражки отражали такие же, как этот, залы и группы людей у пультов связи и управления.

В зал вошел высокий бледный человек с узким, словно лезвие гильотины, лицом. На рукаве его куртки алел шеврон научного директора станции. Возле главного видеоматражки люди, давая ему пройти.

— Какие новости?— спросил он, почти не разжимая губ.

— Второй КУ-объект мы прозевали,— сказал смуглый до черноты Генри Лисов.— Вернее, не знали, где ждать. Третий успели захватить почти в начале образования. А потом — как отрезало, никаких следов. Видимо, существуют периоды активности КУ-объектов, когда они появ-

ляются довольно часто. Но какова длительность такого периода — неизвестно. Нужны новые наблюдения.

— Самое интересное, что третий КУ-объект ничего не излучал, в отличие от первых двух,— сказал полуседой Сабиров.— Но приборы обнаружили слабое волновое эхо в пространстве сразу после его выхода.

— Вы полагаете, что это был...

— Приемник, вернее, приемная антенна, если пользоваться земными аналогиями. А первые два были передатчиками. После выхода их в эфир станции слежения за орбитами Нептуна и Цербера поймали «следы» импульсов, направленных в сторону шарового звездного скопления омега Кентавра. Только что с Земли сообщили, что импульсы эти, по всей видимости, одномоментные передачи огромных массивов информации.

— Итак, КУ-объекты суть аппараты юпитериан,— медленно проговорил Зимин.— Цивилизация на Юпитере — не миф!.. Вы хоть представляете себе грандиозность сего факта?!

Сабиров переглянулся с Лисовым, но директор станции не ждал ответа.

— Три года мы возились с легендой о КУ-объектах, не подозревая, что они существуют реально... Вы говорите, период появления КУ-объектов неизвестен? Три года — период их появления, вернее, период появления «передатчиков». А мы в течение трех лет видели только «приемники»... Кстати, почему их невозможно фотографировать?

Генри Лисов помялся.

— Гипотез много, но дельных ни одной... Может быть, все дело в излучении КУ-объекта? Или влияние Ю-поля на аппаратуру...

Зимин кивнул.

— Может быть. Выясните это в ближайшее время. Что ж, мы на пороге величайших открытий за всю историю человеческой цивилизации! Что?

Сабиров откашлялся.

— У меня сложилась иная точка зрения. Уже сто лет человечество изучает Юпитер, из них около полувека — активно, с помощью автоматических зондов и обитаемых станций. Множество экспедиций в атмосферу и на дно, тысячи потерянных зондов, гибель исследователей. Едва ли юпитериане не замечают нас, по-моему, это невозможно, но тогда их молчание говорит об одном — об отсутствии интереса к нам! Об их равнодушии к контакту. А если они нас просто не замечают, значит, отличаются от нас по всем параметрам жизни и мышления. Да и как им не отличаться? Я до сих пор не могу представить, как на этом газо-жидкостном шаре могла возникнуть жизнь! А уж о разумной жизни!..

— При чем тут твой скептицизм, Баграт?— улыбнулся стройный и красивый Вульф.— Факты — упрямая вещь. Вот насчет контакта я с тобой согласен. Но речь и идет пока лишь о накоплении материала. Взаимопонимание — дело далекого будущего!..

— Вопросы ко мне есть?— спросил Зимин, переждав шум.— В пятнадцать тридцать я отправляюсь на Землю.

— Есть,— сказал Сабиров.— Что с Пановским и Изотовым?

Зимин нахмурился

— По мнению экспертов, их модуль попал в краевую зону излученного импульса. У обоих шок, общий паралич... Их отправили в медцентр на Курилах. Еще вопросы? Вопросов больше не было.

— Тогда прошу всех вернуться к своим обязанностям. Помните, на всех нас падает огромная ответственность. Как бы ни был далек контакт, начинать его придется нам.

Зимин подошел к главному обзорному видеому вплотную и несколько минут смотрел на слабеющее дымное свечение юпитерианского серпа. Когда от него осталась лишь тонкая бледная полоска, стало заметно тусклое багровое мерцание в толще ночной атмосферы планеты — отблеск небывалых по величине гроз, а может быть, и результат титанической работы неведомых ее обитателей.

— Гениально, что бы вы там ни говорили! — сказал Старченко. — Это же по-настоящему сенсационное событие, зачем же умалять его значение?

Наумов молча разглядывал переносицу заместителя, удивляясь его недалекости или... нежеланию вникнуть в суть дела. Сенсация... Неужели для него это только сенсация? Максимализм исследователя или неопытность? Или, может быть, равнодушие? Ведь для тех двоих...

Он перевел взгляд на молочно-белые кубы реаниматоров, скрывающие в своем чреве ученых с Юпитера, пострадавших от неизвестного излучения. Вот уже месяц, как крупнейшие медики Земли — невропатологи, нейрохирурги, психотроники, специалисты в области биоэнергетики и физики излучений — пытаются спасти этих людей. Но все, что удалось пока сделать, — это предотвратить коллапс и паралич нервной системы обоих космонавтов. Тела их с помощью специальной аппаратуры жили, а мозг не хотел просыпаться, пораженный чудовищной дозой неведомого излучения.

Гипотеза Наумова, высказанная им на консилиуме, породила сенсацию, о которой сейчас так ярко и красочно рассуждал Старченко. Гипотеза состояла в том, что передача юпитериан, предназначенная для неизвестного людям абонента в шаровом скоплении омега Кентавра, была... воспринята Изотовым и Пановским на всех уровнях сознания и подсознания! Мозг обоих «захлебнулся» ливнем чужеродной информации, сфера сознания оказалась переполненной — из-за чего и наступил общий шок, а основная информация осела в глубинах неосознанной психики и привела к параличу всех двигательных центров, что не позволяло освободить память пострадавших обычными путями и почти не оставляло надежд на их излечение

— Сенсация... — пробормотал Наумов. — Это прежде всего горе и боль их родных и близких, вот что это такое...

Наумов был молод, хотя уже в двадцать семь лет стал главврачом Симуширского медцентра нервных заболеваний. Небольшого роста, хрупкий, нервный и легко ранимый в обычной неделовой жизни, вне работы, холодно-спокойный в рабочей обстановке, он не был красивым: лицо слегка портила угрюмая складка губ и неожиданно

нежный «девичий» подбородок. Но когда он улыбался, а случалось это нечасто, — становилось понятным, почему Наумов избрал полем своей деятельности медицину.

— И все же по сути дела у нас в руках клад с тайнами Юпитера! — упрямо заявил Старченко. — Представь, какие знания мы получим, расшифровав «записанную» в их головах информацию!

— Не знаю, — Наумов отвернулся и подошел к пульту медицинского комплекса. Автоматы продолжали следить за состоянием людей, и красно-зеленая гамма на панели пульта указывала на то, что пострадавшие находятся на грани жизни и смерти.

Головы космонавтов скрывались в сложных ажурных конструкциях энцефаловизоров, но Наумову показалось, будто он видит страдальческие гримасы на белых, как мел, лицах, и ему стало зябко и неуютно.

Тихий звон видеовызова заставил Старченко замолчать и подойти к дальней стене зала, за перегородку технических систем. Через минуту он вернулся.

— Снова эта женщина, Изотова. Просит пропустить в зал. Я сказал, что сейчас время процедур и ты занят.

— Впусти, — Наумов нахмурил тонкие темные брови. — Это не просто женщина, это его жена.

— Жена!... хмыкнул Старченко. — Они же давно не... — врач наткнулся на заледеневший взгляд главного и поспешил скрыться за перегородкой. Белобрысый, высокий, плечистый, шумный, он являл собою полную противоположность Наумову, и тот иногда удивлялся в глубине души, как это они проработали вместе уже два года.

В этот день Старченко был Наумову особенно неприятен. Может быть, из-за того, что в его рассуждениях было рациональное зерно, и Наумову не хотелось в этом признаваться? А может, потому, что эмоциональное поведение заместителя открывало удивительно холодный расчет, когда дело касалось других людей?

«Нет-нет, — не согласился с самим собой Наумов. — Он же врач! И неплохой, кстати, врач, нельзя судить о его мировоззрении по одной неосторожной фразе. И все же...»

Наумов вырастил из стены пару кресел и сел, продолжая наблюдать, как сменяются аппараты над телами больных.

Отчего же пришло острое чувство сострадания? Разве мало прошло перед ним пациентов? Искалеченных взрывами, после аварий, катастроф... Разве мало он повидал смертей? В тех случаях его не однажды охватывали отчаяние и гнев — медицина слишком часто оказывалась бессильной, и люди умирали, несмотря на все ухищрения ее многосотлетнего опыта. Врачи научились побеждать болезни, прежде считавшиеся неизлечимыми, выращивать новые органы тела взамен утративших жизнеспособность, но мозг — мозг оказался слишком хрупок и сложен, открытие новых его возможностей происходило медленно-медленно...

Из-за перегородки в зал шагнула молодая женщина, высокая, гибкая, с лицом строгим, настороженным, на котором выделялись твердые, властные губы. «Такая не станет ни плакать, ни жаловаться...» — подумал Наумов с мрачным удовлетворением.

— Здравствуйте, Валентин.

Голос у вошедшей был глубокого баритонального оттенка, красивый и уверенный, как и весь ее облик.

— Здравствуйте, Лидия,— ответил он, вставая навстречу.— Садитесь, прошу вас.

Изотова посмотрела на видеом, губы ее дрогнули.

— Он?

— Да,— кивнул Наумов.— Слева.

Лидия едва заметно усмехнулась, Наумов чутко уловил струну ее настроения: кому, как не ей, определить без подсказки, с какой стороны лежит ее муж?

Они сели. Лидия с минуту смотрела на видеом, потом повернулась к главврачу медицинского центра.

— Я знаю— вы один из лучших нейрохирургов Земли...

Наумов сделал протестующий жест, но Лидия его не заметила.

— Не надо меня успокаивать, прошу ответить прямо: есть надежда? Есть ли надежда, что Сережа будет жить? Наумов с трудом выдержал прямое попадание синего взгляда.

— Разрешите, прежде чем ответить, задать в свою очередь несколько вопросов? Первый: как давно вы... не живете с Сергеем?

Она нахмурилась, прикусила губу.

— Это необходимо для лечения?

— Да,— как можно тверже ответил он.

— Я не живу с Сергеем почти три года.

— И...

— Я люблю его.

Сказано это было так просто и естественно, что Наумов не мог не поверить Изотовой. Но... любовь и— три года вдали друг от друга?

— В чем же причина вашей ссоры?

— Он спортсмен...— Лидия заторопилась, заметив удивление в глазах Наумова.— Он спортсмен во всем: в работе, в увлечении... в жизни. Он ни в чем не хотел быть вторым... и в семье тоже.

— Понятно. И вы не встречались с ним... потом?

Лидия словно погасла на мгновение.

— Встречались. Потом он ушел к Юпитеру... Послушайте, ну это же неважно, понимаете?!— в глазах ее плеснулись боль и гнев.— Мы были нужны друг другу, независимо от... И я люблю его, разве этого мало? И я хочу знать, он будет жить?! Именно таким, каким я его знала? Другого мне не надо...

Наумов невольно посмотрел на видеом, но тот уже меркнул: программа процедур закончилась, и автоматы ждали решения человека.

— Знаете, Лидия, положение осложнилось. Дело в том, что Изотов и Пановский попали не под простой лучевой удар, а под удар информационный. Их мозг теперь заблужден чужеродной информацией, и разблокировать его мы... в общем, пока не в состоянии. Сложность в том, что мы еще сами не разобрались, какие центры и уровни памяти надо «освободить» от ненужных знаний. Может случиться, что в результате операции сотрутся те виды памяти, которые заведуют механизмами памяти наследственной... сотрется «я» Сергея Изотова. Или еще страшней: оживет монстр, которого мы когда-нибудь встретим на Юпитере.

— Нет,— покачала головой Лидия.— Что может быть страшней его смерти?

«Она права,— подумал Наумов,— но что я могу ей ответить? Кто-то заметил: если не знаешь, что сказать, говори правду...»

— Извините, что я так... сразу. Ведь все может закончиться благополучно.

— Спасибо.— Лидия встала, не поднимая глаз.— Я верю вам, верю, что вы сделаете все, чтобы спасти его...

Она вышла, не прощаясь.

«Его!.. Эгоизм в самом чистом виде! О том, другом, о товарище ее мужа она даже и не вспомнила, все заслонил любимый... Самый слепой из эгоизмов — эгоизм любви...»

— Нас вызывает Ленинград,— сказал, подходя, Старченко.— Экспертный отдел Академии Медицины.

Наумов кивнул, не отрывая взгляда от пульта. Красные огни индикаторов вызывали ощущение шипов, вонзающихся в незащищенное тело.

Южный циклон принес на Симушир туман и теплый дождь, продолжавшийся с перерывами три часа.

Наумов соединился с Бюро погоды в Южно-Сахалинске, и ему объяснили, что циклон пропущен на материк по глобальным соображениям Тихоокеанского центра изменения погоды.

— Потерпите часа три-четыре,— виновато сказал диспетчер.— Мы понимаем — медцентр, и все такое прочее, но...

— Это не прочее,— холодно перебил Наумов.— Это здоровье пациентов. В медцентре их насчитывается пятьсот шестьдесят, и для них всякое неконтролируемое изменение погоды в зоне Симушира несет дополнительную нервную нагрузку. Понимаете?

Диспетчер покраснел, отворачиваясь.

Наумов понимал, что тот не виноват, но оставлять это дело без внимания было нельзя.

— Предупредили хотя бы,— сказал он, сдерживаясь.— Мы бы спланировали микроклимат. Дайте мне телекс главного метеоролога, я поговорю с ним.

Выключив видео, он несколько минут прохаживался по кабинету, поглядывая сквозь прозрачную стену на плотное покрывало тумана, скрывшее под собой бухту Броутона с ее прозрачной голубой водой, пролив Дианы, сопки на северной оконечности острова. Лишь строгий конус вулкана Прево плавал над туманом, словно в невесомости, подчеркивая тишину и покой.

«А может, не так уж и плох этот внеплановый зигзаг погоды? Во всяком случае, создается ощущение, будто впереди тебя ожидает нечаянная радость... Туманы ведь в конечном счете проходят, испаряются... как символы неудач и плохого настроения... Надо проверить сводку утреннего состояния больных: если хотя бы у половины состава отмечены положительные эмоции — следует рассчитать «внеплановые» колебания погоды на год... А то мы превратили Симушир в райский уголок с вечным солнцем и ровным климатом. Мне, здоровому, и то иногда тошно...»

Наумов вспомнил лицо диспетчера и поморщился: зря кричал на человека, меньше всего виновного в случив-

шемся... С чувством недовольства собой он сел за стол и вызвал по селектору заведующих отделениями.

В два часа дня кабинет быстро заполнился светилами земной медицины и представителями Академии Наук. Собственно, живых людей было от силы пять-шесть человек, большинство присутствовало через видеомы, однако по внешнему виду невозможно было отличить «видео-призрак» от реального человека.

Несколько минут ушло на знакомство, потом Старченко сообщил всем о состоянии Пановского и Изотова. Глядя на его уверенное красивое лицо, Наумов снова почувствовал прилив раздражения и тут же дал себе слово пройти курс йога-тренинга: повышенная эмоциональная возбудимость уже начинала его беспокоить.

Первым вопрос задал академик Зимин, научный директор одной из станций, исследующих Юпитер, непосредственный руководитель пострадавших. К удивлению Наумова, он прибыл на Землю и явился в медцентр «материально», и этот не совсем обычный поступок имел для главного врача некий тревожный смысл.

— Подтверждено ли предположение о «перезаписи» информации импульса с Юпитера в мозг обоих космонавтов?

В голосе Зимина явственно слышались позвякивание металла и твердый акцент профессионального руководителя.

— Да,— после некоторого колебания сказал Наумов.

— И как велик информационный запас?

— В битах?— с иронией спросил Старченко.— Или вам нужен наглядный пример?

Не ожидавший подобного выпада от заместителя, Наумов с любопытством смотрел на Старченко.

— Мозг человека способен вместить все знания, накопленные опытом нашей цивилизации,— продолжал молодой врач.— А у Пановского с Изотовым заблокированы чуть ли не все уровни памяти, сознание и подсознание. Так что запас чужой информации, «забывшей» даже инстинкты, огромен.

Среди общего оживления Зимин остался бесстрастен и холоден, изучая Старченко, будто выбирая место для удара.

— Существует ли возможность «считывания» этой информации?

Старченко замаялся и оглянулся на главного.

«Теперь хоть ясно, куда он клонит,— подумал Наумов.— Что ему ответить? Изложить собственную позицию? А есть она у меня?»

— Теоретически существует,— сказал он вслух.— Но на практике последние сто лет никто с этим не сталкивался. Понимаете...— он помолчал.— Существует метод так называемой психоинтеллектуальной генерации, основанный на перекачке криптогнозы, то есть информации, осевшей в глубинах неосознанной психики, из сферы подсознания в сферу сознания. Но, во-первых, этот метод применялся всего один раз почти сто лет назад, и нет доказательств, что он себя оправдал, а во-вторых, может оказаться, что мы сотрем психоматрицу субъекта. Для моих пациентов это равносильно смерти.

— Я понимаю,— негромко сказал Зимин.— Но в истории известны примеры, когда люди рисковали жизнью во имя гораздо менее значимых целей.

— Да, но они шли на это сами,— так же тихо сказал академик Чернышев,— и в этом их преимущество перед нами. За них никто не решал, не распоряжался их жизнью. По-моему, прав Наумов, мы не должны решать вопросы жизни и смерти, не спросив у тех, кто рискует больше нас. И вообще мы отвлеклись в сторону от основной проблемы— как лечить этих людей. Давайте оставим правовые вопросы дела и вернемся к медицине.

Зимин хотел что-то возразить, но передумал.

Разговор перешел в русло медицины. Наумов больше не вмешивался в обсуждение предлагаемых методов лечения, хотя здесь присутствовали авторитеты в области изучения человеческого мозга. Он только командовал техникой кабинета, показывая палаты, записи, документы, а в голове стучалась мысль: «Не все еще закончено в этом споре, не все аргументы исчерпаны. Зимин не остановится перед хрупкой, по его мнению, преградой этики. И, к сожалению, он не одинок в своем мнении... Но самое страшное— я не чувствую себя противником Зимина. К тому же, в любом случае способы лечения космонавтов небезопасны, и это отвратительно! Это главное, на что делает упор сам Зимин и его сторонники, выйдя в высокие инстанции. А где найти контраргументы, я не знаю...»

В том, что Зимин обратится в арбитраж более высокого ранга— в Академию Медицины, а может быть, и в ВКС— Высший Координационный Совет Земли,— Наумов не сомневался.

— Предстоит тяжелое объяснение в методсовете Академии,— сказал Чернышев, когда совещание закончилось и кабинет опустел.— Но я с вами, Валентин, можете располагать моим голосом.

— Вы не со мной,— пробормотал Наумов.— Вы с ними,— он мотнул головой в сторону включенного видеомонитора, показывающего реанимационную.

— А я понимаю Зимина,— сказал Старченко, выключая аппаратуру кабинета.— Юпитер изучается более полутора веков, и сколько там погибло исследователей— уж наверняка не единицы! Сравните— за сто пятьдесят лет с грехом пополам определили наличие на Юпитере цивилизации, а тут появилась возможность за несколько минут раскрыть ее суть!

— Я его тоже понимаю,— с горечью сказал Наумов и вспомнил лицо Лидии Изотовой.— Скачок вперед, к новым вершинам знания, к великим открытиям... Если бы при этом не надо было перешагивать через такую малость, как жизнь двоих товарищей...

Издали здание технического центра Управления аварийно-спасательной службы (УАСС) напоминало еловую шишку, растущую прямо из земли. Однако, подлетая ближе, Наумов все меньше находил сходства здания с шишкой. Оно наконец выросло в исполинскую чешуйчатую гору, сверкающую в гранях брызжащим разноцветным огнем.

«Километра полтора в высоту!»— прикинул Наумов.—

И метров двести в диаметре! Что ж, объемы центра организации, ответственной за безопасность и нормальную работу всей цивилизации, должны соответствовать и размаху ее деятельности...»

Из ближайшей многометровой чешуйки метнулась вдруг к быстролету металлическая лапа, подхватила двухместный аппарат и втянула его в глубину здания.

Выпрыгнув из кабины на пол взлетно-посадочного комплекса малых машин, Наумов несколько минут разбирался в указателях, нашел нужный лифт и через минуту стремительного падения уже стоял перед дверью отдела безопасности космических исследований. Дверь раскрывалась лепестками диафрагмы, и он вошел.

В кабинете начальника отдела находились двое: сам Молчанов, невысокий, худощавый, спокойный, с серыми внимательными глазами, и Зимин. Присутствие академика неприятно подействовало на Наумова, он сдержанно поздоровался и сел в предложенное кресло.

— Ну, я, наверное, больше не нужен,— сказал Зимин, заканчивая разговор, и встал.— Всего доброго.

Во взгляде ученого Наумов прочел странное сожаление, и в душе его шевельнулся дремлющий удав тревоги. Однако виду он не подал, ждал, с чего начнет Молчанов. Тот коснулся сенсорной пластины переключателя на панели видеоселектора и сказал появившемуся «видеопризраку» диспетчера:

— Сима, я буду занят еще двадцать минут, все вопросы переключи пока на Морозова.

После этого начальник отдела обратил не улыбочное свое лицо к гостю.

Они были знакомы давно, тем не менее с минуту приставивались друг к другу, словно встретившись впервые.

— Ну, что там, Валя?— спросил наконец Молчанов.— Что будем делать?

— А что надо делать?— удивился Наумов.— Если ты в курсе проблемы, то повторяться я не буду.

— В общих чертах ознакомлен,— Молчанов бросил взгляд на дверь, за которой скрылся Зимин.— Что и говорить, открытие цивилизации на Юпитере, на этом газовом шаре!.. У меня и без того проблем хватало, а теперь и вовсе вздохнуть некогда.

Наумов иронически хмыкнул.

Молчанов посмотрел на него оценивающе.

— Что, не время плакаться в жилетку? Ты прав, у кого из нас нет забот... А что, Валя, Изотов и Пановский действительно восприняли информацию юпитериан?— внезапно спросил он.

— В том-то и проблема! Чтобы вылечить космонавтов, надо «стереть» чужую для них информацию, много выходов попросту нет. Не существует, понимаешь?

— Понимаю. Ну, а если, «стирая» эту информацию, одновременно записывать ее в память машины?

— «Стирать» и «стирать и записывать»— это два разных метода, причем второй из них почти на сто процентов не гарантирует сохранность человеческой психики.

— Не понял.

— Второй метод сложнее первого в несколько раз. Прежде чем записать «стираемую» информацию, надо сначала ее «перекачать» в сферу сознания пациента, а уж потом с его помощью выяснить, что это за информация.

Сложность в том, что мы рискуем стереть человеческое «я», личность. Для пострадавших это равносильно смертному приговору.

«Повторяю в третий раз!—тоскливо подумал Наумов.—Последний ли? Каждому надо доказывать... и себе в том числе...»

— Зимин говорил, что и обычное «стирание» может дать тот же эффект.

Наумов сжал зубы так, что они заныли.

— Может... И все же риск уменьшается.

— Риск все равно остается.— Молчанов предупредительно поднял руку.— погоди, не спеши доказывать мне обратное, побереги доказательства и красноречие для ВКС.

Наумов недоверчиво посмотрел в глаза начальника отдела.

— Так серьезно?

Молчанов почесал горбинку носа, утвердительно кивнул.

— Понимаешь, Валя, после неожиданного открытия цивилизации на Юпитере над ним уже погибли два человека...

Наумов побледнел.

— Так что проблема несколько шире и серьезней, чем ты себе представляешь. Открытие взбудоражило всю систему станций вокруг Юпитера, ученые грезят контактом... Кстати, КУ-объектов с тех пор никто не наблюдал... Дальнейшее изучение планеты повлечет новые жертвы... и возможно, та информация, которой обладают Пановский и Изотов, спасет не одну жизнь. Я понимаю,— Молчанов встал и медленно прошелся по кабинету, остановился у окна.— Этико-моральная сторона любого действия ни для кого из нас не является отвлеченным понятием, но она не должна становиться и самоцелью.

— Но я отвечаю за их жизни.— Наумов тоже встал и подошел к окну.— Я врач и обязан думать о своих пациентах.

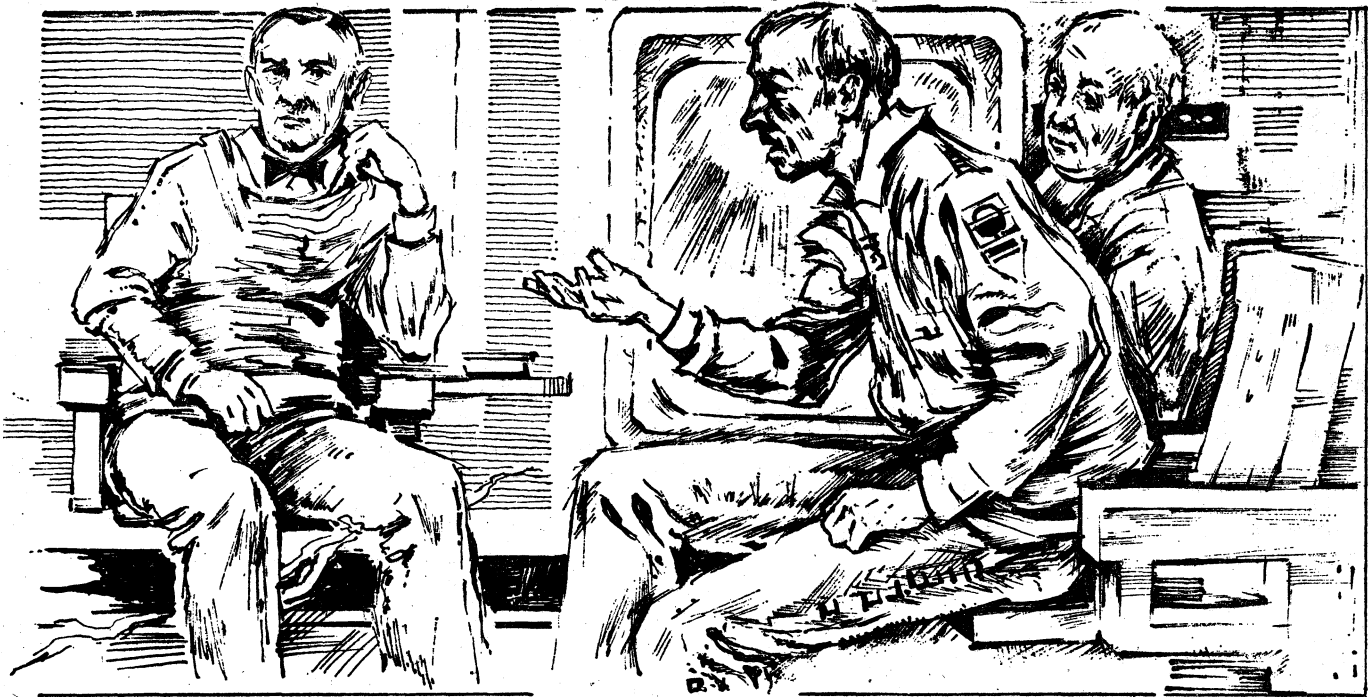
— А я обязан думать о живых,— тихо сказал Молчанов.

Они несколько минут смотрели на разлив лесов, на неторопливо плывущие облака последнего месяца лета. В душе Наумова копилась пустота и холод, страшное ощущение вины. За что? Перед кем? Будто и решения своего он не менял, и аргументы не все исчерпаны... Но вот уверен ли в своем решении? Нет же, не уверен, иначе откуда взялась бы эта тоска и мука?.. И в то же время... Как это получается у Зимина: жизнь одних за счет жизни других? Молчанов, по всему видно, тоже стоит на его позиции... Но ведь не эгоизм же ими руководит, не холодный расчет — самые благие намерения... Стоп, стоп! Вспомни-ка: дорога в ад... Кто же способен решить, что ценней— человеческая жизнь или знания, добытые ценой смерти?! Нет, не так, страшнее: убить, чтобы спасти!..

Наумов взмок от усилий выбраться из той трясины рассуждений, в которую влез, пытаясь оправдать сразу обоих: себя и оппонента. Вытер мокрое лицо ладонью.

— А ты как думал? — покосился на него Молчанов, словно видел, что творится в душе товарища.— Подчас принять решение трудней, чем пожертвовать собой, уж ты мне поверь.

Юпитер кипел, увеличиваясь в размерах. Вот он закрыл собой боковые экраны, затем кормовые, рубку заполнил ровный глухой шум — фон радиопомех. Все предметы окрасились в чистый желтый цвет — настолько интенсив-

ивм было свечение верхней разреженной атмосферы планеты.

— Бамм!

Модуль содрогнулся, некоторое время шел по спирали, а под ним загудело и загрохотало волнами, и в носовом экране выпятился из сияющей клочковатой бездны странный золотой горб, распустился кружевным зонтом и медленно пополз в высоту, рассыпая белыми волокнами толщиной с половину «нормальной» планеты. Одно из волокон настигло убегающий прочь модуль, изображение покрылось черной сеткой трещин.

— Падаю!— раздался слабый, искаженный помехами голос.— Не могу... Прощайте!

Экран потух.

Наумов закрыл глаза и остался недвижим.

— Это их последняя передача,— донесся, словно из преисподней, голос Старченко.— Погибли все трое: Сабиров, Вульф и Гурский. Показывать дальше?

Наумов покачал головой.

— Не надо, на сегодня достаточно. Если у тебя нет дел, ты свободен. Оставь записи, я посмотрю их позже.

Старченко выключил проектор, долго созванивался с кем-то, договариваясь о встрече, и наконец ушел. Наумов посмотрел на часы: было восемь вечера. «Десять утра по среднесолнечному,— перевел он в уме.— Где у них консультативный отдел? Кажется, в Ленинграде, а там тоже утро».

Он соединился с центральной коммутационной станцией ТФ-связи и через нее с консультативным отделом ВКС. Узнал адрес и телекс его руководителя Банглина и с ходу хотел позвонить ему. Однако еще с полчаса сидел в кабинете, постепенно заполняющемся сумерками, и смотрел сквозь прозрачную стену на черный конус пика Прево, врезанный в вишневый тускнеющий закат.

Над далеким Юпитером, в тщетных попытках постичь его суть, тайны бытия и молчаливое пренебрежение к роду человеческому, к попыткам установления контакта с обретенными братьями по Солнцу, продолжали гибнуть люди, первоклассные исследователи и сильные натуры, и не было этому альтернативы, как нет ее у переднего края, и была только одна возможность выбора — вперед! Сквозь боль собственных ошибок, сквозь ад мучительных сомнений в собственной правоте, сквозь слепую веру в совершенство разума и сквозь собственное несовершенство! Вперед! Ибо путь назад — это путь в прошлое, а прошлому нет возврата, уж так устроена эта штука — время! Разве что в памяти человеческой оседает горечь былых поражений, но и она бессильна перед законом: прогресс необратим! Обратима только совесть — обратная связь человека и природы, и только она способна оценить поражение, делающее человека человечней...

Юпитер — лишь миллионная доля проблем, волнующих человечество. Какой же ценой платит оно за прогресс в целом, если одна проблема требует гибели многих?! И как сделать, чтобы не платить человеческими жизнями ради решения любых, самых грандиозных задач? Или не существует иной меры вещей?..

На пульте слабо пискнул сигнал вызова. Наумов повернул голову, подождал. Сигнал повторился. Тогда он включил видеом. Это была жена.

— Я тебя заждалась, Валя,— с упреком сказала она.— Уже девять!

— Извини, Энн,— пробормотал Наумов.— Я скоро приду, только закончу один не очень приятный разговор.

— Ты плохо выглядишь. Что-нибудь случилось?

— Ничего. Наверное, эффект освещения, у нас тут сумерки.

— Нет, случилось, я же вижу. Это из-за твоих новых пациентов — Пановкина и Изотова?

— Пановского,— поправил он машинально.— Понимаешь, Энн... Их надо срочно оперировать, а я... я боюсь. Она внимательно посмотрела ему в глаза и сказала решительно:

— Приезжай поскорей, слышишь?

Наумов кивнул.

Он сидел долго, уставившись взглядом в угол, потом очнулся и без дальнейших колебаний вызвал постоянную комиссию по этике Высшего Координационного Совета.

Руслан Банглин был очень и очень стар, где-то под сто сорок — сто пятьдесят лет. Кожа на его лице была похожа на макет горной складчатости, из которой озерами выглядывали холодные, прозрачные, внимательные глаза. Волос на длинной, огурцом, голове почти не было, шею скрывал глухой воротник.

Наумов не раз имел разговор с председателем комиссии морали и этики, и всегда у него складывалось впечатление, будто он беспокоит этого страшно занятого и властного человека по пустякам. Впрочем, не у него одного возникала такая мысль, хотя о Банглине ходила слава точного до педантизма и обязательного человека, человека слова.

— Я, собственно, к вам по вопросу...— осторожно начал Наумов, не зная, как сформулировать этот свой проклятый вопрос.

— Пановский и Изотов,— сказал Банглин.

— Да!— кивнул ошеломленный Наумов, тут же подумав о вездесущем Зимине.— Возникла проблема...

И снова Банглин опередил его.

— Выбор метода оперирования, так?

— Да.— Наумов решил больше не удивляться и постарался быть таким же уверенным, как собеседник. Правда, ему сразу стало смешно — если бы он был уверен, этот разговор просто не состоялся бы.

— Дело в том, что нейрохирургическое вмешательство в мозг почти всегда чревато последствиями. Даже микролазерное и тонкое магнитное сканирование ведет к разрушению соседствующих к оперируемому участков мозга. Хотя в нормальной жизни это не отражается, как правило, но ведь природа зачем-то конструировала запас клеток, который мы уничтожаем? Что теряет человек в результате операции, мы пока не знаем. В случае с учеными изложенный тезис звучит так: метод «перекачки криптогнозы» увеличивает опасность психической перегрузки, а метод «стирания информации» — опасность «стирания интеллекта». Правда, по расчетам специалистов, вероятности неблагоприятных исходов в обоих методах относятся, как два к трем.

— Вектор ошибки?

— Пятьдесят пять на сорок пять.— Наумов невольно покраснел, но не опустил взгляда.— Но соотношение не определяет ориентировки...

Банглин кивком прервал его речь.

— Полно, Валентин, эмоции тут ни при чем. Вы сами понимаете, риск остается, а соотношение два к трем не слишком выразительно. Охарактеризуйте, пожалуйста, каждого.

Наумов озадаченно потер подбородок.

— Я ведь до этого случая их не знал, могу рассказать только со слов...

— Этого достаточно.

— Тогда... Пановский. Ему сорок один год, специальность — Ю-физик. Начинать работать над Юпитером в числе первых исследователей на стационарных комплексах. Три экспедиции глубинного зондирования планеты, последняя едва не закончилась трагически, их спасли в момент падения... Спокоен, малоразговорчив, не общителен, но всегда готов помочь товарищу... Извините за путаную речь, я волнуюсь, а последняя характеристика универсальна, наверное, для всех космонавтов. Вот, пожалуй, все, что я о нем знаю... Изотов очень молод, он почти мой ровесник, по специальности — конструктор молекулярной аппаратуры. Хороший спортсмен — мастер спорта по горным лыжам. («Он спортсмен во всем, — вспомнил Наумов. — В работе, в увлечении... в жизни!») Честолюбив, упрям, любит риск, излишне самонадеян...

В глазах Банглина зажглись насмешливые огоньки, но Наумов сделал вид, что не заметил.

— С женой Лидией не живет три года, — продолжал он. — Но у меня сложилось впечатление, что некоторым образом это устраивало обоих, хотя они и любят друг друга.

— Интересное заключение, — серьезно заметил Банглин.

Он на секунду задумался, мысль его ушла далеко в дебри памяти, в прошлое. Наумов определил это интуицией опытного психолога.

— Мне кажется... — глаза члена ВКС вновь обрели способность видеть настоящее. — Вы преувеличиваете размеры проблемы. И недооцениваете себя. Я не чувствую в вас уверенности, профессиональной уверенности врача, не говоря уж об уверенности психологической, гражданской. Даже не зная всех событий, могу предположить, что вы задумались над шкалой общественных ценностей, так? Но и не имея понятия о существовании определенных нравственных норм, присущих обществу на данном этапе развития, норм врачебной этики, права врача решать — какой метод использовать для лечения больного, можно принять решение, исходя из одного простого принципа: мера всех вещей — человек! Человек, и ни что иное! Да, было бы интересно раскрыть тайны Юпитера, и этот интерес общечеловечески понятен; кто бы мы были, не будь у нас страсти к познанию? Любопытства? И все же пусть вас не смущают доказательства и примеры прошлого. К сожалению, кое-кто прав: как и сотни лет назад, человек иногда рискует жизнью во имя неоправданных целей, а тут — познание открытой цивилизации, случай беспрецедентный в истории человечества! Плюс к этому возможное предупреждение гибели исследователей. Поневоле задумаешься, я вас вполне понимаю. Ведь мы не отступим, нет? Да и куда отступать? Вот и подумайте, разберитесь в самом себе, и когда к вам придет уверенность, когда вы будете убеждены в своей правоте — позвоните мне, и мы возвратимся к этой теме. Только времени у нас с вами мало. Заседание ВКС послезавтра, и к этому сроку вы должны быть готовы.

Он кивнул и отключился.

«А ведь он уже решил! — понял вдруг Наумов. — Он решил, это заметно. И Зимин решил — по-своему, Молча-

нов — тоже по-своему... А я? Врач?! Чего я боюсь больше всего: принять неправильное решение или погубить людей? Не знаю... не знаю! В одном меня только упрекнуть нельзя — доброе имя я потерять не боюсь, есть кое-что повыше этого...»

Наумов убрал одну из прозрачных стен кабинета и подошел к образовавшемуся проему.

На другой стороне бухты всплыл узкий серп месяца. Вздыхал перегревшийся за день прибой, где-то в невидимых зарослях прокричала птица: не сплю, не сплю, не сплю...

Наумов подставил лицо призрачному свету, а в ушах вдруг раздался басовитый гул юпитерианских недр, свисты и хрипы радиопомех, писк маяков и исчезающий, задышающийся человеческий голос:

— Падаю!.. Не могу... Прощайте!..

«Спаси тех, кто сейчас идет на штурм Юпитера и кто пойдет завтра... И спасти двоих, перегруженных чужой информацией... И кто-то снова будет падать в Юпитер?..»

— Падаю!.. Не могу... Прощайте!..

— А я могу?! — крикнул Наумов в лицо ночи. Молча крикнул, сердцем. И пришло к нему вдруг ощущение удачи, будто он перепрыгнул бездну и готов перемахнуть еще одну, и ярость проснулась в нем, и тихая печаль, потому что одновременно потерял он что-то в душе, может быть — право на ошибку...

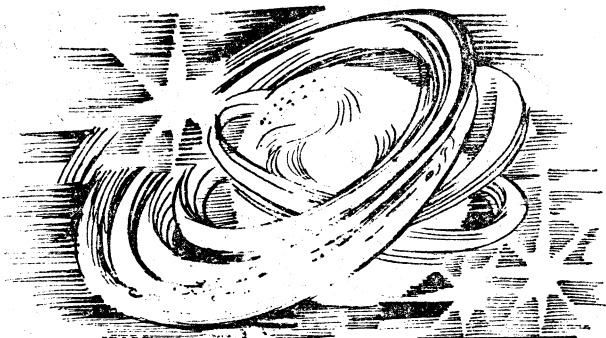
А из лесных зарослей, как ножом по горлу, ударил крик проклятой птицы: не сплю... не сплю...

И крик памяти в ответ:

— Падаю!.. Не могу... Прощайте!..

Мера вещей...

Наумов позвонил домой и сказал, что остается готовиться к операции.

ЕСТЬ ЛИ ЖИЗНЬ НА ЗЕМЛЕ?

По вполне понятной причине мы более приучены к иной постановке вопроса. Есть ли жизнь... в первую очередь — ну, конечно же, на Марсе? (Те, кто сумел повидать фильм «Карнавальная ночь», вероятно, непременно улыбнутся, припомнив артиста Филиппова в характерной роли незадачливого лектора, размышляющего публично на эту тему...) А кроме того — есть ли она на Венере, на любой из прочих планет Солнечной системы? Ныне же — и вообще во Вселенной?

Сомнения в собственном существовании чужды нам, не так ли? Правда, в самые последние десятилетия стали появляться в фантастике и разнообразные — юмористические, в основном, — ситуации, когда, к примеру, венериане, изучая состав изрядно загазованной нашей атмосферы, крепко сомневаются в возможности жизни на Земле. Но это — в наши дни всеобщей озабоченности проблемами земной экологии. Речь же у нас пойдет...

Впрочем, давайте обо всем по порядку.

5 июля 1737 года состоялось одно из самых, по-видимому, ранних посещений нашей скромной планеты представителями внеземных цивилизаций. Слово «скромный» употреблено здесь не в традиционном — чуточку уничижительном для нас — смысле окраинности, периферийности нашего Солнца (и Земли вместе с ним) относительно центральных звездных улиц нашей Галактики. Ведь один из пришельцев не был даже инозвездным, поскольку происходил всего-навсего с Сатурна. Но вот размеры их!.. Сатурниец — еще куда ни шло: рост его равен был «всего лишь» тысяче туазов — двум километрам, если перевести в метрическую систему эту старинную французскую меру длины. Зато Микромегас — гигант из окрестностей Сириуса, компанию которому в его космических странствиях охотно составил «кроха» с Сатурна, — имел от головы до пят сто двадцать тысяч футов, что равно тридцати шести километрам!

Перепрыгивая с луны на луну, эта

пара на попутной комете добралась до Юпитера — и основательно (в течение года) его изучила. Остановку же свою на Земле, показавшейся им после Юпитера поистине жалкой, они предприняли исключительно потому только, что на встретившемся ранее Марсе, впятеро — по данным XVIII века — меньшем нашей планеты, побоялись вообще не найти места для ночлега.

К слову сказать, — Марс... Ныне многим известна удивительная история Фобоса и Деймоса — его спутников. Официально они были открыты американцем Асафом Холлом в 1877 году. Неофициально же — на полтора века раньше открыли их астрономы государства Лапуту, как о том поведал посетивший этот летающий остров Лемюэль Гулливер... Свифт, между прочим, приводит даже расчеты орбит этих малых небесных тел, — разумеется, отличающиеся от тех, какие мы знаем сегодня. Но когда нынешние астрономы попробовали выполнить эти расчеты с помощью инструментов, которыми могли располагать современники великого англичанина, — оказалось, что погрешности в его вычислениях продиктованы несовершенством самих инструментов...

Так вот. Французский писатель Мари Франсуа Аруэ, известный всему миру под именем Вольтера, в своей философской повести «Микромегас», изданной в 1752 году (опять-таки — за столетие с четвертью до «заявки» А. Холла), повторяет открытие Свифта! Космические пришельцы Вольтера тоже заметили обращающиеся вокруг Марса две луны, которые «ускользнули от глаз наших астрономов». Эти последние, предвидит писатель, будут, конечно, иронизировать по поводу их существования, но... «Я обращусь за защитой к здравому смыслу людей, привыкших судить по аналогии. Эти добрые философы поймут, как трудно было бы Марсу, столь удаленному от Солнца, обойтись менее чем двумя лунами...» Расчетов здесь, как видим, нет. Но, тем не менее, есть сами луны! Что же это — просто внимательное знакомство с книгой Свифта? Или же действительно — отголоски какого-то древнего знания, — если исходить из поговорки,

утверждающей, будто все новое — это хорошо забытое старое? Кто решится однозначно ответить на этот вопрос?!

Впрочем, вернемся к нашей планете...

Приземлившись в северной части Балтийского моря, пришельцы отдохнули немного, позавтракали и, двинувшись неспешным шагом (неспешным — естественно, для Микромегаса: спутник-то как раз едва поспевал за ним, поскольку на каждый шаг гиганта вынужден был делать по двенадцать своих), обогнули в течение тридцати шести часов всю Землю. При этом они «почти не заметили то пройденное ими болотце, которое носит имя Средиземного моря, а равно и мелкий прудок, называемый океаном и окружающий материки»...

Однако, к чести путешественников, с первых же минут пребывания в новом мире их горячо заинтересовал вопрос о его обитаемости. Но органы чувств их не были пригодны для изучения миниатюрных существ, населяющих Землю... и «карлик» с Сатурна поторопился заключить, что планета безусловно обитаема.

«Вы только посмотрите, — рассуждает он, — как этот мир дурно устроен, как до смешного неправильна его форма! Здесь все пребывает в полном хаосе: взглянуть хоть на эти ничтожные ручейки, из которых ни один не течет по прямой; на эти пруды, которые ни круглы, ни овальные, ни четырехугольны, — правильной формы не заметно ни в одном; на эти острые пупырышки, — он имел в виду горы: Гималаи им, к счастью, не встретились, — которыми топорщится эта Земля и которые исцарапали мне все ноги!.. Никто, обладай он хоть тенью здравого смысла, не согласился бы жить в такой обстановке...»

Как напоминают поспешные умозаключения сатурнидца рассуждения героев нынешней фантастики, которые ведь тоже иной раз судят о встреченных ими мирах по весьма поверхностным признакам! Делают они это, разумеется, в полном согласии с авторским замыслом, подготавливающим разнообразные испытания телу и духу своих героев...

То же и у Вольтера. Умудренный большим житейским опытом, почерпнутым в прежних путешествиях, Микромегас пытается внушить спутнику мысль об относительности самих свидетельств органов чувств. «Ведь не видите же вы своими маленькими глазками некоторых звезд пятидесятой величины, которые прекрасно различаю я, — так неужели заключите из того, будто эти звезды и не существуют?» Случай подтверждает правоту гиганта: им удается так не только обнаружить, но даже и вступить в контакт с крохотными

«инфузориями», какими предстают им обитатели Земли.

В повести великого остроумца и обличителя немало саркастических выпадов в адрес социальных пороков его эпохи. Таково, к примеру, язвительнейшее рассуждение о существе, в чьей руке мог бы поместиться весь земной шар: что оно подумало бы о тех битвах, следствием которых бывает сдача противнику двух деревень? Между тем, «очень может быть, что такие существа найдутся!» — замечает писатель вполне в духе наисовременнейшей нашей фантастики... Вольтер удивительно последователен в обличении любых форм «мирового зла» — отнюдь не абстрактного в его представлении. Все, что только можно извлечь саркастического, извлекает он из каждого своего допущения! «Я уверен, — заканчивает он приведенную выше мысль, — что если эти строки будут прочтены каким-нибудь гренадерским капитаном, то он немедленно сделает головные уборы гренадеров своей роты по крайней мере на два фута выше...»

Горек смех Вольтера по поводу несовершенств рода людского — горек и удивительно злободневен даже и для нашего двадцатого века, сохранившего в своем облике (к счастью, далеко не во всех своих владениях!) многие отрицательные черты прошлого.

«Я сегодня убедился более, чем когда-либо, что о предметах никак нельзя судить по их наружной величине...» Это, увы, не единственное, в чем убеждается Микромегас в результате посещения Земли. Гигант не только телом, но — вполне под стать своему создателю — и духом, он убеждается еще и в том, что и на Земле нет-таки истинного счастья, что и у «разумных атомов» нашей планеты «плоти гораздо больше, чем нужно для того, чтобы делать зло, если считать, что зло происходит от плоти, и слишком много ума, если зло порождается им...»

Заклячая же наше кратковременное знакомство с космическим путешественником Микромегасом, очень трудно перебороть искушение ответить утвердительно «да» на sacramентальное: «был ли и Вольтер научным фантастом?»

А что, — и в самом-то деле?

В. БУГРОВ

Строки из писем

Уважаемая редакция!

В № 9 вашего журнала за прошлый год прочитал заметку «Кто автор «Записок марсианца?»»

Спешу поделиться тем, что знаю, с читателями журнала и товарищем И. Георгиевым. Предлагаю коротенькую заметку —

ОБ АВТОРЕ

«ЗАПИСОК МАРСИАНЦА».

Бурные события начала века — революция 1905 года — дали могучий толчок дремавшим доселе творческим силам народа, пробудили их. Как некое побочное явление, во множестве появились фантастические романы, повести, рассказы, авторы которых пытались смоделировать ближайшее будущее. И на этом участке идеологического фронта разгорелась ожесточенная борьба. Реакционеры всех мастей (С. Шарапов, профессор ботаники К. Мережковский и другие) использовали фантастику для проповеди монархических, расистских, черносотенных идей, пытаясь доказать их неизбежность и вечность для России. Однако находились фантасты, которые видели другое будущее. Именно в эти годы А. Богданов создал свою замечательную коммунистическую утопию «Красная звезда». По эту же сторону баррикады находился и Григорий Николаевич Ольшанский, журналист, сотрудник журнала «Исторический Вестник». «Ольшанский» и «Ольшановский» — были его псевдонимами, подлинная фамилия писателя — Евневич. Автор исторических и бытовых повестей и рассказов, прошедших незамеченными, он в 1907 году опубликовал сборник фантастических рассказов под названием «Независимая сатира», открывавшийся большим рассказом (собственно говоря, даже повестью) «На Земле. Из записок марсианца». Добавлю, кстати, что в следующем, 1908 году был опубликован еще один сборник фантастических рассказов Г. Ольшанского — «Откровенные речи в XXXIII Государственной думе».

Т. ХАРЛАМОВ

ДОМИК-ПРЯНИК

«Я глядел в окно, и все мне казалось розовым — и небо, и земля. Я догадался, что это зависит от стекла, и спросил у Нади, почему здесь поставлено розовое стекло.

— Оно из леденцовой массы, — объяснила Надя. И далее она поведала мне, что такие домики-контейнеры предполагается транспортировать на Венеру. Там их будут сбрасывать на парашютах в венерианские джунгли. В этих джунглях Исследователи часто теряют ориентировку, и в домиках-контейнерах они смогут найти себе временный кров, отдых и пищу.

— Но при чем же здесь леденцовые стекла? — спросил я.

— Но ведь это съедобный домик, — сказала Надя. — Если у нашедшего приют в этом домике выйдут запасы еды, то он сможет питаться самим домиком. Весь домик-контейнер состоит из сильно спрессованных пищевых концентратов. А снаружи он обтянут тончайшей влаго-непроницаемой пленкой.

Я вынул из кармана техническое описание, данное нам Дежурным, и прочел, что стены сделаны из хлебного концентрата, потолок — из спрессованного шоколада, кресло — из яичного порошка, и даже одеяла были съедобными: стоило отрезать квадратный дециметр и бросить его в кипяток — и получался стакан клюквенного киселя...»

Ленинградский поэт и прозаик Владимир Шефнер, из повести которого «Девушка у обрыва» (1962) взят этот отрывок, конечно же, шутил. Он высмеивал увлечение некоторых фантастов совершенно уж нелепыми изобретениями. Но...

Но прошло всего полтора десятилетия, и американский ученый, профессор Дуглас Уорф, предложил новый вид питания для космонавтов. Как сообщает журнал «Нью сайентист», Уорф «предложил делать внутренние перегородки космических кораблей из затвердевших продуктов питания: яичного белка, молока и т. д.». Сейчас профессор работает над проектом съедобных одежды и личных вещей космонавтов.

Ну как тут не вспомнить общеизвестное утверждение о том, что в каждой шутке есть доля правды!

О премии «Аэлита»

Двадцать лет назад взмыл над планетой первый космолетчик человечества — Юрий Алексеевич Гагарин.

Невозможно переоценить это событие. Звезды, издревле пригважившие к себе взгляд человека, впервые открылись посланцу Земли не затуманенными многокилометровым слоем атмосферы, окружающей планету. Человек шагнул в Космос!..

«Уральский следопыт» решил по-своему отметить двадцатилетие эпохального события.

В минувшем году совместно с Советом по приключенческой и научно-фантастической литературе СП РСФСР наш журнал учредил премию за лучшее произведение российской фантастики.

Эта премия присуждается за создание произведений, получивших широкое признание, отличающихся актуальностью проблематики, новизной авторского замысла и художественного воплощения.

Сформировано жюри, возглавляемое дважды Героем Советского Союза летчиком-космонавтом О. Г. Макаровым и секретарем правления СП РСФСР писателем А. Г. Алексиним. В составе жюри — известные критики и писатели-фантасты, представители редакции «Уральского следопыта».

Жюри рассматривает произведения, опубликованные в печати в законченном виде в течение предшествующих двух лет, и итоговое решение выносит к 12 апреля — Дню космонавтики.

Премия присуждается ежегодно, начиная с 1981 года.

Авторам произведений, удостоенных премии, вручается диплом, нагрудный знак и специальный приз «Аэлита».

Таковы основные положения о присуждении премии «Аэлита».

К моменту вручения «Аэлиты»-81 (о первом лауреате мы расскажем в одном из ближайших номеров) читатели уже будут знать, как выглядит наш приз: цветное изображение его помещено на второй странице обложки этого номера. Там же приведена и выдержка из письма А. Бушкова (Абакан), который — наряду с семьей Журавлевых из Талды-Курганской области, С. Кунавиным из камчатского поселка Крутогорово, А. Шестаевым из Кокчетова и Е. Щербаковой из Миасса — в числе победителей объявленного нами в прошлогоднем февральском номере конкурса на название для приза. К слову сказать, всем им высланы книги с автографами советских писателей-фантастов.

Среди сотен других названий, придуманных читателями (один лишь Олег Пиллюгин, девятиклассник из города Снежного Донецкой области, предложил... 62 варианта!), наиболее часто встречались: «Икар», «Ариэль», «Впередсмотрящему» (и его разновидности: «Заглянувшему в завтра» и «Первопроходец»), «Великое Кольцо», «Фазтон», «Метеор», древний латинский девиз «Через тернии к звездам», «Нейтрино», «Планета». Встречались и стихотворные девизы (чаще всего — двуступишия), и названия-аббревиатуры (к примеру, «Сфинкс» так расшифровывался свердловчанкой Л. Куракиной: «Сочиняй, Фантаст, Интересные Новые Книги Скорее!»), и мудрые изречения великих людей о значении мечты, фантазии, вымысла (эти изречения, по замыслу предлагавших, полагалось бы выгравировать на пластинке и прикрепить к призу)...

Редакция благодарит читателей, принявших участие в этом конкурсе.

Не будем повторять и приводить новые доводы в пользу «Аэлиты», — решение принято.

ШТУКАТУРЫ

**Борис
СЕМЕНОВ**

В соседнем помещении делали капитальный ремонт. Выходя в коридор покурить, я любил заглядывать туда, как идут дела. На этот раз там трудились двое — пожилой и молодой. Штукатурили.

Велика ли премудрость — штукатурка, полагаю, Володя, раствор, набрасывай на стену или потолок да разравнивай, а высохнет само. Однако в этой комнате происходило нечто непонятное. Как будто та же работа, да не совсем та.

— Просей-ка, Володя, растворчик, — велел пожилой молодому.

— Да я уже сеял, дядя Коля! — А ты еще разок не поленись. В нашем деле тонкий раствор — всегда хорошо. Как мы с тобой поштукатурием, так дальше и будет. Побелка наших грехов не скроет.

Пожилой потер раствор между пальцами, даже как будто понюхал его. Похоже на то, что так пробуют землю пахари, чтобы определить момент, когда начинать сев.

Он добавлял немножко цементу, поливал водой, снова растирал между пальцами, подсыпал алебастру, перемешивал. И все это делалось так «аппетитно», что я не выдержал. Попросив разрешения, пощупал раствор. Действительно — тонкая работа, ни малейшего камушка! Молодому было велено тщательно перемешивать эту «кашу».

— Вы прямо, как моя мама, — сказал он своему шефу, — долго тесто заводите.

— Во-во, правильно говоришь, сынок. Я так считаю, что раствор и должен быть навроде доброго теста. Тут расчет нужен: много алебастру дашь — быстро схватываться начнет, не успеешь растереть. Цемент тоже подхода требует — мягкость придает.

Вот он набрал на фанерку много раствора, мастерком аккуратно, но быстро набросал на потолок. При этом он все время подставлял фанерку под мастерок. Почти ни одна капля не упала на пол. Потом кругами растер дощечкой.

Чтобы сделать приятное, я сказал, что после них можно не мыть пол, так чисто. Не отрываясь от дела, дядя Коля ответил, что его учитель говорил ему: «Ты затираешь потолок, а внизу люди кушают, и ни одна капля не должна упасть на стол». Вот как меня учили. А сейчас, чего греха таить, сами знаете, штукатурыт иной раз так, что половина раствора на полу наляпана.

Это верно, увя, привыкли мы к подобным картинам.

У моих штукатуров насчитал я четыре затирочных инструмента. Большая и длинная деревянная пластина, малая пластина, дощечка с набитым на нее войлоком и, наконец, металлический лист с наклеенным поролоном. А я-то думал, что хватит одного, по крайности, двух инструментов.

Стены эта пара затирали таким образом. Дядя Коля накладывал на большую пластину свежий раствор и снизу вверх, держа ее косо, проводил по стене. Получался ровный слой. Подправив его, дядя Коля наносил следующий. За ним шел Володя и растирал малой пластиной. Дядя Коля возвращался и дощечкой с войлоком, смачивая его водой, равнял поверхность. А после опять шел Володя и поролоном «вылизывал», как они говорят. Получился у них своего рода конвейер. Впрочем, потодок Володе «вылизывать» не доверили, там дядя Коля старался сам.

— Завтра, когда просохнет окончательно, еще раз пройдемся сухим поролончиком. Песчинки сотрем, и хорош будет! — И дядя Коля сел перекурить.

Еще я спросил, почему они не применяют затирочные машинки. Выпускает эту технику Свердловский завод «Пневмостроймашина». Дядя Коля знает о них, пробовал. Для массовых работ, конечно, машинки подходят. Вот Володька, когда начнет самостоятельно работать, пусть трет машинкой. А он, дядя Коля, привык своими руками чувствовать стену или потолок. Производительность, может, и поменьше, зато уж качество — извините!

Дядя Коля вышел, Володя сказал:

— Он не хочет машинкой рабо-

тать, говорит, что почерка не видно, у всех одинаково получается.

— А ты хотел бы на технике работать? — спросил я.

— Не знаю, сначала надо все тонкости постичь. У меня еще не получается так ровно и чисто.

И Володя показал мне нишу в стене, которую штукатурил сам. Да, разница налицо, хотя при других обстоятельствах я бы ее, наверно, не заметил. Вполне приличная работа, у себя дома я делаю похуже. Но Володя сказал, что дядя Коля оценил ее на тройку и не стал переделывать только потому, что здесь ниша.

Потом Володя провел меня в другую комнату, где кто-то затирали машинкой. Действительно, качество поверхности получалось средним между Володиным и дяди Коли. От машинки оставались едва заметные полосы, и мне захотелось взять у моих новых знакомых поролон, смочить водой и «вылизать» стену.

На другой день, выбрав минутку, я заглянул в соседнее помещение, где вчера «мы штукатурили». Оно стало совсем светлым и сухим. Я провел по стене рукой — поверхность была совершенно гладкой и ровной. Хотя в пинг-понг играй, если бы она была горизонтальной. У плинтусов лежала аккуратная белая полоска, словно от зубного порошка. Я понял: мои штукатурки уже побывали здесь и прошоркали стены сухим поролоном, сняв песчинки.

Надо же! Впервые в жизни видел я такую чистую затирку. Или мне это казалось, потому что наблюдал всю «кухню»? И, может быть, прав пожилой штукатур насчет собственного почерка?

Вошли женщины-маляры, разложили шланги, разбрызгиватель, готовились к побелке. Одна спросила:

— Это кто здесь затирает, Николай, что ли?

— Не видишь разве, — ответила другая, поглаживая стену.

В это время забежал Володя и стал в нише растирать сухим поролоном стены. Наверное, забыл или решил навести блеск. Нравится ли ему работать штукатуром, спросил я, глядя, как парень, подражая своему учителю, щурил глаз и приседал.

— Мне с дядей Колей нравится! Когда буду делать ремонт в своей квартире, непременно разыщу дядю Колю и рассчитаю его о всех тонкостях этого непростого и замечательного строительного ремесла.

БЕЛОЛОБЫЙ

**Леонид
ФЕДОРОВ**

*Рисунки
Ю. Калмыкова*

Зима пришла необычно рано даже для этих северных мест. Уже в середине октября ударили крепкие морозы, завьюжило, заснежило. Колючие ветры намели вдоль опушек сугробы, с головой прикрыли еловый подрост.

Утром, в первый день ноября, лесник Зяблов с трудом открыл дверь избушки, за ночь буран намел у крыльца высокий сугроб. Выглянул, и от удивления у него отвисла челюсть: посреди двора, в снегу лежал лось с огромными рогами-лопатами.

— Надо же, — ухмыльнулся Зяблов, — полтонны мяса с доставкой на дом!

Не закрывая дверь, на цыпочках вернулся в избу, сдернул со стены ружье и загнал в стволы патроны, снаряженные пулями. Осторожно, чтобы не скрипели половицы, вернулся в сени, выглянул во двор. Зверь лежал на том же месте. Лесник вскинул ружье. От волнения стволы ходили в его руках ходуном и он долго не мог выбрать убойное место. Наконец, когда палец уже готов был нажать спусковой крючок, он тихонько выругался и отставил в угол двустволку. В кармане у него лежала лицензия на отстрел лоса, и, застрелив его сейчас, он бы не нарушил закона. Но одно дело выследить, перехитрить зверя, потратить на это уйму сил, доказать свой ум и выносливость и другое — добить попавшего в беду беспомощного лоса.

Вздыхнув, покачал кудлатой головой, словно отгоняя наваждение. Взял со стола каравай хлеба, искрошил его в тазик и вышел с ним во двор. При виде человека лось рванулся, попытался вскочить, но искалеченные ноги не держали его и он снова рухнул в снег.

Зяблов поставил тазик с хлебом к морде зверя. Опустившись на корточки, осторожно протянул руку, погладил толстую несуразную губу животного. Тот фыркнул, зло прижал уши, но остался лежать, только по его шкуре пробежала дрожь.

Лось был напуган. С самой осени беды преследовали его стадо: во время перекочевки отставшего лосенка загрызла рысь, а потом погибла лосиха. Было это по первой пороше, когда животных поднял с лежки приближающийся шум. Шло много людей, шли не таясь, прямо к зверям. Уже на самом выходе из болота, там, где протянулась маленькая гривка с синеющей полоской ельника, глаза лося заметили какое-то движение. Не сбавляя хода, он резко свернул в сторону, и в этот момент грохнули выстрелы. Уголком глаза вожак увидел, как споткнулась лосиха и рухнула на землю. Что-то обожгло ему холку. В ужасе, не разбирая дороги, он прорвался сквозь линию облавы, уводя за собой остальных.

Три дня уходило стадо в безопасное место, останавливаясь на отдых в глухих неприступ-

ных местах. А скоро снова прогремел выстрел, вспугнув отдыхающее стадо. Среди убежавших зверей не стало второй лосихи.

После этого стадо забилось в укромное болото, днем и ночью оставаясь на месте. Теперь они были втроем. Вокруг много осины, ее корой и питались сохатые. Кочевать и оставлять за собой предательский след было опасно. Да и время настало лихое — после первых морозов дохнуло тепло, прошумел дождь и снег покрылся настом, больно ранящим ноги.

А беда шла по пятам. Ветер доносил пока еще трудно уловимые запахи. По ночам из-за дальних холмов слышались тоскливые волчьи голоса.

Незваные гости пожаловали на рассвете. Раскинувшись веером, дюжина волков стала окружать сбившихся в кучку лосей. Наклонив головы, сохатые ждали нападения. Наконец один, самый голодный, прыгнул вперед и тут же упал с раскрытым черепом, попав под острое копыто старого лося. На секунду хищники смешались, но тут же, взвывая, кинулись на лосей. Еще один волк отлетел, сраженный копытом. Два хищника повисли на лосихе, а худая облезлая волчица с остервенением рвала горло упавшего лосенка. Страхнув вписшегося в бок волка, вожак яростно его растоптал, а затем, расшвыряв могучими рогами остальных, помчался от страшного места. Он

летел как на крыльях, не чувствуя боли в ногах от режущего, как стекло, наста, оставляя на снегу кровавые следы. А сзади, обезумев от запаха крови, неслись волки. Внезапно перед ним возник высокий тесовый забор. Лось оказался в ловушке. Волки были уже рядом, когда он, собрав последние силы, гигантским прыжком перемахнул через ограду. И тут же упал. Взбивая копытами снег, пытался подняться, но израненные ноги не держали, и он долго бился в снегу, пока силы окончательно его не покинули.

И вот сейчас, ощущая страшный запах человека, он инстинктивно чувствовал, что нужно вскочить, убежать или вступить в схватку, но сил не было и он продолжал лежать, вздрагивая при каждом прикосновении человека.

Зяблов осторожно гладил лося. Смахнул с морды снег и увидел на его лбу белое пятно. Видно, в одном из осенних сражений соперник ударом рога содрал ему кожу на лбу. Рана зажила, но вместо бурой на этом месте выросла белая шерсть, украсив мощную голову сединой.

— Белолобый! — прошептал Зяблов. Он уже слышал от лесников об этом лосе, но сам увидел его впервые, беспомощным и окровавленным. «Видать, волки подрали», — решил он и, чтобы проверить это, вышел за ограду. Кое-где оставшиеся после бурана следы подтвердили его догадку.

Когда он вернулся во двор, хлеб в тазике исчез. Лось снова попытался вскочить, приподнялся на передние ноги, заскреб задними по снегу и опять рухнул на бок.

— Эх ты, бедолага! — с сочувствием вымолвил Зяблов. — Изрядно тебя потрепали. Отлеживайся да хлебушко жуй, он куда как полезителен и человеку и зверю.

Он принес из избы еще каравай, искрошил в тазик и, чтобы не беспокоить зверя, ушел в избу.

На следующий день утром Зяблов, прихватив новый каравай, вышел во двор. Лось, припадая на задние ноги, стоял под навесом и обгладывал кору с осинового жерди.

— Разве это еда. Накось хлебца!

Лось шарахнулся в сторону, не удержался на больных ногах и упал. С трудом поднялся, зло прижал уши и шагнул навстречу.

— Ну, ну! Ты не шибко-то! — крикнул Зяблов, а сам на всякий случай спрятался за столб. Кинул хлеб, постоял, наблюдая, как лось принюхался к караваю и начал обгрызть корку.

После завтрака Зяблов запряг лошадь и привез с болота полные розвальни краснотала. Рубил не подряд, а только самые молодые и тонкие. Свалил под навес и, управившись с нехитрым домашним хозяйством, отправился на лыжах в обход.

Вернулся уже в сумерках. Открыл калитку и отшатнулся. Почти рядом, загородив дорогу, стоял лось. При виде человека он фыркнул и наклонил голову, выставив навстречу Зяблову страшные рога.

— Ты чо? — заорал испуганный Зяблов. — Оклемался, нечистый дух. А ну, пшел вон! — и замахнулся рукавицей.

Лось попятился. Осторожно, бочком, увязая в снегу, Зяблов обошел зверя и, оглядываясь, заторопился к избе. Прихрамывая, лось двинулся следом. Зяблов уже не помнил, как взлетел на крыльцо и захлопнул за собой дверь.

Немного отдышавшись, он выглянул в щелку. Лось стоял возле крыльца. Широко расставленные ноги мелко дрожали. И эта дрожь, бесильно опущенная голова так потрясли Зяблова, что он, заскочив в избу, схватил со стола хлеб и вышел на крыльцо. Лось переступил ногами и поднял голову. Широко раздувая ноздри, почуял запах хлеба и потянулся к человеку. Зяблов оторвал от каравая кусок и протянул зверю. Тот было отступил на шаг, но потом нерешительно взял мягкими губами кусок...

Через неделю раны на ногах лося зажили, и он легко расхаживал по двору, каждое утро поджидая возле крыльца Зяблова с хлебом. Но однажды лось исчез. Зяблов нашел место, где могучий зверь перепрыгнул забор и ушел в лес.

— Выздоровел. Теперича не пропадет! — обрадовался лесник и тут же почесал затылок — надо было ехать в лесничество за мукой. Весь свой запас он скормил своему гостю.

В середине декабря, когда зима по-настоящему набрала силу, Зяблов снова увидел Белолобого. Тот стоял на опушке возле кордона и смотрел на него.

— Видать, понравился хлеб-то! — засмеялся Зяблов. Вернулся в избу, прихватил каравай и вышел за ограду. Но пусто и одиноко просвечивал лес, продуваемый холодным ветром. Белолобый ушел, не дождался.

ГОШКА И ЯШКА

Евгений
ПИНАЕВ

Рисунки
Н. Мооса

Спешат пароходы по океанским путям-дорогам. У каждого свои планы, свои срочные дела. Завидев земляка, здороваются торопливыми гудками и снова убегают за горизонт. Они напоминают женщин, встретившихся на улице: окинут друг друга пристальным взглядом от кила до клотика, потом бегло, но вни-

мательно осмотрят себя — нет ли изъянов в туалете, в порядке ли такелаж.

Мы только что расстались с чистенькой «Вегой», но себя осматривать не стали. К чему? Знаем и так, что наш лоск слинял в океане за сто семьдесят промысловых суток. Океан и у «Веги» слижет торопливый береговой мантикур. Время всерьез подумать о косметике приходит, когда в трюме скрывается последняя тонна сардины. Мы, например, уже пятые сутки чистим, скоблим и красим «Альфу».

Подвеска болтается у правой скулы судна. Передо мной торчит свежеекрашенный якорь, над головой сияет белилами название парохода, а внизу форштень об аккуратно режет августовскую океанскую голубизну. Свесив голову, я смотрю, как опадает вдоль него тонкая и прозрачная стружка воды. Форштень оброс мягкой зеленой бородой. Она плавно колышется и убегает по ватерлинии к корме, отталкивая армады «португальских корабликов». Их радужные паруса недовольно раскачиваются, постепенно растворяясь в сиянии летнего дня. Пусто вокруг. Только у самого горизонта виднеются дельфины, которые беспечно резвятся и плещутся в ореоле солнечных бликов.

Браться за кисть не хочется. Самая трудоемкая работа сделана — можно передохнуть. Проверив страховочный фал, устраиваюсь поудобнее и прижимаюсь щекой к теплым доскам подвески. Тело расслабло, дремотные волны подхватывают его и несут...

Движение судна и мельканье воды убаюкивают. Может быть, на самом деле чуток подремать? А с другой стороны — мне осточертели сны, которые повторялись ежедневно и были похожи друг на друга, как мартышки, подаренные нам докерами в Лагосе. Каждый раз я встречался с допотопным адмиралом, словно удравшим со страниц дореволюционной «Нивы». Это чучело имело пропитые до белизны глаза, морду — редькой, а на погонах, что торты, оплывали громадные орлы. Взревев: «Стой, Заякин, стой!» — адмирал кидался в погоню за мной и все время пыхтел за спиной, а я бессильно перебирал ногами в двух шагах от него.

Доктор посмеивался — напекло башку. Ведь мы пришли к экватору из пролива Девиса, что возле Гренландии. Тропическое солнце превратило пароход в раскаленную сковороду, на которой поджаривалась команда, ошалевшая от постоянного зноя.

...Я все-таки уснул, хотя и сознавал, что захожусь на подвеске за бортом судна. Нашептывающий плеск воды сплетался в сознании с верещанием мартышек. Они забавно лутили бананы, бросая на меня быстрые взгляды. Конечно, это Гошка и Яшка! Но... но ведь они должны быть на берегу, в зоопарке?! Я помянул Гошку. Он с готовностью подскочил ко

мне и так дернул за бок, что я тут же сел и открыл глаза.

Страховочный фал дергался на поясе, а наверху надрывался боцман: «Витька, рыба кровь! Клопа давишь, что ли!» Торопливо заверив его, что не только бодрствую, но и работаю, я взялся за кисть. «Давай поспедай — скоро обед!» — рявкнул в ответ успокоенный боцман. Все мы знали, что на ходу работать за бортом не положено, и тем не менее делали это, потому что торопились домой.

Кисть скользит по рыжим заплатам сурика, а мысли вновь возвращаются к Гошке и Яшке.

Когда они появились у нас на пароходе, одни решили, что это маргышки, другие называли их макаками. Среди нас не нашлось специалиста по приматам, поэтому стороны пришли к обоюдному согласию, глубокомысленно решив: «все равно это обезьяны». Близняшкам дали имена и поставили на довольствие. Похожие, как две капли воды, на деле близнецами они, конечно, не были, а уж повадки и характеры их можно было сравнить только со штором и штилем. Яшка являл собой смесь робости и благообразия, — невинный агнец и смиренный монашек! Он был молод, мало общался с людьми и еще не привык к человеческому обращению. Не доставляя особых хлопот, Яшка часами раскачивался на трапедии, подвешенной возле траловой лебедки. Едва лебедка ожидала, возвещая об отдаче или выборке трала, он моментально исчезал с промысловой палу-

бы, пережидая лязг, грохот и крики в укромном уголке.

Гошка — ого! — требовал глаз да глаз. Этот товарищ понимал, что к чему, и люди не были для него загадкой. Деятельная натура, он постоянно носился по судну, мотался среди матросов, лез во все углы, всюду совал нос, все пробовал на вкус и на ощупь. На трапедии Гошка появлялся, чтобы лишний раз турнуть безответного Яшку, а потом в спокойной обстановке очистить и слопать банан.

Заслышав призывное гудение лебедки, Гошка бросал все дела и, задрвав хвост, стремглав летел на корму. Барабан лебедки сматывал блестящую нить ваера. Гошка зачарованно смотрел на него, выражая восторг замысловатыми прыжками и курбетами. Он был достаточно сообразителен и не лез на рожон, но присутствие волосатого соглядатая отвлекало и беспокоило матросов, поэтому на время работы его старались убрать от греха. Обычно это возлагалось на меня, ставшего при обезьянах чем-то вроде «дядьки». Я не надоедал им мелким опекуном, и мы прекрасно ладили. Возможно, причиной тому была соблазнительная банановая гроздь, дозревавшая в моей каюте.

Время шло — настырность пассажиров возрастала. Теперь их не удовлетворяла возня с пустыми коробками и скомканными бумажками, которые подсовывали матросы. Не найдя внутри интересной начинки, Яшка разочарованно верещал. Гошка проявлял неудовольст-

вие более наглядно, пускал в ход не только ногти, но и зубы.

Первым отличился Гошка. Он нанес визит старшему электрику Бугаеву, более известному как Электробугай. Воспользовавшись отсутствием хозяина каюты, Гошка выпотрошил все полки и рундуки. Свалив их содержимое на палубу и тщательно «изучив» многочисленные инструкции, схемы и наставления, он исчез, оставив после себя кучу бумажного хлама. Утробный рев Электробугая возвестил о начале новой эры в жизни экипажа «Альфы».

Каюты всполошились, но еще не осознали опасность до конца. То там, то тут слышались причитания, а то и призывы к мести. Впрочем, капитальные «диверсии», заканчивавшиеся уничтожением фотографий или запаса сигарет, случались крайне редко, однако мелкие художества совершались ежедневно. Мало того, Яшка, следуя дурному примеру, тоже скатывался на скользкий путь, хотя и оставался пока в тени.

Пострадавшие пытались апеллировать ко мне, но что я мог предложить, кроме совета запереть двери кают!? После того как обезьяны расписали губной помадой переборки в каюте буфетчицы, а потом развесили на мачте галстуки рефмеханика Максюты, люди наконец поняли, что враг не дремлет, и держали двери на замке. Идиллия продолжалась до того злополучного дня, когда жертвой Гошкиного любопытства стал сушеный лангуст, гордость и щеплавие старшего помощника Столбова.

Старпом на судне — величина. Его личность накладывает заметный отпечаток на жизнь судна. Облик нашего чиф-мейта целиком отражался в его любимом афоризме: «Сказал — ны, значит — ны». До сих пор он только ухмылялся, выслушивая жалобы на обезьян. Когда пал лангуст, усмешка исчезла, и в ход пошло второе правило его жизненного кредо: «Тащить и не пущать». Боцман получил приказ устроить каталажку и засадить в нее возмутителей спокойствия. Гошку посадили в наказание, а Яшку в целях профилактики.

Каталажку оборудовали в капе носового трюма. Обычно им не пользовались, разве что начпрод держал там ящики и картофельные мешки. Дверь оставили открытой, но тщательно занавесили траловой делью и повесили вывеску: «Трюмная обитель». Сквозь ячею мартышки трастились на куцый огрызок палубы перед надстройкой и получали регулярные передачи добрототов.

Яшка относился к наказанию равнодушно. Он меланхолично чесал бока, пробовал добычу на зуб, зажав ее в крохотных пальчиках, а потом принимался за бананы. Они вполне компенсировали ему утраченную свободу. Гошка не чесался. Он прыгал из угла в угол, валил

ящики и тряс сетку, особенно завидев старпома, которому понравилось дразнить «человекообразных» из иллюминатора кают-компани.

Однажды Гошка исчез из «Трюмной обители». Кроме кают-компани, Столбов мог наблюдать за кутузкой из своей каюты и ходовой рубки и поэтому первым обнаружил побег. Я тут же снова получил грозный циркуляр «тащить и не пущать». Вам не приходилось ловить обезьяну, которая не хочет быть пойманной? И не советую. Я носился по судну, как угорелый, прыгал по трапам и надстройкам, а добился лишь того, что загнал Гошку на мачту. Несмотря на льстивое красноречие и банановую гроздь, припасенную в качестве последнего аргумента, он не желал спускаться вниз.

В душе я сочувствовал Гошке, но бесплодная погоня и подначки матросов довели меня до белого каления. Еще бы! Одни советовали отрастить хвост, без которого грозный циркуляр терял смысл. Другие ехидно заявляли, что «гонка за лидером» требует постоянной тренировки, и предлагали спарринг-партнером флегматика Яшку. Только привяжи его на длинную веревку, добавляли они. Третьи утверждали, что впервые видят человека, занимающегося ловлей блох, а кое-кто прикидывал, как я буду выглядеть на манеже цирка в роли укротителя «свирепых макак».

Я отбивался, как мог, но, когда получил совет бросить «мартышкин труд», моментально дозрел и без разговоров покатился в каюту. В эту ночь свидания с адмиралом не было. Обезьяны, принятые большой дозой, избавили меня от его визита.

Понутру стало известно, что Яшка тоже удрал из обители. Я не огорчился. Промысел заканчивался, впереди был непочатый край работы, к тому же мне надоело выглядеть посмешищем в глазах матросов. Прикинув шансы, я отправился к старпому с твердым намерением или склонить его к амнистии, или избиванием себя от незавидной роли надзирателя.

Из кают-компани раздавалась подозрительная возня, и я невольно замедлил шаг. В приоткрытую дверь была видна кастрюля с надписью «компот». Из кастрюли торчали хвост и задние ноги. Чьи? Скорее всего, Яшки. Гошкин хвост в любой ситуации напоминал флагшток или восклицательный знак. Этот изогнулся неммым вопросом. В то время как ноги выплясывали вокруг кастрюли торопливую чечетку, изнутри доносилось самозабвенное чавканье, подтверждавшее, что браконьерствует гурман Яшка. Я тихонько прикрыл дверь и постучал в каюту старпома...

Ссылка на занятость и скопившуюся работу возымела действие. Покрутив носом и почесав затылок, Столбов простил мартышек — до

первого случая. В это нетрудно было поверить. «Сказал — ны, значит — ны» держал слово, если оно касалось наказания. Я не сомневался, что «первый случай» представится очень скоро, и попросил корабельного «Маркони» прочесть по радио лекцию о пользе закрытых дверей. Их стали снова закрывать, в каютах ничего не пропадало, но мартышки нанесли неожиданный удар, откуда мы его совсем не ожидали.

Жара в каюте боцмана навела на мысль о сауне. Полуголый хозяин поминутно совал потное лицо под хлипкую струю вентилятора и рассуждал о преимуществах русской зимы. Я вяло поддерживал его, и разговор сочился еле-еле, как ручеек, готовый пересохнуть каждую минуту. Когда он окончательно иссяк и я поднялся с дивана, в дверях появилась дородная фигура Пелагеи Мартыновны, нашего шеф-повара и главной кормилицы.

Она тоже изнемогла от жары и потому тут же прикинула к вентилятору, втиснув Михалыча в тесный угол каюты. Отдышавшись, Мартыновна объяснила причину своего визита. «Шпигат забился, — перечисляла она, — вода не стекает, помоев до ушей, и вообще не камбуз, а плавательный бассейн». Даже не выслушав нас, она пообещала натравить старпома, «если вы, мамины дети, тотчас не пробьете систему». Боцман по-прежнему кричал в углу, и Мартыновна, уходя, зорко посмотрела на него, дабы убедиться, что речь произвела должное впечатление. «Эх, Пелагея, Пелагея, твою бы энергию да в мирных целях...» — проворчал Михалыч, выдираясь из угла. Я молча отправился на палубу готовить пожарный рукав.

В подобных случаях приходилось действовать по отработанной схеме: во всех умываль-

никах и гальюнах ставили пробки-заглушки, а в раковину, оставшуюся свободной, втыкали рукав. Обычно напора в одну-две атмосферы хватало, чтобы струей воды выбить из системы любой мусор, но в этот раз ожидаемого результата не получилось. Чертыхаясь, я попросил механиков усилить давление. По своему эффекту происшедший «выброс» можно было сравнить только с извержением грязевого гейзера. Внезапно пробудившись, он вышиб пробку в гальюне старпома, украсив подволоку и переборки отнюдь не живописными пятнами и разводами.

Гнев Столбова не имел границ и с трудом уложился в рамки обширного приказа со строгачем, который он при нас отстукал на машинке. Он впервые забыл о привычке сохранять в любом случае английскую корректность и орал не хуже Электробугая. Уловив в крике устный наказ немедленно устранить «бардак», а вечером изложить причину в письменном виде, мы поспешили исчезнуть из каюты.

О том, чтобы вторично использовать могучую силу воды, не приходилось и думать. Остался единственный выход: разбирать систему колено за коленом, чтобы в одном из них найти проклятую затычку.

Подвиг Геракла, прославивший Авгиевы конюшни, бледнел перед испытанием, которое уготовила нам судьба. Все-таки мужик работал на свежем воздухе, а мы, в жаре и пыли, обливаясь потом, ворочались в таких щелях, что приходилось удивляться, как вместе с нами туда пролезает молоток и гаечные ключи. Но истинные муки начались только в кочегарке, куда мы в конце концов попали и где температура подскочила до семидесяти градусов. Прежде чем добраться до болтов, пришлось вскрыть подволоку над котлами в путанице

труб, паропроводов и механизмов. Уподобясь паукам, мы принимали самые невероятные позы, чтобы удержаться в нужном положении или просунуть руку с молотком. Боцман остервенело скреб ключом прикипевшую гайку и сопел в мое ухо: «Сегодня я сделаю кому-то бо-оль-но...». К счастью, злополучное колено обнаружилось именно здесь, и нам не пришлось добираться до запорного клапана. Колено было наглухо запрессовано полотенцем, в которое упиралось около тридцати картофелин.

Можно только предположить, какие глаголы и междометия бушевали в боцманской душе, когда обнаружилась причина наших страданий. На некоторое время он впал в столбняк, а затем грохнул молотком по трубе и прорычал: «Передавлю весь камбуз к чертовой бабушке!» Пришлось напомнить ему, что вначале нужно восстановить систему, а остальное будет зависеть от наличия оставшихся сил.

...Пожалуй, ни одну работу мы не заканчивали с большим удовольствием. Когда наслоения пыли и грязи были смыты под душем, Михалыч все-таки отправился на камбуз, зажав в руках вещественные доказательства виновности пищеблока. Посмотрев ему вслед, я вспомнил, что меня ждет объяснительная записка, и поплелся в каюту. Но предстоящее объяснение не вдохновляло, и боцман застал меня над чистым листом бумаги.

— До сих пор ковыряешься?! — удивился он и свалился на койку. — Роман, поди, сочинишь?

— Почти... — меня не удивила смена настроения боцмана: характер у Михалыча был отходчивым. — Актуальный детектив «Смерть в унитазах». Пойдешь в соавторы? Гонорар-то старпом нам всыпал поровну.

Боцман засмеялся и сел.

— А ведь это твои волосатые кореша нам работенку сподобили. Хе, они и цифу отомстят. Там уборщица до сих пор переборки отмывает!

— Как, мартышки?!

— Мартыновна видела, как эти прохиндеи возились возле картофелечистки, но сначала не обратила внимания. Потом заметила, что они картошкой кидаются, и поперла их с камбуза. Ясно, откуда картошка в системе появилась?

— А полотенце тоже они в шпигат засадили?

— Все может быть. Шпигат-то без решетки, а полотенца на камбузе везде валяются. Коки сейчас все валят на макак.

— Что коки, что макаки... Слушай, Михалыч, надо выгораживать обезьян. Слопает их старпом. Ты об этом на палубе не болтай, а с Пелагеей и ее обормотами я договорюсь.

Однако слухи достигли ушей Столбова, и

участь мартышек была решена. Предстояла разлука. Не помогло и обращение к капитану. Гошку и Яшку решили списать на плавбазу «Новороссийск», которая снималась в порт.

Гошка словно почувствовал предстоящее расставание и притих. У меня тоже было мутно на душе, я вновь и вновь ходил к старпому, но в ответ слышал неизменное «ны».

Гошка сам ускорил переселение. Едва «Альфа» пришвартовалась к базе, он совершил замысловатый прыжок, перескочил на ее спардек и умчался на мачту. Матросы бросились в погоню, но где им было догнать опытного верхолаза! На громадном «Новороссийске» ловить Гошку можно было с таким же успехом, как и в родных джунглях. Умаявшись, новоросийцы прислали делегацию с просьбой оставить мартышку у них. Их буквально потрясло, что Столбов не только тут же согласился, но всучил еще и Яшку.

Обрадованные неожиданным успехом, делегаты решили подарить нам толстого кота по кличке Чайник. С большим трудом его запихали в картонную коробку и переправили на «Альфу». Рыжий, взъерошенный, с вытаращенными глазами, Чайник выскочил из коробки, шипя, словно гремучая змея. Раздраженно отмахиваясь от матросов роскошным хвостом, он, не раздумывая, отправился на камбуз, где и устроил постоянную резиденцию.

Плавбаза ушла через пару дней. Гошка и Яшка, сидевшие взаперти, были выпущены на палубу в последнюю минуту, когда оба судна разделила широкая полоса воды. Я видел, как Гошка носится вдоль борта, всматриваясь в наш пароход, и помахал ему рукой.

Мы часто вспоминали мартышек. Без них жизнь стала слишком пресной, многим не хватало их забавных рожиц и их проделок.

...Перед обедом я поднялся на палубу. У камбуза лежал Чайник, надменно шевеля хвостом. При моем приближении он на миг приоткрыл равнодушный глаз и снова уснул. Я отпихнул его с дороги и прошел мимо, решив по прибытии в порт обязательно посетить зоопарк. Уже месяц, как Гошка и Яшка поселились в нем, а гроздь бананов еще созревает в моей каюте.

Игорь Иванович
Тарабукин

РАЗЯЩЕЙ САТИРЫ БОЕЦ...

В литературе нет деления на трудные и легкие жанры, и все-таки, думаю, вряд ли кто осмелится оспорить, что наитруднейший род литературы — сатира. Природа редких наделяет этим даром, этим поразительным умением выхватить из гущи жизни негативный социально значимый объект или явление, несколькими афористичными строчками выявить его сущность, обличить, осмеять, а значит, тем самым сделать менее опасным для общества.

В числе тех, кто долгие годы плодотворно работал в горячем сатирическом цехе, по праву следует назвать Игоря Ивановича Тарабукина, члена редколлегии, ответственного секретаря редакции журнала «Уральский следопыт», которого в декабре прошлого года смерть вырвала из наших рядов. В стенах редакции рождались замыслы многих книжек писателя: «Пантеон курьезов», «Сатиры», «Ортодоксальный бублик», «Как дважды два» и другие.

Сатирик — всегда боец. Ему положено быть таким, что называется, «по штату», самой природой творчества. Мишенью бичующего пера И. Тарабукина становились карьеристы, бюрократы, мещане, халтурщики от словесности, любители легкой наживы — все те, кто умеет ловко приспособиться к обстоятельствам, использовать для себя с пользой даже невзгоды, переживаемые страной, оберегающие свой покой и свой мирок от потрясений века. Поэт-сатирик горячо откликался как на глобальные проблемы, скажем, угрожающее загрязнение планеты, так и на мелкий бытовой случай, умея пронизательно увидеть в этом мелком типическое, вредоносное. Он был чернорабочим в литературе и тянул свой нелегкий воз сатирика с большим гражданским мужеством.

Многие годы Игорь Иванович тяжело болел, спасаясь от диабета ежедневными уколами. В одну из горьких минут и родилась, по-видимому, его знаменитая «Автобиография», уместившаяся всего в две строчки: «То втык, то ВТЭК, и так — весь век». Но он не был — и это свидетельствуем все мы, кому довелось с ним жить и работать, — мрачным нытиком. Он любил жизнь во всех ее проявлениях: заразительно смеялся шутке, нередко и своей собственной, с мальчишеским задором участвовал в редакционных «капустниках», щедро одаряя талантливыми эпиграммами и дружескими шаржами товарищей по перу.

Незадолго до смерти Игорь Иванович положил на мой стол три машинописных странички: «Вот написал, Джим вдохновил». Джимом зовут его собаку. Эти стихи, которые мы предлагаем вниманию читателей, действительно о собаке, а впрочем, только ли о ней...

Очень трудно примириться с тем, что уже не услышим на редакционных планерках несколько запальчивую, но всегда остроумную речь, не лягут больше на стол странички, подписанные размашистым почерком «И. Тарабукин»...

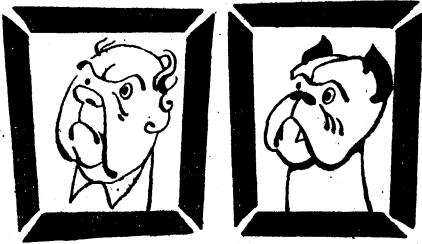
Станислав МЕШАВКИН
Фото А. Лаптева

СОБАКИЗМЫ

Эти нелюбезные строки
я прочел в глазах
своего пса Джима,
из породы боксеров.
Автор

Происхождение

Я помесь дога и бульдога,
Продукт фантазии людской.
Еще б фантазии немного...
И до людей — подать ногой!

Друг человека

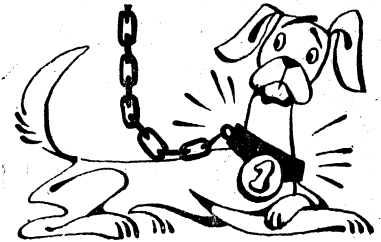
Я друг хозяина.
«А вдруг?!» —
Струхнул он между прочим...
Чем у людей дороже друг,
Тем поводок короче.

Рефлексы

Все на рефлексах в жизни у собак.
И преданность, и служба ваших Рексов...
О том твердит наука. Пусть и так!
Я вам желаю этих же рефлексов!

Награда

Медаль за выучку мне дали
И оказали этим честь.
Но, жаль, ошейник и с медалью
Как был ошейник, так и есть.

Сходство

На почве собственных идей
Все у собак, как у людей:
Чем мельче взгляд и ниже рост,
Тем громче визг и выше хвост!

На выставке

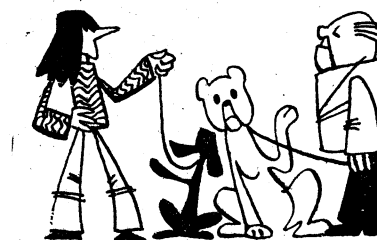
Границ тщеславие не знает!
Все важно: прикус, профиль, фас...
Мы демонстрируем хозяев,
Они показывают нас.

Блохи

Кому случалось уличать хоть раз
Собаку в подлости, во лжи или
в подвохе?
Таких пороков вовсе нет у нас.
Все остальное — это просто блохи!

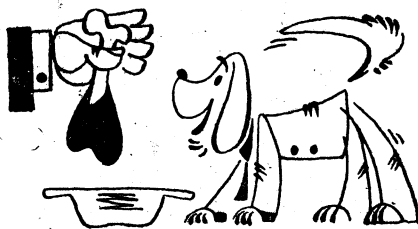
Разница

За сахар, косточку с мяском
Готов юлить, вилять хвостом...
У многих эта есть черта,
Нет, к сожалению, хвост!

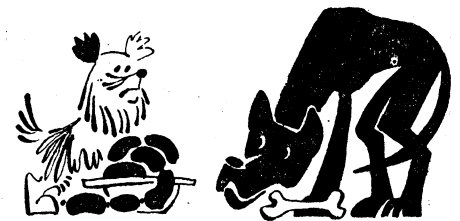
На лестничной площадке

Слева — двери райторгбога.
Справа — лирика порог...
Слева — шавка смотрит догом,
Справа — шавкой смотрит дог.

Подзастолье

Сел человек за стол с вином.
Собаке место — под столом.
Но вот потерян рюмкам счет...
И все теперь наоборот!

Сравнение

Живет сравнение на свете,
Что дураков-де на планете,
Как нас, нерезаных собак.
Ах, если б это было так!

О хозяине

Привык ходить на поводке.
Но если лаять откровенно,
Весь мир такой несовершенный...
И поводок не в той руке!

Еще о дружбе

За что, так рьяно ублажая,
Нас человек в друзья возвел?
За то, что мы не возражаем,
Какую чушь бы он ни плел!

Рисунки Н. Павлова

ДЕНЬ СМЕХА

Обычай шутить друг над другом в день первого апреля уходит в глубь веков. Начало этого события объясняется по-разному.

Одни считают, что поражающие своей необычностью и неожиданностью шутки и веселые розыгрыши придуманы в ознаменование свойств апреля — с изменчивой, неустойчивой погодой месяца. Другие связывают начало этого обычая с празднованием 1 апреля Нового года древними германцами. Как и всякий Новый год день первого апреля был у них днем веселых шуток и необычных подарков.

Позднее, в XVII веке в некоторых странах (Англии, Франции и др.) обычай отмечать день первого апреля был связан с перенесением в 1564 году во Франции празднования Нового года с 1 апреля на 1 января. Но традиция отмечать веселый праздник осталась, и поэтому в день первого апреля по старому обычаю люди веселились, шутили, заставляли выполнять друг друга ненужную работу и исполнять нелепые поручения.

И в наши дни во многих южных странах, где апрель — настоящий весенний месяц, именно в апрельские дни отмечают веселый и красочный новогодний праздник. В Бирме, например, в «новогодние» апрельские дни целую неделю проводятся фестивали воды. В эти дни изнывающие от жары люди обливают друг друга водой из шлангов, водяных пистолетов, а то просто из обыкновенных кувшинов и кружек. Не подвергают этому веселому купанию только почтальонов, чтобы не замочить почту.

Во Вьетнаме в «новогоднюю» апрельскую ночь люди разжигают костры, вокруг которых устраиваются веселые пляски в специальных масках. Каждый у костра рассказывает друг другу всевозможные небывлицы. Издавна повелось в эти апрельские дни ходить друг к другу в гости, нарядившись в самую лучшую

одежду, и дарить подарки детям и солдатам.

У древних индусов днем веселых шуток считается день 31 марта. А во многих индийских штатах и в наши дни отмечают новогодний праздник, отличающийся шутивными проделками. Древние римляне тоже отмечали день первого апреля. В этом месяце в Риме по календарю начиналось самое прекрасное время года — весна. В эти весенние дни римляне отмечали «праздник глупых».

Любопытен еще один исторический факт, относящийся к XVII веку. По случаю прекращения землетрясения и празднования этого радостного события некий рыбак подарил неаполитанскому вице-королю Монтерею к завтраку большую рыбу. Она так понравилась ему, что на другой день 1 апреля вице-король пожелал полакомиться ею снова. Однако поймать такую рыбу в тот день не удалось, поэтому искусный повар приготовил и подал к столу другое блюдо, по вкусу и виду напоминающее рыбу. Вице-королю сюрприз понравился, и, как утверждают, с тех пор в день первого апреля вошло в обычай в шутку обманывать друг друга и посылать подарки, напоминающие о событиях с подставной рыбой.

День первого апреля — день веселых обманов и всевозможных шуточных затей — издавна известен и у нас в стране.

«Апреля первый день обман — Забава общая в народе», — писал Сумароков.

Об этом древнем обычае упоминает в одном из своих стихотворений и П. А. Вяземский:

«И здравый ум и пустомеля

В день этот лжет и горя нет...»

Так, придя из глубины веков, этот древний обычай сохранился до наших дней.

М. СТОЛИН

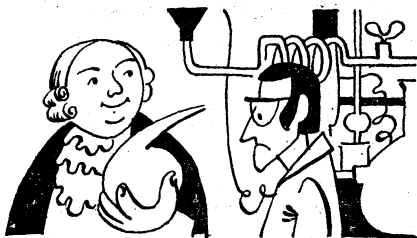

Ракета и травинка

Прошу мне ответить
без всякой заминки:
ракета сложнее или проще травинки?
Вы скажете сразу:
ракета сложнее,
она и нужнее,
она и важнее!
Она состоит
из миллиона деталей,
ее миллион человек собирали!
Тогда вам услышать,
быть может, в новинку,
что сделать нельзя полевую
травинку.

Верней, для травинки
найдутся детали,
но вы соберете
травинку едва ли.
Вам даже не сделать пустяшной
соринки —
кусочка от этой зеленой травинки.
Выходит, травинка
сложней, чем ракета.
Как просто все это
и сложно все это!

Стихи о великом ученом

Ломоносовым подан рапорт,
что потребно десяток реторт,
соли пуд, купоросу, угля —
все химических опытов для
и дубовых досок для полов.
Отпустили — пятнадцать рублей,
И профессор работал, как черт.
Через месяц представил отчет:
Что потратил — в отчете все есть.
А что сделал — потомкам не счастья!

История одного открытия

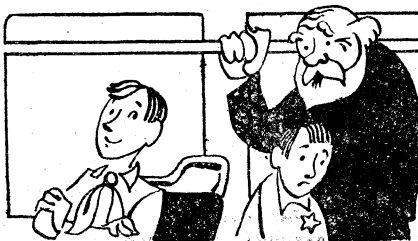
Новый газ из колбы вышел.
Новым газом дышат мыши.
Человек им тоже дышит.
Джозеф Пристлей
так и пишет:
«Воздух делится на части».
Мысль божественно нова.
Здесь у Пристлея от счастья
и от воздуха (отчасти)
закружилась голова.
И об этом Пристлей
пишет.
Не забыл о нем народ:
Джозеф Пристлей
и две мыши
открывали КИСЛОРОД!

В АВТОБУСЕ

— Сидит!.. Вы посмотрите, он —
сидит! Старшие стоят, а он уселся и
глазом не моргнет!.. И чему только
его в школе учат?! И как только
родители-то такого воспитывают?!
А еще октябрятскую звездочку на-
цепил!
Покрасневший октябренок поспеш-
но освободил сиденье. Довольный
пионер сел на его место.

Геннадий ГОРЯЧИЙ

МУДРЯШКИ

Надо ли вносить в список отсут-
ствующих тех, кто мысленно вместе!
Библиотека приключений: чтобы
собрать библиотеку, сколько пере-
жил приключений!

На чем напечатана «Красную кни-
гу», если она станет единственной
книгой природы!

Блудный сын встал на колени, что-
бы казаться маленьким.

Валерий ВОРОНЦОВ

Оправдание акселерата: «Куда
стремиться, если я достиг потолка!».

В школе чутко внимал всем под-
сказкам, не прислушивался только к
голосу совести.

Валерий ФИЛЬЧЕНКО

Если вдруг ученики стали больше
читать — проверьте: не добрались
ли они до книг, написанных только
для родителей.

Школьные занятия будут еще про-
дуктивней, если всех учителей счи-
тать репетиторами для подготовки в
вузы.

Учитель не мог спокойно вести
урок: школьники почему-то сидели
подозрительно тихо...

Рос активным и самостоятельным,
о чем напоминают записи в дневни-
ке: «Вертелся на уроках и не слу-
шал учителей!».

Станислав АФАНАСЬЕВ

Почему каждый учебный год в
школах четвертуют!

У него был переходный возраст —
переходил из школы в школу.

Осознав свои ошибки, стал их вы-
давать за чужие.

Долго держал камень за пазухой,
из-за чего и подорвал свое здо-
ровье.

— Прываю с прошлым, — заявил
только что вылупившийся из яйца
цыпленок.

Его характеризовали с самой луч-
шей стороны, но и о ней почти не-
чего было сказать.

Болтунам и после исчерпывающей
беседы есть о чем поговорить.

Владимир СОЛОМИН

Подвиг в небе Франции

6 августа 1967 года во Франции, близ Марселя, погиб экипаж советского вертолета Ми-6 во главе с летчиком Юрием Гарнаевым. В дыму лесного пожара машина задела линию высоковольтных передач...

Советские вертолетчики вели борьбу с огнем в южных районах Франции, где

бушевали лесные пожары. Там на высоком холме установлен памятник. В небо Прованса взметнулась каменная стела, на цоколе которой выбиты имена погибших советских вертолетчиков и их французских коллег.

В. КРОПотов

Коллекция редких книг

Богатую коллекцию — более шестисот книг по библиографии и библиофиливству — собрал орловский книголюб, бригадир газовой службы завода «Текмаш» Алексей Серафимович Захаров. Он из тех истинных книголюбов, которые не просто с неутомимостью следопыта разыскивают редкие издания, но изучают их, определяют их научную ценность.

Орловская областная библиотека имени Крупской организовала выставку из 100 наиболее ценных и редких изданий, собранных А. Захаровым. В каталоге этой выставки значатся такие редкие книги, как «Опыт российской библиографии» В. С. Сопикова (СПб, 1813—1821), «Роспись российским книгам...» А. Ф. Смирдина (СПб, 1828), «Библиографические разыскания» В. М. Ундольского (М., 1846), двухтомный «Каталог русских иллюстрированных изданий» Н. А. Обольянинова (М., 1914—1915), библиографические работы У. Г. Иваска, С. Р. Минцлова, каталоги библиотек А. П. Бахрушина, Я. Ф. Березина-Ширяева, подбор журналов «Русский библиофила» и «Среди коллекционеров» и многое другое не менее редкое и любопытное.

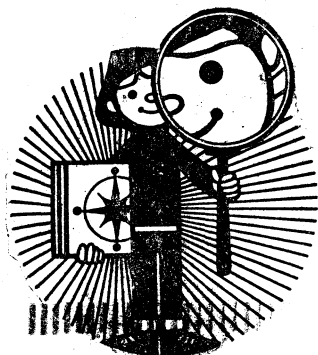
Домашней библиотекой А. С. Захарова пользуются научные работники и специалисты библиотечного дела, библиофилы в поисках нужной справки.

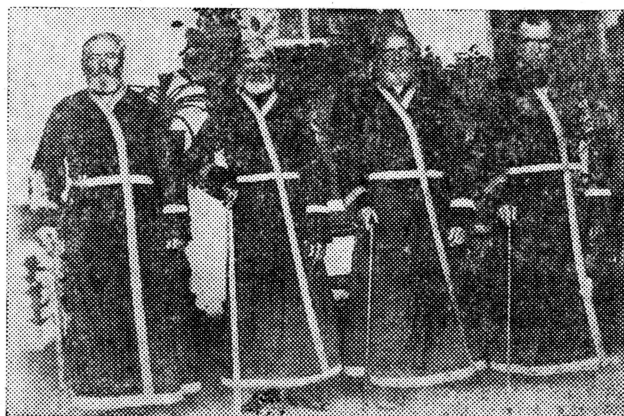
С. ЧЕРНЫХ

МИР

НА ЛАДОНИ

**Фотограф
Сысертских заводов**

Одним из крупнейших заводов Урала в конце XIX века был Сысертский чугунолитейный и железоделательный завод. Владельцем его был Соломирский. «Митрий Павлович у нас — душа-человек, только в заводском деле «тютя», — так отзываются о нем мастера в «Уральских былях» П. П. Бажова.

Летом хозяин развезжал по своему обширному помещению с фотографическим аппаратом, ружьями и рыболовными принадлежностями. Главный же господский дом был как музей: обширная библиотека, теплица с экзотическими растениями и редкими птицами, в одном из кабинетов — коллекция оружия, в другом — собрание дагерротипов, портреты знатных предков, родственников, друзей...

Первые фотографические опыты Дмитрия Павловича Соломирского относятся к 60-м годам. В 1862 году он закончил Московский университет. В 1870 году принял от отца Сысертские заводы.

Революция 1905 года напугала Д. П. Соломирского. Заводы свои он сдал в концессию, а сам занялся наукой, орнитологией в особенности. В 1914 году в Стокгольме им был издан атлас «Птицы Европы» — четыре тома. 900 снимков были собраны Д. П. Соломирским, что принесло ему международную известность.

До конца своих дней Д. П. Соломирский жил в Сысерти. Значительную часть своих коллекций передал в Свердловский краеведческий музей.

На снимке: мастера Сысертского завода. Фото Д. П. Соломирского.

Е. БИРЮКОВ

Симбиоз

сосны и кедр

Встретить кедр в верхневолжских лесах — большая редкость. Костромские лесоводы уже несколько лет выращивают в питомниках свой посадочный материал и заселяют им целые угодья. Но кедр — не сосна, он растет очень медленно. А вот на территории Костромской областной выставки достижения народного хозяйства у кедряки достигают скорости роста. Один из старейших лесоводов-опытников Е. Н. Грязев нашел способ вдвое ускорить развитие кедряки.

Технология проста и доступна каждому любителю: взятый от взрослого кедряки черенок прививается на обычную сосну, достигшую возраста пяти-семи лет. Такое синтезированное хвойное дерево с годами приобретает обличье кедряки, но растет так же быстро, как и сосна. И при этом обильно плодоносит. Для промышленного разведения кедряки такой способ вряд ли годится, но для озеленения населенных пунктов вполне приемлем.

В. ПАШИН

Столетие скользящей лодки

Русский инженер П. Д. Кузьминский, чтобы увеличить скорость движения по воде, в 1881 году построил на Балтийском судостроительном заводе в Петербурге стальную шлюпку, имевшую тетраэдровидную форму обводов. Идею Кузьминского сразу судостроители не поддержали, но однако позднее все корпуса гоночных моторных лодок имели для уменьшения сопротивления воды тетраэдровидность...

Дело русского инженера, значит, не пропало бесследно, а обогатило мировую технику.

Л. ПАНТЕЛЕЕВ

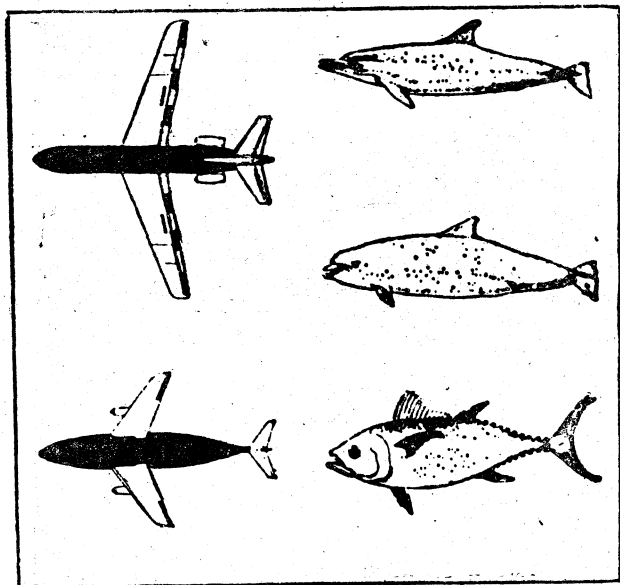
Полюсы холода и жары

Самая низкая температура планеты зарегистрирована на советской антарктической станции «Восток» — минус 88,3 градуса по Цельсию. А вот местечко Аль-Азизия в Ливии пока прочно удерживает звание полюса жары. Здесь зарегистрирована температура плюс 58 градусов.

В СССР самое жаркое место — Репетек в Туркменской ССР. Наивысшая температура, наблюдавшаяся там, — плюс 50 градусов. Самая холодная точка в нашей стране — Оймякон (Якутская АССР). Здесь зарегистрирована температура минус 67,8 градуса.

Я. МЯСНИКОВ

Кто плавает быстрее?

Установлено, что быстрее всех плавают рыбы, имеющие длинные, сильно вырезанные хвосты — рыба-меч, тунец. Большую роль играет также внешний покров тела. Рыба-меч лишена чешуи, что помогает ей развивать высокую скорость плавания. Кальмары, а также другие породы рыб покрыты слизью, уменьшающей трение.

Установлено, что рыба-меч может плавать со скоростью 130 километров в час, парусник — 125, тунец — 82, летучая рыба — 60—65, кит — 50—55, дельфин — 45, акула — 40, кальмар — 41, тюлень — 35, осьминог — 15 километров в час. Разумеется, с такими скоростями они могут передвигаться короткое время и на небольшом отрезке пути.

Некоторые обитатели океанов обладают способностью совершать длительные плавания: киты и тунцы могут проплыть пять — десять тысяч километров.

Приведенные выше сведения необходимы при составлении промысловых прогнозов, проектировании орудий улова, а также судов. Например, форма тела некоторых морских обитателей (дельфин, морская свинья и тунец) подсказала конструкторам формы ряда морских и воздушных кораблей. Вместо длинного сигарообразного корпуса, считавшегося ранее оптимальным, предложен корпус, сходный по форме с телом животных и рыб.

Д. ЭЙДЕЛЬМАН

Шедевр кузнечного мастерства

Посмотрев однажды на трехметровый отрезок стальной рельсы, кузнец решил выковать из него... пальму. Веерная пальма была сделана настолько точно и красиво, что была неотличима от естественной.

В 1896 году эта стальная пальма была экспонатом на Нижегородской выставке. Максим Горький, увидевший в родном городе уникальный экспонат, назвал его

«чудом рук человеческих».

Историкам удалось установить место, где выковывалась пальма — Юзовский завод в Донбассе, и имя мастера — это был А. И. Мерцалов, а помогал ему подручный кузнец Ф. Ф. Шкарин.

Стальная пальма установлена сейчас в одном из залов Горного музея в Ленинграде.

К. ИБАНОВ

Все персонажи знакомы

В Москве в сквере Суворовского бульвара стоит памятник Николаю Васильевичу Гоголю. Открытие его состоялось весной 1909 года.

Интересно, что на пьедестале монумента в бронзовых барельефах изображены герои произведений великого сатирика из «Мертвых душ», «Ревизора», «Петербургских повестей», «Миргорода», «Вечеров на хуторе близ Диканьки»...

Скульптор Н. А. Андреев для позирования пригласил многих известных людей. Так, в роли Бобчинского позировал артист Московского художественного театра И. М. Москвин, Тараса Бульбы — известный журналист и писатель В. А. Гиляровский...

Б. ГАЛИН

Глубина океанов

Самый глубокий из океанов — Тихий. Его средняя глубина составляет 4280 метров. За ним идет Индийский, где средняя глубина равна 3960 метрам, в Атлан-

тическом — 3920 метрам. Эти глубины вычислены без учета мелководных шельфовых морей.

Д. ЛЕВИН

Пионер Юра Гагарин

Я встретился с пионервожатой первого космонавта Лидией Михайловной Шершеевой, которая в шестидесятые годы жила и работала на станции Всесвятской Чусовского района Пермской области. А родилась она в городе Гжатске, который в 1968 году был переименован в Гагарин.

Вернувшись с фронта, Лидия Михайловна поступила работать старшей пионервожатой в гжатский Дом пионеров. Юрий Гагарин тогда учился в четвертом классе Гжатской средней школы, но он часто приходил в Дом пионеров, где с увлечением занимался в авиамodelном кружке. Через год Лидия Михайловна поступила старшей пионервожатой в школу. Юра учился уже в пятом классе.

— Он был активным пионером и хорошим товарищем, — вспоминает Лидия Михайловна. — Класс, в котором он учился, был очень дружным. В этом была заслуга и Юры, старосты класса.

Средняя школа размещалась в двух небольших деревянных зданиях на краю города, разрушенного гитлеровскими захватчиками. Несмотря на тесноту, у нас все же был пионерский уголок — небольшая комната. Юра был частым ее посетителем. Он очень хорошо читал сти-

хи. Учительница литературы Ольга Степановна Раевская ставила его в пример другим ребятам.

В 1962 году, будучи в отпуске, я была у родных Юрия Алексеевича. О многом переговорили мы тогда с матерью космонавта Анной Тимофеевной, которую он очень любил. Из авиационного училища он писал ей чудесные письма.

«Мама! Я люблю тебя. Люблю твои руки, большие и ласковые, люблю морщинки у твоих глаз и седину в твоих волосах... Никогда не беспокойся обо мне».

Его именем названа улица, где он жил, и школа, где учился. При школе созданы музей и школа космонавтов. Консультантом школы был сам Юрий Алексеевич.

— Я горда тем, что первый в мире космонавт — наш советский человек, мой земляк и мой бывший пионер, — говорит Лидия Михайловна. — Я хочу обратиться ко всем ребятам страны: растите сильными, смелыми, честными и правдивыми, растите гагаринцами.

На снимке: учащиеся Гжатской средней школы. Во втором ряду — крайний справа — Юра Гагарин, слева в первом ряду пионервожатая космонавта — Л. М. Тимофеева-Шершеева.

И. ЕЖИКОВ

ХРУСТАЛЬ — ОТ «КРИСТАЛЛ»...

Кварцы... Многочисленное семейство их заслуживает самого уважительного отношения хотя бы потому, что они составляют существенную часть земной коры. Интересно, что самое первое представление о кристаллографическом строении вещества дала человеку модель кварца: ромбы, пирамидальные многогранники, игольчатые формы — как только не меняется геометрическое лицо кристалла. А цветовое их многообразие...

Бесцветные и прозрачные, как вода, кварцы — горный хрусталь. Кстати, «хрусталь» это искаженное «кристалл». Дымчатые — раухтопазы. Черные — морионы. Синие, фиолетовые — аметисты... Забавно звучит их название в переводе с языка граждан Эллады: «непьяный»: — у древних греков аметист служил амулетом от пьянства. Волосатик — есть такой чудный камень, тот же аметист или хрусталь, но с волокнами, иглистыми нитями внутри.

Цвет кварцев зависит от включений, ими могут быть асбест, хлорит, окислы марганца, железа или иные вещества. Когда в кварц «проникает» другой минерал, он становится особенно наряден, превращаясь в темно-

красный авантюрин, луково-зеленый празем, желтоватый «кошачий глаз».

Хотите знать, где одна из самых богатых кварцевых копилки в мире! Кроме Бразилии, Алдана, Вольни! Да у нас же, на Урале — Мурзинка знаменитая.

Но оставим роскошные разновидности кварца ювелирам и модницам. Ничем не хуже и обыкновенные, молочно-белые и серые их сородичи: плавленные, они — хорошие изоляторы; монокристаллы кварца широко используются в радиотехнике и приборостроении. А кварцевые пески — основное сырье для керамической и стекольной промышленности! А кварциты! Это и декоративный камень, и составная железной руды, и сырье для многих отраслей промышленности — динасовой, металлургической, абразивной...

Так что рабочих профессий у кварца тоже немало.

На фото: 1. щетка кристаллов кварца; 2. волосатик; 3. дымчатый хрусталь; 4. аметист.

Фото А. Нагибина